L. eleg. g. 578t (1

<36626908330015 S

<36626908330015

Bayer. Staatsbibliothek

СЛОВАРЪ

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ПОЭЗІИ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ОСТОЛОПОВЫМЪ,

Дѣйствительнымъ и Почетнымъ Членомъ
разныхъ Ученыхъ Обществъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Въ типографіи Императорской Россійской
Академіи,
1821.

Печатать позволено:

съ тѣмъ, чтобъ по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ Цензурной Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

С. П. Б. Іюля 9 дня, 1820 года.

Цензоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Ястребцовъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Принимая на себя въ 1806 году, по желанію С. Петербургскаго Вольнаго Общества *Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ*, составленіе Словаря Піитическаго, не могъ я вообразить, что исполненіе онаго будетъ столь многотрудно, какъ то начало открываться при самомъ, такъ сказать, вступленіи моемъ на сіе поприще: сначала я долженъ былъ читать и перечитывать разныхъ, какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ писателей, для того только, чтобы собрать принадлежащія къ предмету моему слова — Французская Енциклопедія и подобныя на другихъ языкахъ сочиненія были къ тому недостаточны.—Потомъ, приведя въ азбучный порядокъ собранныя слова, надлежало обратиться снова къ тѣмъ же книгамъ, но съ другимъ намѣреніемъ: выпи-

сывать, сокращать, переводить полными статьями, прибавлять къ тому собственныя мои замѣчанія, пріискивать примѣры и пр. и пр. И словомъ, въ продолженіи четырнадцати лѣтъ, все свободное отъ занимаемыхъ мною должностей время, употреблено было для составленія и приведенія въ возможное по силамъ моимъ совершенство сего предлагаемаго нынѣ Словаря Древней и Новой поэзіи. Но я забывалъ всѣ труды мои при утѣшительной для меня мысли, что они могутъ быть полезны моимъ соотечественникамъ.

Съ успѣхомъ ли исполнилъ я мое предпріятіе—о семъ должны судить читатели; я смѣло однакожъ могу сказать, что ни въ одной піитикѣ, ни Россійской, ни Иностранной, не найдутъ они такихъ подробностей, какія здѣсь излагаются: всѣ средства употреблены мною къ тому, чтобы учащихъ и учащихся поэзіи избавить отъ чтенія множества писанныхъ по сему предмету книгъ, которыхъ не всегда отыскать можно, или покрайней

мѣрѣ на которыя потребно весьма значительное иждивеніе.

Объяснивъ сіе, нужнымъ почитаю представить нѣкоторыя предварительныя свѣденія вразсужденіи расположенія и содержанія сего Словаря:

1. Онъ раздѣленъ на три части, изъ коихъ предъ каждою помѣщены всѣ слова, въ оной содержащіяся; на концѣ же третьей части прилагается особливая Методическая таблица, которая показываетъ по порядку полный курсъ поэзіи.

2. Необходимымъ казалось мнѣ помѣстить въ семъ Словарѣ Риторическіе тропы и фигуры, какъ украшенія, принадлежащія равно и прозѣ и поэзіи. Пусть обвинятъ меня лучше въ излишествѣ, нежели въ недостаткѣ.

3. При описаніи происхожденія или исторіи значительнѣйшихъ отраслей поэзіи показаны и прославившіеся въ оныхъ писатели съ означеніемъ времени ихъ существованія — для того, чтобы занимающіеся чтеніемъ какого либо древняго

107 G 18

автора могли соображать его творенiе со нравами того вѣка. Имѣющiй объ ономъ свѣденiе, не будетъ, на примѣръ, упрекать Гомера за то, что герои его сами варили кушанье, или что Царевны его мыли платье.

4. Особенныя разсужденiя по какому либо роду поэзiи означены именемъ сочинителя или названiемъ книги, изъ которой почерпнуты; общiя же правила оставлены безъ такого указанiя по той причинѣ, что онѣ повторяются, или, лучше сказать, переписываются во всѣхъ пiитикахъ, слѣдовательно и нѣтъ никакой нужды знать, изъ какой именно Пiитики выписаны мною.

Примѣч. Слѣдовало бы въ предисловiи сказать что нибудь о пользѣ поэзiи и вообще о превосходствѣ сего искуства въ отношенiи къ другимъ, называемымъ изящными; но это было бы повторенiемъ статьи объ ономъ предметѣ, помѣщенной во второй части сего Словаря.

Н. О.

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

А.

	стран.
Адоническій	1.
Акаталектическій	3.
Акростихъ	—
Актъ	5.
Александрійскій	—
Алкеевъ стихъ	7.
Алкмановъ стихъ	9.
Аллегорическій	10.
Аллегорія	12.
Аллитерація	15.
Аллюзія	16.
Амебейскій	19.
Амфиврахій	—
Амфимакръ	—
Анаграмма	20.
Анакреонтическій	23.
Анаголія	33.
Аналогическій	34.
Анапестъ	—
Анапестоямбическій	42.
Антанаклазисъ	43.
Антибахическій или Антивакхій	—
Антидактиль	44.
Антиспастъ	—
Антистрофа	45.
Антитезъ	—
Антономазія	47.
Антрактъ	48.
Апобатерическій	—
Апокопе	48.
Апологъ	—
Апострофъ	49.
Апофоегма	—
Аппликація	—
Арія	51.
Архилоховъ стихъ	—
Асклепіадовъ стихъ	53.
Астеизмъ	56.
Аферезисъ	57.

Б.

баллада	58.
басня	78.
бахическій	122.
безсоюзіе	—
брахикаталектическій	123.
брахиколонъ	—
брахихорей	124.
букетъ	—
буколическій	125.
буриме	127.
бѣлые стихи	129.

В.

Вакхій	130.
Вакхическій	—
Вереле	—
Водевиль	132.

	стран.
Возвышеніе	132.
Возклицаніе	133.
Возторгъ	134.
Возхожденіе	135.
Вольность	—
Вольные стихи	139.
Воображеніе	140.
Вопрошеніе	145.
Вымыслъ	147.
Высокое	162.

Г.

Галліямбическій	170.
Галліямбъ	—
Гекзаметръ	—
Генетліаческій	—
Георгическій	171.
Геро-Елегическій	—
Героида	—
Герои-Комическій	185.
Героическій	193.
Гіатъ	194.
Гіероглифъ	—
Гименей	195.
Гимнъ	197.
Гимнопедія	216.
Гипербола	—
Гипиркаталектическій	220.
Гиперметръ	—
Гипотипозисъ	—
Гликоновъ стихъ	221.
Гораціанскій	—

Д.

	стран.
Дактилическій	224.
Дактиль	—
Двустишіе	233.
Двустопный	234.
Девизъ	—
Діазирмъ	—
Дидактическій	235.
Діерезисъ	258.
Диметръ	259.
Дипиррихій	—
Диспондей	—
Дистихъ	260.
Дитрохей	—
Дифирамбъ	—
Дихорей	270.
Діямбъ	—
Драмма	271.
Драмматическій	282.
Дуо, Дуэтъ	299.
Дѣйствіе	—

Е.

Евфемизмъ	305.
Евхаристическій	—
Единознаменованіе	—
Единоначатіе	306.
Единство	—
Екзаметръ	—
Еклога	336.
Експромптъ	352.
Елегія	355.

	стран.
Елегическій	378.
Емблемма	379.
Емфазисъ	381.
Еннегемимеръ	382.
Ентузіасмъ	383.
Еоническій	385.
Епентезисъ	—
Епибатерическій	—
Епиграмма	386.
Епиграмматическій	398.
Епиграфъ	—
Епидиктическій	—
Епизодическій	399.
Епизодъ	—
Епикедіонъ	400.
Епилогъ	—
Епиникическій	401.
Епистола	—
Епистолярный	439.
Епиталама	439.
Епитафія	444.
Епитетъ	450.
Епитритъ	453.
Епическій	454.
Еподъ	523.
Епопея	524.
Ептемимеръ	—
Еротическій	525.
Етеостихъ	526.
Етопея	527.
Ехо	—

Ж.

Желаніе	530.
Женскій	531.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

СЛОВАРЬ

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ПОЭЗІИ.

А

АДОНИЧЕСКІЙ. Родъ стиховъ, бывшій въ употребленіи у Грековъ и Римлянъ. Думаютъ, что сіе названіе происходитъ отъ Адониса, любимца Венеры; ибо такой размѣръ наиболѣе употребляемъ былъ въ плачевныхъ пѣсняхъ на смерть Адониса, которыя воспѣваемы были во время годовыхъ праздниковъ, въ честь его установленныхъ.

Адоническій стихъ состоитъ изъ двухъ стопъ: первая дактиль, а вторая спондей, или иногда хорей. На пр: въ словахъ

Rara juventus. — ◡ ◡ — ◡
Avolat aetas. — ◡ ◡ — —

или

Время проходитъ
И невозвратно
Все, что пріятно,
Время уноситъ.

Для лучшей гармоніи можно на Рускомъ языкѣ перемѣшивать сіи стихи съ заключающими дактиль и одинъ долгій слогъ, или, что все равно, съ хоріямбомъ. См. *Хоріямбъ.*

Пчелка златая — ◡ ◡ — ◡
Что ты жужжишь? — ◡ ◡ —
Все вкругъ летая
Прочь не летишь?

Державинъ.

Пышность и слава,
Гордый — тебѣ;
Радость, забава,
Счастіе — мнѣ.
Горы златыя
Крезусъ — тебѣ;
Взоры драгіе
Миленькой — мнѣ.
Лавры, трофеи,
Воинъ — тебѣ;
Розы, лилеи,
Миртечки — мнѣ. и пр.

N. N.

Адоническимъ стихомъ окончивается обыкновенно Сафическая строфа. — См. *Сафическій.*

Scandit aeratas vitiosa naves
Cura, nec turmas equitum relinquit,

Ocyor cervis et agente nimbos

Ocyor euro.

Горацій.

Майска тиха ночь разливала сумракъ,
Голосъ птицъ умолкъ, вѣтерокъ прохладный
Вѣялъ, златомъ звѣздъ испещрялось небо,
Рощи дремали.

Востоковъ.

Греческій писатель Аристофанъ мѣшалъ въ своихъ комедіяхъ Адоническій стихъ съ анапестомъ. См. *Анапестъ.*

АКАТАЛЕКТИЧЕСКІЙ. Въ древней поэзіи такъ назывался каждый стихъ, особенно ямбическій, имѣвшій полное число стопъ, каковъ напримѣръ слѣдующій изъ Персія:

Nec fon|te la|bra pro|lui|cabal|lino.
— — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — —

Слово сіе есть Греческое, происходитъ отъ *κατα* противъ и *λήγω* оканчиваю, съ приложеніемъ въ началѣ отрицательной частицы *ἀ*, и значитъ: не имѣющій на концѣ недостатка.

АКРОСТИХЪ, Краестишіе, Краестрочіе, въ книгахъ Церковныхъ Краегранесіе. См. *Акафистъ Пресвятой Богородицѣ.* —

Сочиненіе въ стихахъ, расположенное такимъ образомъ, что начальныя буквы стиховъ, взятыя по порядку, составляютъ или собственное имя, или какое нибудь другое слово, иногда и цѣлое изрѣченіе. Въ сочиненіяхъ К. Долгорукаго находимъ акростихъ, составляющій слова: *Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка*; у Сумарокова: *Буди Боже милостивъ, Господи помилуй мя.*

Слово *Акростихъ* взято съ Греческаго языка, на которомъ составляется оно изъ ἄκρος, находящійся на краю, и στίχος стихъ.

Примѣры:

I.

Родясь отъ пламени, на небо возвышаюсь,
Оттуда на землю водою ниспускаюсь,
Съ земли меня влечетъ свѣтило дня къ звѣздамъ,
А безъ меня тоска смертельная цвѣтамъ.

N. N.

Сей Акростихъ написанъ въ видѣ загадки; начальныя буквы составляютъ слово *роса*.

2.

На новый годъ. (1813-й)

Пролетѣлъ годъ шумный, бранный;
Онъ ужъ легъ въ цѣпи вѣковъ!
Злоба съ зависцью попранны!
Дерзость стонетъ средь оковъ!
Руской мощною пятою
Адскихъ выходцовъ давнулъ;
Вѣрность, вѣру чтя душою
Лесть, безвѣріе пугнулъ.
Ясно солнышко! явися!
Юный годъ! ты къ намъ слети!
Съ мирной вѣтвію спустися,
Насъ улыбкой освѣти!
Отложи мечи, доспѣхи,
Выставь бѣлой, мирной флагъ;
Миръ сведи — и съ нимъ утѣхи,
Громы скрой — и съ ними страхъ,
Облеки сады цвѣтами,
Дай древамъ обильный плодъ,
Осыпай весь свѣтъ дарами! —
Миръ съ тобою, новый годъ!

N. N.

АКТЪ. См. *Дѣйствіе.*

АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ. Такъ называется во Французской поэзіи родъ стиховъ,

изъ коихъ мужескіе состоятъ изъ 12, а женскіе изъ 13 слоговъ. *Александрійскими* названы отъ того, что такою мѣрою сочинена была одна поэма, въ которой описывались подвиги Александра Македонскаго; а по мнѣнію другихъ, названіе сіе происходитъ отъ города Александріи въ Египтѣ, гдѣ процвѣтала позднѣйшая Греческая поэзія, состоящая наиболѣе изъ ямбическихъ шестистопныхъ стиховъ. Можетъ быть Французы, желая подражать сему размѣру, назвали оный *Александрійскимъ*. Впрочемъ сія поэзія у самихъ Французовъ выходила изъ употребленія. При Маротѣ столь мало извѣстны были стихи сіи, что онъ, въ заглавіи сочиненій своихъ, сей размѣръ заключающихъ, для предувѣдомленія всегда писывалъ *стихи Александрійскіе*. Въ его время поэмы Героическія писаны были стихами изъ 10 и 11 слоговъ. Наконецъ новѣйшіе поэты примѣтивъ, что для высокой поэзіи стихи *Александрійскіе* приличнѣе прочихъ, начали употреблять ихъ какъ въ трагедіяхъ, такъ и въ Епическихъ поэмахъ, отъ чего и называются они стихами Героическими.

Въ Нѣмецкой поэзіи ямбическій ше-

стистопный стихъ названъ также въ подражаніе Французамъ *Александрійскимъ*, Alexandriner. — Первые наши стихотворцы Ломоносовъ и Сумароковъ, заимствовали Ямбическій шестистопный или *Александрійскій* стихъ отъ Французовъ и Нѣмцовъ, у коихъ былъ онъ также главнымъ стихомъ; но въ послѣдствіи времени Нѣмцы, составивъ себѣ по образцу древнихъ и по свойству языка своего, Епическіе екзаметры (см. сіе слово) и Драматическіе ямбы, перестали вообще употреблять *Александрійскій* стихъ въ важныхъ сочиненіяхъ, и предоставили оный для шуточныхъ произведеній и для пародій, чему прекрасные примѣры находятся у Гете.

Александрійскій стихъ, говоритъ Бернгардій (Sprachlehre v. Bernhardi), раздѣляясь на два равные полустишія, безъ переносу словъ изъ одного въ другое, и слѣдовательно почти всегда на два полные смысла, отмѣнно способенъ къ тѣмъ Антитезамъ, къ тѣмъ остроумнымъ выраженіямъ чувствованій и страстей, которыми наполнены Французскія трагедіи.

АЛКЕЕВЪ или АЛКЕЙСКІЙ стихъ. Лирическій поэтъ Алкей, Ἀλκαῖος, рож-

денный въ Митиленѣ, былъ изобрѣтателемъ сего стиха, который употребителенъ въ Лирической поэзіи какъ у Грековъ, такъ и у Римлянъ.

Алкейскій стихъ состоитъ изъ четырыхъ стопъ и одного слога. Первая стопа ямбъ или спондей, вторая ямбъ съ однимъ долгимъ слогомъ, третья и четвертая дактили. Таковые стихи называются *большими Алкейскими.*

Другой родъ, называемый *малыми Алкейскими стихами*, состоитъ изъ двухъ дактилей и двухъ хореевъ.—Изображаются такъ:

Первый

⏓ — | ⏑ — | — | — ⏑ ⏑ | — ⏑ ⏑ |

Вторый

— ⏑ ⏑ | — ⏑ ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Строфа *Алкейская* составляется всегда изъ четырехъ стиховъ.

Горацій, весьма часто употреблявшій сей размѣръ въ своихъ одахъ, составлялъ строфы изъ двухъ большихъ *Алкейскихъ* стиховъ, изъ стиха ямбическаго четырестопнаго съ однимъ слогомъ, и малаго Алкейскаго. На пр.

Eheu! fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni; nec pietas moram
Rugis, et instanti senectae
Afferet, indomitaeque morti.

кн. II. — 24.

Алкейскіе стихи могутъ быть и на Россійскомъ языкѣ, ежели въ большомъ Алкейскомъ вмѣсто долгаго слога въ пресѣченіи поставить краткій, каковъ напримѣръ слѣдующій стихъ Г. Востокова:

Прему|дро скры|ли| боги гря| дущее
◡ — ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡

Малый *Алкейскій* стихъ можетъ быть безъ всякой перемѣны противъ Латинскаго образца.

Гдѣ ты пре|красная?|гдѣ со|крылась?
— ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡

АЛКМАНОВЪ стихъ: употребляемъ былъ Алкманомъ, древнимъ Греческимъ поэтомъ, весьма уважаемымъ за свои Лирическія сочиненія.

Сей стихъ бываетъ различныхъ родовъ и состоитъ:

1). Изъ трехъ дактилей и одного долгаго слога:

Quid genus et proavos strepitis.
— ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —

2). Изъ двухъ дактилей и одного спон-

дея, или изъ двухъ спондеевъ и одного дактиля, съ долгимъ слогомъ на концѣ:

Novitiis pejora fovens.
— ◡ ◡ — — — ◡ ◡ —

Auctoremque deum spectes.
— — — ◡ ◡ — — —

3). Изъ двухъ дактилей и двухъ хореевъ. Сей стихъ называется еще по сходству малымъ Алкейскимъ. См. выше.

Virginibus puerisque canto.
— ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡

4). Изъ трехъ стопъ съ половиною, служащихъ окончанiемъ стиха Екзаметра:

Qui se volet esse potentem,
Animos domet ille feroces,
Nec victa libidine colla
Fadis inmittat habenis.

АЛЛЕГОРИЧЕСКIЙ. Иносказательный; относящiйся къ Аллегорiи, или оную въ себѣ заключающiй. Всякая страсть, говоритъ Мартонцель, всякое качество души, всякое отвлеченное понятiе, будучи облечены въ существенный видъ, составляютъ *Аллегорическiя* лица. Почти всѣ баснословныя божества, какъ то: Красота, Любовь, Мудрость, Время, Миръ, Война и пр. въ началѣ своемъ были *Аллегорическiя*. Но какъ скоро сiи отвлеченныя по-

нятія сдѣлались предметомъ народнаго богопочтенія и возымѣли, такъ сказать, мысленную существенность, тогда включены были въ число истинъ, и не могли уже называться лицами *Аллегорическими.* Одно и тоже лице въ одной поэмѣ бываетъ за *истинное*, а въ другой за *Аллегорическое*, смотря по системѣ вѣрованія, находящейся въ поэмѣ; напримѣръ, въ Енеидѣ Любовь принимается за существо *истинное*, а въ Генріадѣ за лице *Аллегорическое*, также какъ Политика и Раздоръ. Однакожъ таковое олицетвореніе надлежитъ употреблять съ великою осторожностію, а не такъ, какъ въ нѣкоторыхъ старинныхъ романахъ, гдѣ все представляемо было *Аллегорически:* зависть, благосклонность, притворство, стыдъ, порокъ, умъ и пр. тамъ видны были цѣлые *Аллегорическіе* міры и путешествія: *Любовь* ѣздила по дорогѣ *Счастія*, или кто нибудь отправлялся изъ пристани *Холодности*, ѣхалъ по рѣкѣ *Надежды*, проходилъ перешеекъ *Жестокости*, останавливался въ *Терпѣніи*, откуда видѣнъ былъ островъ *Благосклонности*, близь котораго *Невинность* претерпѣла кораблекрушеніе и пр. но къ чести здраваго разсудка и изящной словесно-

сти такія выдумки рѣдко нынѣ показываются.

Примѣръ олицетворенія страстей и пороковъ можно видѣть въ VII пѣсни Россіяды, гдѣ стекаются они къ Безбожію:

Изъ тьмы къ нему его клевреты прибѣгаютъ.
Огнями дышуща предстала черна месть,
Имѣя видъ зміи, ползетъ презрѣнна лесть;
Гордыня предъ него со скипетромъ приходитъ,
Съ презрѣньемъ мрачный взоръ на небеса возводитъ;
Лукавство, яростный потупя въ землю видъ;
Передъ Безбожіемъ задумавшись стоитъ;
Вражда, исполненна всегда кипящимъ ядомъ,
Во трепетъ Тартаръ весь приводитъ смутнымъ взглядомъ, и проч.

Аллегорическія лица составляютъ въ новѣйшихъ поэмахъ *чудесное*. См. *Епическій*.

АЛЛЕГОРІЯ. Иносказаніе, инорѣчіе: тропъ и фигура предложеній. Слово Греческое: отъ ἄλλη другой, отличный и ἀγορὰ рѣчь.

Аллегорія есть пренесеніе предложеній отъ собственнаго знаменованія къ другому, или, что все равно, *Аллегорія* состоитъ въ томъ, когда въ написанномъ

или сказанномъ должно подразумѣвать другое.

Она раздѣляется на *чистую* и *смѣшанную.*

1. *Чистая* состоитъ вся изъ иносказательныхъ или уподобительныхъ предложеній, на пр.

Оселъ останется осломъ
Хотя осыпь его звѣздами,
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.

Державинъ.

Всякой догадаться можетъ, что сочинитель говоритъ здѣсь не объ ослѣ, но о глупомъ вельможѣ.

2. *Смѣшанная* состоитъ изъ предложеній иносказательныхъ, къ которымъ для изъясненія присовокупляются другія въ собственномъ знаменованіи. На пр. Державинъ въ одѣ *на взятіе Измаила* такъ говоритъ объ Исполинѣ:

Онъ спитъ! и насѣкомы гады
Румяный потемняютъ зракъ!

Здѣсь Исполиномъ представляетъ сочинитель цѣлый народъ, сномъ — его бездѣйствіе, гадами — внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ возмутителей; и для изъ-

ясненія сей *Аллегоріи* присовокупляетъ последующіе стихи:

Войны опустошаютъ грады, и пр.

Къ сему тропу принадлежатъ:

1) Нѣкоторыя *загадки*, какъ на примѣръ слѣдующая: *меня родила мать мною рожденная;* 2) всѣ *пословицы*, въ которыхъ заключается иногда чистая, а иногда смѣшанная Аллегорія, какъ то: *тише ѣдешь, дальше будешь; гдѣ тонко, тутъ и рвется* и пр. 3) всѣ *емблемы*, на пр. Нилъ, представленный съ покрытою головою, означаетъ, что источникъ сей рѣки неизвѣстенъ.

Когда *Аллегорія* бываетъ продолжительнѣе приведенныхъ выше примѣровъ, тогда включается въ число фигуръ *предложеній*.

Почти вся Мифологія Грековъ и Римлянъ есть *Аллегорія*; и сіи выдумки въ началѣ своемъ, безъ сомнѣнія, казались самымъ изящнѣйшимъ произведеніемъ ума человѣческаго; но теперь отъ частаго употребленія онѣ потеряли свое достоинство, и кто нынѣ скажетъ, что солнце, погружаясь въ волны, идетъ въ объятія Фетиды, или что у Купидона на глазахъ повязка, не будетъ почтенъ за великаго поэта.

АЛЛИТЕРАЦІЯ. Повтореніе, или лучше сказать, подборъ одинакихъ буквъ. — *Изъ Энциклопедіи.*

Фигура, состоящая въ повтореніи однѣхъ и тѣхъже буквъ или слоговъ, въ началѣ или срединѣ словъ, составляющихъ стихъ или періодъ.

Древніе часто употребляли сію фигуру. Примѣровъ весьма много можно найти въ Гомерѣ и другихъ Греческихъ авторахъ; но они виднѣе въ сочиненіяхъ Латинскихъ, какъ то въ слѣдующемъ стихѣ Еннія:

O tite, tute, tati, tibi tanta, tyranne, tulisti.

или у Виргилія:

Totaque thuriferis Panchaia pinguis arenis
Et sola in siccâ secum spatiatur arena.
Stat sonipes, ac fraena ferox spumantia mandit
Saeva sedens super arma
Longe sala saxa sonabant
Magno misceri murmure pontum.

Сюдаже можно причислить арію изъ одной Италіянской оперы подъ названіемъ I Pretendenti, женихи, хотя и трудно находить въ ней смыслъ, особенно въ началѣ:

Sa che sa, chi sa, che sa,
Ma non sa, che sa, chi sa,
Chi non sa, che sa, chi sa.
Fa chi sa, quello che fa.
Ma non sa quello che fa,
Chi facendo far non sa.
Ha chi fa più di chi sa,
Ma chi sa di più non fa, и проч.

Нынѣ фигура сія въ маломъ уваженіи, даже болѣе принадлежитъ къ погрѣшности въ слогѣ; когда же повтореніе одинаковыхъ буквъ или слоговъ дѣлается согласно съ описываемымъ предметомъ, то сіе относится къ звукоподражательной поэзіи.

АЛЛЮЗІЯ. Слово Латинское *Allusio*, происходитъ отъ *ad*, и *lusus*, а сіе отъ *ludo*, играю.—Игра въ словахъ или въ мысляхъ. Lusus in verbis vel in ideis.

Аллюзія состоитъ въ томъ, когда описывая одну вещь, намѣкаютъ на другую, имѣющую съ оною нѣкоторое сходство. Посему слово Аллюзія значитъ *намѣканіе, намѣкъ*.

Аллюзію можно употребить къ дѣяніямъ историческимъ или баснословнымъ, къ обычаямъ, даже иногда къ одному слову;

при чемъ надобно спараться, чтобъ паковую аллюзію можно было всякому примѣпишь, ибо въ пропшвномъ случаѣ она не сдѣлаешъ никакой пріяпности.

Державинъ въ одѣ *на счастіе* нѣсколько разъ употребилъ Аллюзію, между прочимъ и въ сихъ спихахъ:

Въ пѣ дни, какъ мудрость среди троновъ
Одна не мѣситъ макароновъ,
Не ходитъ въ кузницы коватъ,
А развѣ временемъ лишь скучнымъ
Изволипъ Музъ къ себѣ пускашь и пр.

Вторымъ изъ сихъ стиховъ *намѣкаетъ* авторъ на одну Государыню, которая сама любила готовить кушанье, а третьимъ на Французскаго Короля Людовика XVI, который иногда упражнялся въ означенномъ ремеслѣ.

Аллюзія весьма часто встрѣчается въ Басняхъ — не та общая Аллюзія отъ живопныхъ къ людямъ, дѣлающая основаніе всякой Басни; но та, которая особенно относится къ какому нибудь провинціальному нарѣчію, къ мѣстнымъ обычаямъ, ко нравамъ, ко мнѣніямъ и пр. вотъ нѣкоторые примѣры сей Аллюзіи:

На нравы

Дуракъ ужъ вѣрно сыщетъ средство
Счастливымъ въ свѣтѣ быть.
Хемницеръ. Б. умир. отецъ.

Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты *честенъ* и *уменъ.*
Хемн. — Гадатель.

На пристрастныхъ судей:

И лучше до суда хоть кой-какъ помириться,
Чѣмъ дѣло выиграть и вовсе просудиться,
Иль споря о грошѣ, всемъ домомъ разориться.
Хемн. — Два сосѣда.

На слова или нарѣчія.

Петръ Кроликъ приводилъ въ доводъ
Обычай, *давность* — ихъ закономъ,
Онъ утверждалъ, введенъ въ владѣніе нашъ родъ
Безспорно этимъ домомъ,
Который Кроликомъ Софрономъ
Отказанъ, *справленъ* былъ за сына своего,
Ивана Кролика; по смерти же его
Достался *въ силу* права
Тожъ сыну, *именно* мнѣ Кролику Петру, . . .
Тамъ же:

.....А этотъ крысодавъ...
Пустынникъ набожный средь свѣта,
И въ *казусныхъ* дѣлахъ оракулъ для совѣта.

Дмитріевъ. — Котъ, ласточка и кроликъ.

У негоже заключается прекрасная *Аллюзія* въ сихъ краткихъ словахъ:

Мы сбили! *мы* рѣшили!

Дм. — Б. Муха.

АМЕБЕЙСКІЙ. Симъ именемъ называются такіе стихи или пѣсни, въ которыхъ два дѣйствующія лица поютъ попеременно. Слово сіе происходитъ отъ Греческаго *ἀμείβω*, пою попеременно. Примѣры можно видѣть въ Еклогахъ, какъ то въ Виргиліевыхъ и пр. Гейне, Коментаторъ Виргилія, говоритъ, что отвѣчающій долженъ употреблять стихи тогоже самаго размѣра, какія употребилъ начинающій пѣть.

АМФИВРАХІЙ и

АМФИМАКРЪ. Такъ назывались у Грековъ и Римлянъ двѣ стопы, заключающія по три слога: *первая* одинъ слогъ долгій между двумя краткими (◡ — ◡) на пр:

amare, abire, paternus, Ὅμηρος, пустыня; *вторая* одинъ краткій между двумя долгими (— ◡ —), на пр: omnium, castitas, γραμμάτων, горе намъ, и пр: вторая стопа нѣкоторыми называется еще *creticus*.

Слова *Амфивр ахій* и *Амфимакръ* происходятъ отъ Греческихъ: первое отъ ἀμφὶ, во кругъ и βραχὺς, краткій (стопа вокругъ краткая и длинная посрединѣ); второе также отъ ἀμφὶ и отъ μακρὸς долгій (стопа вокругъ долгая, а по срединѣ краткая).—См. ст. Анапестъ, на концѣ.

АНАГРАММА. Слово Греческое: составлено изъ ἀνὰ, назадъ и γράμμα рѣчь или слово. Анаграмма есть раздѣленіе или переставленіе слоговъ, либо буквъ, собственнаго имени, или какого нибудь слова, такимъ образомъ, чтобы выходило другое слово имѣющее другой смыслъ, и чтобы сверхъ того ни одной буквы не оставалось. Такъ изъ слова *Ломоносовъ* чрезъ переставленіе слоговъ выходитъ *Соломоновъ*; изъ *лѣто* чрезъ переставленіе буквъ выходитъ *тѣло*; изъ *Москва* — *смоква*; изъ *Римъ*—*миръ* или *міръ*.

По чести, цѣлый *міръ* назваться могъ бы *Римъ*:
Онъ міръ весь покорилъ оружіемъ своимъ.

Слѣдующая *Анаграмма* написана была Генералъ-Фельдмаршалу Князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому при извѣстіи о разбитіи имъ Французовъ:

Герой! силъ Роскихъ вождь! разбилъ враговъ, прогналъ,
И за Французской *Ку-тузовъ* безъ счету далъ.
Ку, т. е. *coup*, значитъ *ударъ*.

Хорошія *Анаграммы* весьма рѣдки. Вотъ нѣсколько иностранныхъ, которыя, служа образцемъ, могутъ доставить читателямъ удовольствіе:

Mater armet, matre ratem, metra teram.
Leopoldus—pello duos, гоню двухъ.
Πτολέμαιος—ἀπὸ μέλιτος, изъ меду.

Изъ словъ *Frère Jacques Clément*, который былъ убійцею Генриха III, Французы извлекли слѣдующее рѣченіе: *C'est l'enfer qui l'a crée*, адъ произвелъ его.

Изъ вопроса, сдѣланнаго Пилатомъ Іисусу Христу: *quid est veritas?* что есть истина? выходитъ: *est vir qui adest*, мужъ здѣсь стоящій.

Слѣдующая *Анаграмма* болѣе заслуживаетъ вниманія:

Когда молодый Станиславъ, бывшій потомъ Королемъ Польскимъ, возвратился изъ путешествія, и весь домъ Лещинскихъ собрался въ Лиссѣ для поздравленія его, тогда славный Яблонскій, Ректоръ тамошней Коллегіи, сочинилъ на сей случай привѣтственную рѣчь, за которою послѣдовали разные балеты. Въ сихъ балетахъ танцовали 13 мальчиковъ, въ видѣ Героевъ. Каждый танцоръ держалъ въ рукѣ щитъ, на которомъ начертана была золотомъ одна изъ тринадцати буквъ, составляющихъ слова *Domus Lescinia*, и при концѣ каждаго балета танцоры становились такимъ образомъ, что щиты ихъ составляли различныя рѣченія. При первомъ балетѣ былъ настоящій порядокъ буквъ:

Domus Lescinia, домъ Лещинскихъ.

При второмъ:

Ades incolumis, существуешь непоколебимо, стоишь невредимъ.

При третьемъ:

Omnis es lucida, весь свѣтелъ.

При четвертомъ:

Mane sidus loci, пребывай звѣздою мѣста.

При пятомъ:

Sis columna dei, будь столпъ Божій.

И при послѣднемъ:

I, scande solium, ступай, восходи на престолъ.

Нужнымъ почитаемъ повторить, что *Анаграмма* требуетъ, дабы въ ней всѣ буквы или слоги были безъ изъятія употреблены при перестановкѣ: въ противномъ случаѣ она будетъ неправильная, и приметъ на себя видъ *Логогрифа*.—См. сіе слово. — Греки отличали еще отъ Анаграммы *Палиндромонъ*, состоящій только въ томъ, когда слово, будучи произносимо отъ правой руки къ лѣвой, не перемѣняетъ своего значенія. См. *Палиндромонъ*.

АНАКРЕОНТИЧЕСКІЙ. Слово, означающее, что сочиненіе написано во вкусѣ и слогомъ Греческаго поэта Анакреона. Краткость, пріятность и нѣкоторая небрежность суть правила Анакреонтической поэзіи; а содержаніемъ ея должны быть любовь и веселость, иногда и нравоученіе, но прикрываемое любовью или веселостію.

Стихи сіи по тому только принадлежали въ древности къ лирическому роду, что воспѣваемы были при играніи на лирѣ; впрочемъ они совершенно отличны отъ поэзіи Лирической какъ по избранію предметовъ, такъ и по слогу.

Большая часть Анакреоновыхъ одъ писана стихами, изъ семи слоговъ состоящими. Стопы употребляемы были спондей, ямбъ и анапестъ.

Для примѣра покажемъ здѣсь нѣсколько *Анакреонтическихъ* одъ, переведенныхъ съ подлинника Гг. Львовымъ и Мартыновымъ, и сочиненныхъ другими нашими писателями:

Въ двухъ первыхъ сохраненъ Греческій размѣръ:

Къ лирѣ.

Я пѣть хочу Атридовъ,
Хочу я пѣть о Кадмѣ;
Но струны лиры только
Одну любовь брацаютъ.
Я лиру перестроилъ
И новыя взялъ струны,
Хотѣлъ на ней Иракла
Воспѣть дѣла военны;

Но лира все упорно
Одну любовь звучала.
Прощшпежъ впредь Ирои!
Когда моя ужъ лира
Любовь одну вѣщаетъ.

Львовъ.

Къ женщинамъ.

Зевесъ быкамъ далъ роги,
Конямъ онъ далъ копыты,
А зайцамъ бѣгъ далъ скорый,
Льву зѣвъ зубами полный,
Проворство плавать рыбамъ,
Летать способность птицамъ,
Мущинамъ ратоборство;
Немного что для женщинъ
Оставилъ онъ въ замѣну
Щитовъ, шеломовъ, копій —
Зевесъ имъ красоту далъ.
Щиты и мечъ и пламень
Красавица сражаетъ.

Львовъ.

На любовь свою.

Когда ты столь искусенъ,
Что можешь сосчитать
Всѣ листья на деревьяхъ,
Или морской песокъ;
То поручаю только
Тебѣ я одному
Сочесть моихъ любовницъ.
Ну, помнижь; тридцать пять
Ихъ у меня въ Афинахъ;
Къ симъ приложи еще
Въ Коринфѣ полкъ несмѣтный:—
Ахейскій городъ сей
Красавицами славенъ.—
Либійскихъ положи,
Іонскихъ и Карійскихъ
и Родосскихъ красотъ
Двѣ тысячи невступно.—
Что жъ изумился ты?—
О Сирскихъ и Каповскихъ
Еще я не сказалъ;
О Критскихъ тожъ ни слова,
Гдѣ таинства свои
Свершаетъ сынъ Венеринъ.—
Но какъ тебѣ сочесть

Гидарскихъ, Бактріанскихъ
И Кадикскихъ красотъ,
Душѣ моей любезныхъ?

Мартыновъ.

На самаго себя.

Ты брань поешь Фивійску,
Тотъ ратный Фригскій крикъ;
А я пою, несчастный,
Побѣду надо мной. —
Не флотомъ, ни пѣхотой,
Ни конницей сраженъ;
Совсѣмъ другою силой:
Я взоромъ побѣжденъ.

Мартыновъ.

Къ любовницѣ.

Красавица! не бѣгай
Сѣдыхъ моихъ волосъ,
И юностью блистая
Не презри страсть мою!
Пріятно розы вьются
Съ лилеями въ вѣнкѣ.

Львовъ.

Желаніе.

Къ богамъ земнымъ сближаться
Ни чуть я не ищу,
И больше возвышаться
Никакъ я не хочу.
Душѣ моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашинька моя.

Державинъ.

На самаго себя.

Какъ пью я винны соки
Печаль на умъ нейдетъ.
На что искать заботы,
Хлопотъ, суетъ, работы?
Желаешь или нѣтъ
А все конецъ придетъ.
Почтожъ намъ суетиться?
Мы Вакха позовемъ:
Не смѣетъ къ намъ явиться
Печаль—когда мы пьемъ.

Львовъ.

На любовь.

Ужъ стану, стану я любить! —
Еротъ меня недавно
На это самъ склонялъ;
Но я въ своемъ упрямствѣ
Ослушался его.
Вдругъ лукъ онъ свой поднявши
И золотой колчанъ,
Сталъ звать меня сражаться;
А я, какъ Ахиллесъ,
Надѣвши тверды лапцы,
Копье и щитъ свой взявъ,
Пошелъ на поединокъ.
Стрѣлялъ онъ—я бѣжалъ;
Но какъ уже не стало
Въ его колчанѣ стрѣлъ:
То, разсердясь, стрѣлою
Самъ бросился въ меня;
Прошелъ въ мое онъ сердце
И во все побѣдилъ.
Теперь мнѣ щитъ не нуженъ.....
Когда мой врагъ внутри,
Что защититъ снаружи?

Мартыновъ.

На богатство.

Когда бы Плутусъ златомъ
Могъ смертныхъ жизнь продлить,
Рачительнобъ старался
Я золото копить
На то, чтобъ откупиться
Тогда, какъ смерть явится;
Но жизни искупить
Не можемъ мы казною.
На что вздыхать, тужить,
Сбирать добро, хранить,
Коль данну смерть судьбою
Цѣной не отвратить?
Мнѣ жребій вышелъ пить,
И въ питіи пріятномъ
Въ пирахъ съ друзьями жить,
На ложѣ ароматномъ
Венерѣ послужить.

Львовъ.

Анакреонъ родился около 532 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія, въ Іоническомъ городѣ Теосѣ. Родители его были Скифинъ и Эекія, происшедшіе отъ Царскаго поколѣнія Кодровъ. Максимъ Тиръ увѣряетъ, что сей поэтъ отличался дарованіями

своими съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Онъ вступилъ на свое поприще въ Микалѣ, гдѣ, увѣнчанный цвѣтами, пѣлъ пѣсни и водилъ за собою толпы удивленнаго народа. Поликратъ, Тиранъ Самоскій, прославилъ себя приглашеніемъ ко двору своему славнаго сего мужа, и увѣряютъ, что нѣжная лира Анакреонова смягчала сердце сего жестокаго человѣка. Анакреонъ жилъ также семь лѣтъ въ Афинахъ, дѣля время то съ друзьями, то съ Музами.—Изъ 32-й оды его можно заключить, что онъ былъ въ отдаленной Бактріанѣ, путешествовалъ по Сиріи и Индіи. Наконецъ преселился навсегда въ свое отечество. Онъ умеръ на 84 году. Граждане Теоса воздвигли ему великолѣпную гробницу и прекрасную статую. Въ цитадели Афинской, даже во времена Павзанія, стояла его статуя подлѣ Перикловой. Изъ древнихъ медалей видно, что Анакреонъ имѣлъ наружность очень пріятную; на лицѣ его изображены нѣжность, благородство, любезность и простодушіе; глаза, исполненные огня, показываютъ остроту ума его, веселость характера, наклонность къ любви и удовольствіямъ.—Многіе возстаютъ противъ его нравственности. Извѣстный Дела-

нозъ укоряетъ его въ развратѣ сердца, даже въ распутствѣ; но Еліанъ и Лефевръ, сильные защитники его, и другіе ученые, доказываютъ, что онъ былъ трезвъ и даже цѣломудренъ. За трезвость его можетъ ручаться 57 ода, въ которой приказываетъ онъ мальчику къ пяти стаканамъ вина примѣшать десять стакановъ воды, и говоритъ прямо, что *мы не по Скифски и не въ безчинствѣ пить будемъ:*

Подай мнѣ, мальчикъ, чашу,
Дай изъ нея хлѣбнуть.
Воды стакановъ десять
Въ нее влей, пять вина,
Чтобъ хмѣлю поубавить.
Ну, что же? дайте мнѣ!
Мы не по Скифски станемъ
Въ безчинствѣ пить вино;
Но попивая тихо,
Прекрасны пѣсни пѣть.

(*Мартыновъ.*)

Онъ сочинялъ пиршественныя, или, такъ сказать, застольныя пѣсни, любовные стихи, елегіи, гимны, епиграмы; написалъ поэму на *любовь Улисса къ Пенелопѣ*, и другую подъ названіемъ *Сновидѣніе*,

сверхъ того стихи *О врачебномъ искустве* и другіе многіе.

АНАЛОГІЯ. Греческое слово, составленное изъ ἀνὰ, между, и λόγος, слово и соотношеніе.

По мнѣнію Мармонтеля чрезъ *Аналогію* въ Словесности разумѣютъ единство нарѣчія и украшеній въ слогѣ, ибо каждый языкъ имѣетъ разныя нарѣчія: низкое, среднее или образованное и высокое, и въ сихъ бываетъ еще множество постепенностей, различествующихъ также между собою по возрасту и нраву писателя.

Легчайшее нарѣчіе, послѣ низкаго, есть высокое, потому что оно означено хорошими писателями, и не зависитъ отъ прихотливыхъ обычаевъ. Человѣкъ, живущій въ самой отдаленной деревнѣ, читая хорошихъ трагиковъ, епическихъ поэтовъ и ораторовъ, можетъ привыкнуть къ слогу высокому. Самое трудное нарѣчіе есть среднее, называемое языкомъ хорошихъ обществъ, большаго свѣта, ибо оно болѣе всѣхъ подвержено измѣненіямъ. И по сему то писатель, намѣревающійся сочинять слогомъ среднимъ, можетъ научиться оному только въ хорошихъ обществахъ.

О писателѣ, употребляющемъ въ одномъ сочиненіи разные слоги или нарѣчія безъ нужды, говорятъ: онъ погрѣшаетъ противъ *Аналогіи* слога.

АНАЛОГИЧЕСКІЙ. Имѣющій свойства аналогіи.—См. сіе слово.

АНАПЕСТЪ. Стопа, состоящая изъ трехъ слоговъ, двухъ краткихъ и одного долгаго (◡ ◡ —). По сему слова: человѣкъ, великанъ, сочинитъ, написать, купидонъ, *ἐλεῶν*, domini, sapiens, суть *Анапесты*.

Слово сіе есть Греческое: *ἀνάπαιστος* вспять ударяемый; происходитъ отъ *ἀναπαίω* вспять ударяю; состоитъ изъ *ἀνὰ*, вспять, (между) и *παίω*, ударяю.

Стопа сія названа такъ потому, что плясавшіе по ея размѣру, ударяли ногами совершенно противнымъ образомъ тому, какъ должно было ударять по стопѣ дактилю, (см. сіе слово.), по чему Греки называли также анапестъ *антидактилемъ*, *ἀντιδάκτυλος*. Они писали симъ размѣромъ такіе стихи, которые требовали большей нѣжности слога.

У насъ употребительнѣе *Анапестъ*, смѣшанный съ *ямбомъ*, также какъ *дак-*

тиль съ *хореемъ* (см. сіи слова), отъ чего и стихи такіе называются *анапестоямбическими*.—Можно однакожъ писать и однимъ *анапестомъ*, непримѣшивая ямба, слѣдующимъ порядкомъ:

Пусть въ шестистопномъ стихѣ всѣ стопы будутъ *анапесты*, и по окончаніи третьей пресѣченіе; въ пятистопномъ же пресѣченіе по окончаніи второй стопы; прочіе же стихи, какъ то четырестопный, тристопный и двустопный, должны быть безъ пресѣченія.

Примѣръ чистаго *анапеста* шестистопнаго и пятистопнаго:

6. Не имѣ|я закон|ной вины || вопіемъ| мы на про|мыселъ вѣч|ный
5. Для чего| мы грустимъ|| и внима|емъ еди-| ный лишь стонъ|?
6. Человѣку не можно пробыть безъ болѣзни сердечной,
5. Учредилъ такъ Господь и Его непремѣненъ законъ.

Составленіе *анапестоямбическаго* шестистопнаго стиха бываетъ такимъ образомъ: первыя пять стопъ могутъ быть или всѣ анапесты, или всѣ ямбы, или на-

конецъ анапесты и ямбы вмѣстѣ, не наблюдая порядка, но шестая стопа должна заключать въ себѣ непремѣнно анапестъ. Мужеский стихъ оканчивается ровно шестью стопами, а женскій имѣетъ одинъ слогъ лишній, также какъ и въ чистомъ анапестѣ. Пресѣченія въ шестистопномъ *анапестоямбическомъ* стихѣ почти никогда не бываетъ.

Пятистопный *анапестоямбическій* стихъ имѣетъ два полустишія: въ первомъ полагаются два анапеста, или ямбъ съ анапестомъ, и на оборотъ, такъ чтобы перваго полустишія послѣдній слогъ былъ конецъ слова; въ послѣднемъ полустишіи непремѣнно три анапеста.

Примѣръ анапестоямбическихъ шестистопныхъ и пятистопныхъ стиховъ:

6. Скажи| намъ кончи|ну дней| и доко|лѣ во
мра|кѣ здѣсь жи|ти?

5. Какъ тѣнь| или цвѣтъ,| какъ вода,| наша
жизнь| вся течетъ|

6. О Бо|же! подаждь| со спокой|ствіемъ намъ|
отсе|лѣ изы|ти,

5. Да во свѣ|тѣ съ Тобой| немерца|ющемъ духъ|
нашъ живетъ.|

Аполлосъ.

Не нужно, какъ въ анапестоямбическихъ стихахъ, такъ и въ состоящихъ изъ чистыхъ анапестовъ, чтобы каждая стопа составляла особенное слово; онѣ могутъ, такъ сказать, переливаться изъ слова въ слово отъ начала стиха до пресѣченія, когда есть оное, а отъ сего до окончанія; безъ пресѣченія же отъ начала стиха до конца. — Къ сему надлежитъ присовокупить, что шестистопные и пятистопные анапестоямбическіе стихи, по примѣру древнихъ, всегда почти пишутся безъ рифмы.

Четырестопные, тристопные и двустопные могутъ состоять изъ ямбовъ и анапестовъ; могутъ также быть написаны и однимъ анапестомъ, какъ ниже сего показано:

Примѣры чистаго анапеста.

Четырестопные

Женскіе

Всемогу|щій Созда|тель! къ тебѣ| я взыва|ю
На тебя| днесь еди|наго я| упова|ю. . .

Мужескіе

Вспоможе|нія жду| отъ десни|цы твоей.|
Не отри|ни усерд|ной моли|твы моей!|

Тристопные

Женской

Тяжело| разставать|ся съ любез|ной.

Мужеской

Разстаешь|ся какъ буд|то съ душой|

Вмѣстѣ

И великаго въ вояхъ не стало,

И въ совѣтахъ премудраго нѣтъ.

Двустопные

Мужескіе

Не ропщи| человѣкъ,|

Что не до|логъ твой вѣкъ|

Женскіе

Хоть дале|ко я бу|ду

Никогда| не забу|ду.

Примѣры Анапестоямбическіе:

Четырестопные

Мужескіе

Не бушуй|те вы вѣ|тры буй|ные

Вы буй|ные вѣ|тры осен|ніе.

Женскіе

Какъ не я|рыя пчо|лушки| зашумѣ|ли.—

Закро|ются бѣ|лы гру|ди доска|ми.

Къ четырестопнымъ же анапестоямбическимъ стихамъ принадлежитъ и слѣдующій размѣръ:

Какъ на ма|тушкѣ| на Невѣ| рѣкѣ,
На Василь|евскомъ| славномъ о|стровѣ, и пр.

Тристопные

Мужескіе

Полети| моя| калена|я стрѣла|
Высокимъ| высоко|шенько|
Далекимъ| далеко|шенько.|

Женскіе

Полетѣлъ| комари|ще въ лѣси|ще
Садил|ся комаръ| на дуби|ще.

Двустопные

Мужескіе и женскіе

Начина|ется сказ|ка
Отъ сив|ка отъ бур|ка.—
Подыма|ется конь|
Выше тем|наго лѣ|су
Къ густымъ| облакамъ|;
Онъ и хол|мы и го|ры
Межъ ногъ| пропуска|етъ,
Поля| и дубра|вы
Хвостомъ| устила|етъ;

Бѣжитъ| и летитъ|
По землямъ,| по морямъ,|
По дале|кимъ странамъ.|

Римляне составляли четырестопные стихи, *анапестическими* называемые, такимъ образомъ, что въ нихъ три первыя стопы были или анапесты, или дактили, или спондеи, но четвертая непремѣнно анапестъ; а ежели сія заключала иногда спондей, то анапестъ занималъ мѣсто въ которой нибудь изъ первыхъ стопъ. Цезуры или пресѣченія въ сихъ стихахъ не было. На пр:

Quanti| casus| huma|na rotant|!
Minus in| parvis| fortu|na furit|
Levius|que ferit| levio|ra deus.|
Senec. Hipp. Ac. IV.

Иногда же таковые *анапестическіе* стихи состояли изъ двухъ стопъ:

Defle|te virum|,
Quo non| alius
Potuit| citius|
Discere| causas|
Una| tantum|

Parte au|dita|
Saepe et| neutra| и пр.
Sen. de morte Claud.

Прим. Анапестоямбическіе стихи, имѣющіе ямбъ только въ началѣ, и потомъ до конца продолжающіеся чистымъ анапестомъ, составляютъ размѣръ амфибрахическій. — См. *Амфибрахій.* — Таковы слѣдующіе стихи Мерзлякова, переведенные изъ Одиссеи.

Потомъ вос|пѣваетъ| пѣвецъ, какъ| Аргивцы въ желанно|е время|
Исторгшись| изъ хитрыхъ| заклеповъ,| изъ вольна|го плѣна|
Ударили съ шумомъ на стражу объятую жалкой дремотой
Смущенны, безгласны, постигнуты часомъ внезапнымъ
Какъ тѣни не видятъ, не внемлютъ безъ ратныхъ доспѣховъ и пр.

Въ семъ примѣрѣ видны 6 и 5 стопные амфибрахическіе стихи. — Въ стихотвореніи Жуковскаго *Теонъ* и *Есхинъ* употреблены 4 стопные мужескіе съ 3 стопными женскими:

Есхинъ воз|вращался| къ пенатамъ| своимъ
Къ брегамъ бла|говонньмъ Алфея|,
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ
Но счастье какъ тѣнь убѣгало.

Слѣдующіе, взятые изъ дѣтскихъ повѣстей Шишкова, суть двустопные Амфибрахіи:

Ребята,| намъ въ полѣ
Отъ солнца| сгорѣть.

Впрочемъ сей размѣръ есть истинно анапестоямбическій, ибо можно раздѣлить стопы и слѣдующимъ порядкомъ:

Потомъ| воспѣва|етъ пѣвецъ| какъ Арги|вцы
въ желан|ное вре|мя
Истор|гшись изъ хи|трыхъ закле|повъ, изъ
воль|наго плѣ|на....

или

Ребя|та, намъ въ по|лѣ
Отъ солн|ца сгорѣть....

или

Есхинъ| возвращал|ся къ пена|тамъ своимъ|...

АНАПЕСТОЯМБИЧЕСКІЙ см. Анапестъ.

АНТАНАКЛАЗИСЪ. Фигура рѣченій, состоящая въ томъ, когда употреблены бываютъ слова, по произношенію одинакія, но имѣющія различный смыслъ. На пр. *лечу* (летѣть) и *лечу* (лечить); *мой* (мѣстоим.) и *мой* (повелит. накл. гл. мыть); *веселъ* (веселый) и *веселъ* (отъ весло), какъ и употребилъ Державинъ въ сихъ стихахъ:

Кристалъ шумѣлъ отъ *веселъ*.
Ахъ, сколько съ нею я
Въ прогулкѣ сей былъ *веселъ*.

У Сумарокова:

Не плачь, не хохочи, дружечикъ *мой*,
Да платье *мой*.

Слово *антанаклазисъ* есть Греческое, составлено изъ *ἀντὶ*, противъ, и *ἀνάκλασις* отраженіе, потому что однѣ звуки два раза бываютъ слышны (отражаются) въ различномъ смыслѣ.

АНТИБАХИЧЕСКІЙ, или

АНТИВАКХІЙ. Такъ называлась въ древней поэзіи стопа, состоящая изъ трехъ слоговъ, двухъ первыхъ долгихъ, и третьяго краткаго (— — ◡), какъ на при-

мѣръ въ словахъ cantare, virtute, *ἕλληνες*. Названіе сіе дано потому, что она противоположна стопѣ *бахической* или *вакхію* (см. сіе слово), которая имѣетъ первый слогъ краткій, а два послѣдніе долгіе: (ᴗ — —). У Римлянъ *антивакхій* назывался также Palimbacchius, Saturnius, иногда же Proponticus и Thessaleus.

АНТИДАКТИЛЬ. Древніе давали сіе названіе стопѣ анапесту, потому что анапестъ противоположенъ дактилю. — Первый изображается ᴗ ᴗ —, а вторый — ᴗ ᴗ. См. *Анапестъ*.

АНТИСПАСТЪ. Стопа состоящая изъ четырехъ слоговъ: изъ ямба съ хореемъ. Знакъ ея: ᴗ — — ᴗ; на пр: coronare, recusare, *ἀποστέλλον*, рука рушитъ.

Сіе слово есть Греческое: *ἀντίσπαστος* происходитъ отъ глагола *ἀντισπάσθαι*, въ противную сторону влечь, составленнаго изъ *ἀντὶ*, противу и *σπάω*, влеку, потому что стопа сія сложена изъ двухъ противныхъ одна другой стопъ,—ямба и хорея.— Антиспастъ находится только въ стихотвореніяхъ Греческихъ и Латинскихъ.

АНТИСТРОФА. Такъ называлась у Грековъ и Римлянъ нѣкоторая часть оды.— См. Ода.

Слово сіе составлено изъ *ἀντὶ*, противъ, и *στροφὴ*, оборотъ, происходящее отъ *στρέφω* обращаю.

АНТИТЕЗЪ, или **АНТИТЕЗИСЪ.** Слово Греческое, изъ *ἀντὶ противъ* и *θέσις* положеніе. Противоположеніе, противоположность.—Риторическая фигура, состоящая въ совокупленіи словъ, или рѣченій, противныя идеи производящихъ, иногда же и самыхъ вещей, или свойствъ между собою противныхъ. — Въ первомъ случаѣ она принадлежитъ къ фигурамъ *рѣченій*, а во второмъ къ фигурамъ *предложеній*

Примѣры обоихъ родовъ:

Прекрасно, добрый Фирсъ, ты жизнь свою
ведешь!
Не *для* житья ты ѣшь, а *для* ѣды живешь.

или

У Виргилія въ Енеидѣ:

Flectere si nequeo superos acheronta movebo.

Коль не смягчу Боговъ, адъ къ жалости подвигну.

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ леденѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.

Державинъ.

Ты внѣ гроза, ты внутрь покровъ.
Полки сражая внѣ воюешь,
Но внутрь безъ крови торжествуешь.—
Ты буря тамъ, здѣсь тишина.

Ломоносовъ.

Я ласкалась, ты чуждался,
Утѣшала, ты скучалъ;
Я стенала, ты смѣялся,
Я лобзала, ты терзалъ;
Я сердилась и рвалася,
Что въ обманъ тебѣ далася
И хотѣла цѣпь прервать;
Но лишь только что смягчалась,
Пуще я въ тебя влюблялась
И гналась тебя искать.

Поповъ.

АНТОНОМАЗІЯ. Слово Греческое, составленное изъ *ἀντὶ за, вмѣсто* (противъ) и *ὀνομάζω* именую. Тропъ рѣченій: взаимная перемѣна именъ собственныхъ и нарицательныхъ, что бываетъ 1) когда употребляется имя собственное вмѣсто нарицательнаго, на пр: *Сампсонъ* или *Геркулесъ* вмѣсто *сильнаго; Крезъ* вмѣсто *богатаго; Цицеронъ, Димосфенъ* вмѣсто *краснорѣчиваго; Зоилъ* вмѣсто глупаго и дерзкаго *критика; Аристархъ* вмѣсто критика благоразумнаго; *Пенелопа*, *Лукреція*, вмѣсто добродѣтельной и скромной женщины; *Фринея, Лаиса,* вмѣсто женщины порочной и пр. 2) нарицательное вмѣсто собственнаго на пр: *Отецъ поэзіи* т. е. Гомеръ; *Царь Пророкъ* вмѣсто Давида; *Творецъ Россіяды* вмѣсто Хераскова и пр. 3) когда предки или основатели полагаются вмѣсто потомковъ на пр. *Іуда* вмѣсто Израильскаго народа, 4) имя отечественное вмѣсто собственнаго; на пр: *Троянинъ* вмѣсто Енея.

Стихотворцы нерѣдко полагаютъ собственное свое имя вмѣсто того, чтобы сказать просто *я;* такъ Овидій часто на-

зывалъ себя *Назонъ*, а Тассъ часто употреблялъ имя свое *Торквато*.

АНТРАКТЪ. См. междудѣйствіе.

АПОВАТЕРИЧЕСКІЙ. Такъ называются стихи, которыми прощаются отъѣзжающіе въ путь съ остающимися, или остающіеся съ отъѣзжающими. На пр. у Гомера прощаніе Гектора съ Андромахою; у Виргилія прощаніе Енея съ Геленомъ.— ἀποβατήριον, значитъ прощальная рѣчь. — *Аполлосъ*.

АПОКОПЕ. См. *Аферезисъ*.

АПОЛОГЪ. Нравоучительная Басня, или вымыслъ, клонящійся къ исправленію человѣческихъ нравовъ.

Юлій Скалигеръ производитъ сіе слово отъ ἀπὸ и λόγος, т. е. рѣчь заключающая въ себѣ болѣе того, что въ ней представлено. Таковы Басни Езоповы и другихъ.

От. Колоніа полагаетъ, что *Апологъ* долженъ содержать приключенія между

животными, и симъ отличаетъ оный отъ *Параболы* или притчи.—См. Басня.

АПОСТРОФЪ. Фигура предложеній. См. *Обращеніе.* — Слово Греческое ἀποστροφὴ, сложенное изъ ἀπὸ, объ, и στρέφω, вращаю.

АПОФФЕГМА. Краткое, сильное и поучительное изреченіе, произнесенное знаменитымъ человѣкомъ, или ему въ подражаніе сказанное. Таковы Апоффегмы Плутарха и Епиктета. — Слово сіе происходитъ отъ φθέγγομαι, говорю.

АППЛИКАЦІЯ. Applicatio.— Прикладъ, приложеніе. Употребленіе чужаго изреченія въ стихахъ или въ прозѣ, такимъ образомъ, что его только примѣняютъ или принаравливаютъ къ описуемому предмету, и чѣмъ болѣе новый смыслъ отдаленъ отъ прежняго, тѣмъ *аппликація* замысловатѣе, удачнѣе. Она совершенно отлична отъ *цитаціи*, citatio, ссылки на авторовъ, ибо цитація дѣлается для подтвержденія того, что говорится, а въ *аппликаціи* сказанное другими повторяется для произведенія противныхъ или покрайней мѣрѣ

другихъ идей, и болѣе для шутки, или 1) надъ самыми приводимыми словами, какъ на примѣръ у Майкова въ поэмѣ *Елисей* приведены слѣдующіе стихи для того, чтобы показать, какъ они неудачно написаны:

Подъ воздухомъ простеръ свой ходъ веселый чистымъ
Поѣхалъ какъ Нептунъ по водъ верхамъ пѣнистымъ.

или 2) надъ тѣмъ, для кого оныя употребляемы бываютъ—что можно видѣть изъ приводимыхъ ниже сего примѣровъ:

Въ продолженіи войны Французовъ съ Англичанами, въ Царствованіе Людовика IV и Іакова II, льстецы перваго выдумали медаль, на которой изображенъ былъ Людовикъ въ видѣ Нептуна, угрожающаго вѣтрамъ, съ надписью изъ Виргилія: *Quos ego*! *я васъ!*—когда же Англичане выиграли сраженіе, то сами вычеканили медаль, съ такимъже изображеніемъ Нептуна, но уже съ другою надписью изъ тогоже писателя:

Maturate fugam, regique haec dicite vestro,
Non illi imperium pelagi.

т. е.
Ускоряйте побѣгъ, и Царю вашему скажите, что ему нѣтъ уже власти надъ моремъ.

Надобно стараться, чтобы приводимыя по *аппликаціи* слова были изъ автора извѣстнаго, дабы слушатели или читатели тотчасъ могли вспомнить о смыслѣ ихъ, заключающемся въ текстѣ, и потомъ уже сдѣлать принаровку къ описуемому предмету.

Аппликація дѣлается иногда разительною отъ употребленія простонародныхъ словъ и пословицъ, тѣмъ болѣе, что колкость скрывается тогда подъ видомъ простоты.

Слово *аппликація* значитъ еще: примѣненіе, принаровленіе, принаровка.

АРІЯ. Аріями называются пѣсни, полагаемыя на голосъ и употребительныя въ операхъ.—См. *Опера*.

АРХИЛОХОВЪ стихъ. Въ Греческой и Латинской поэзіи такъ названъ нѣкоторый родъ стиховъ, изобрѣтеніе коего приписываютъ Архилоху, Греческому стихотворцу. Три рода извѣстны стиховъ Архилоховыхъ. Они состоятъ:

1) Изъ двухъ стопъ съ половиною, именно изъ двухъ дактилей и одного долгаго слога. Это *малый Архилоховъ* стихъ. Прим:

Pulvis et| umbra su|mus.
— ◡ ◡ — ◡ ◡ —

2) Изъ четырехъ стопъ: изъ двухъ дактилей и двухъ хореевъ. Сей называется *четырестопнымъ Архилоховымъ* стихомъ, также *малымъ Алкейскимъ*, а иногда Алкмановымъ. См. сіи слова.—Прим:

Vertere| funeri|bus tri|umphos
— ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡

3) *Большой Архилоховъ* стихъ состоитъ изъ семи стопъ. Три первыя суть дактили, или спондеи, вмѣстѣ или попеременно, четвертую стопу составляетъ дактиль, а три послѣднія хорей; отъ чего сей стихъ бываетъ осьми родовъ:

— ◡ ◡	— ◡ ◡	— ◡ ◡
— ◡ ◡	— ◡ ◡	— —
— ◡ ◡	— —	— ◡ ◡
— —	— ◡ ◡	— ◡ ◡
— ◡ ◡	— —	— —
— —	— ◡ ◡	— —
— —	— —	— ◡ ◡
— —	— —	— —

— ◡ ◡ | — ◡ | — ◡ | — ◡ |

У Горація въ 4 одѣ первой книги находимъ *большой Архилоховъ* стихъ, смѣшанный съ ямбомъ.

АСКЛЕПІАДОВЪ стихъ. Такъ называется родъ стиховъ, изобрѣтенный, какъ полагаютъ, стихотворцемъ Асклепіадомъ.

Асклепіадовъ стихъ составляется изъ спондея, дактиля, одного долгаго слога и двухъ дактилей, или, что все равно, изъ спондея, хоріямба и двухъ дактилей, т. е.

— —|— ◡ ◡|—|— ◡ ◡|— ◡ ◡.

или

— —| — ◡ ◡ —| — ◡ ◡| — ◡ ◡
Mece-nas a-ta-vis edite regibus.

Горацій употреблялъ сей размѣръ вмѣстѣ съ *Ферекратовымъ* и *Гликоновымъ* (см. сіи слова) въ семи одахъ: I кн. 5. 14. 21. 23.—II. кн. 7. 13.—IV кн. 13; съ однимъ *Гликоновымъ* въ девяти одахъ: I кн. 6. 15. 24. 33.—II кн. 12.—III кн. 10. 16.—IV кн. 5. 12, и одинъ *Асклепіадовъ* въ трехъ одахъ: въ I кн. I.—III кн. 30.—IV кн. 8.—

Востоковъ, въ переведенной изъ Горація одѣ *Exegi monumentum aere perennius* и пр. которая писана *Асклепіадовыми* стихами, сохранилъ размѣръ подлинника съ перемѣ-

ною первой стопы, по свойству Россійскаго языка, на хорей, т. е. такимъ образомъ:

Крѣпче мѣди себѣ создалъ я памятникъ;
Взялъ надъ Царскими верхъ онъ пирамидами,
Дождь не смоетъ его, вихремъ не сломится,
Цѣльный выдержитъ онъ годы безчисленны,
Не почуетъ слѣдовъ быстраго времени.
Такъ; я весь не умру—бо́льшая часть меня
Избѣжитъ похоро́нъ: между потомками
Буду славой расти, ввѣкъ обновляяся,
Зрятъ безмолвный пока ходъ въ Капитолію
Дѣвъ Весталей, во слѣдъ первосвященнику:
Тамъ гдѣ Авфидъ крутитъ волны шумящія,
Въ весяхъ, скудныхъ водой, Давнусъ гдѣ царствовалъ,
Будетъ слышно, что я рода беззнатнаго
Отрасль—первый дерзнулъ въ Римскомъ діалектѣ
Эопійской сложить мѣры поэзію.
Симъ гордиться позволь мнѣ по достоинству
Муза! симъ увѣнчай лавромъ главу мою.

Въ примѣръ *Асклепіадова* размѣра, смѣшаннаго съ *Гликоновымъ*, можетъ служить

переведенная Г. Волковымъ Горацiева ода: Quem tu Melpomene semel и пр.

Мельпомена безсмертная!—*Глик.*
Въ часъ рожденья кому ты улыбалася,—*Аскл.*
Тотъ не славится доблестью
На Истмiйскомъ бою,—гордо съ ристалища
Не течетъ побѣдителемъ;
Ниже громко въ трiумфъ, лавромъ увѣнчанный
По блистательнымъ подвигамъ,
Укротивши Царей грозы кичливыя,
Въ Капитолiю шествуетъ;
Но при шумѣ ключей злачнаго Тибура,
Въ сѣнолиственныхъ рощицахъ,
Восхищенный поетъ пѣсни Лесбiйскiя.—
Римъ державный почтилъ меня
Въ ликъ священный пѣвцовъ принялъ торжественно,
И ехидныя зависти
Ужъ не столько теперь жало язвитъ меня.
О богиня! вливающа
Въ струны лиры златой пѣсни божественны,
Не властналь и въ безгласныхъ рыбъ
По желанью вселить гласъ лебединый ты?
По твоей благосклонности
Указуюсь перстомъ мимоходящихъ, я

Пѣснопѣвецъ лирическій
И при жизни еще нравлюсь, всесильная!

Строфы сего размѣра состоятъ изъ четырехъ стиховъ: трехъ *Асклепіадовыхъ* и одного *Гликонова* стиха; или изъ двухъ стиховъ *Асклепіадовыхъ*, третьяго *Ферекратова* и четвертаго *Гликонова* стиха. — См. *Гликоновъ*, *Ферекратовъ*.

АСТЕИЗМЪ. Родъ Ироніи. — См. сіе слово. — Состоитъ въ томъ, когда подъ видомъ похвалы скрывается учтивая насмѣшка, или на оборотъ, подъ видомъ насмѣшки разумѣется похвала. — Слово *Астеизмъ* происходитъ отъ *ἄςυ*, городъ (въ род. пад. *ἄςεος*), по чему Воссій и полагаетъ, что Греки симъ словомъ означали *подражаніе въ рѣчахъ городскимъ жителямъ*.

Въ баснѣ Н. А. Львова, напечатанной въ сочиненіяхъ Хемницера, Мартышка, обойденная при производствѣ въ чины, говоритъ:

Лисицу черезъ чинъ
Судьею посадили
Въ куратникѣ рядить.
Случится же судью *такъ кстати* посадить!

Въ примѣръ втораго рода астеизма можно привести сіе мѣсто изъ поэмы Буало *Налой* (Lutrin. Ch. II.) гдѣ Лѣность говоритъ:

Куда, куда тѣ дни блаженные дѣвались,
Когда безпечностью владыки отличались?
Сей вѣкъ изчезъ для насъ! Ужасною судьбой
Неутомимый Царь поставленъ намъ главой!
Онъ прелести мои отвергнулъ недостойно,
И громъ побѣдъ его не дастъ уснуть спокойно.

АФЕРЕЗИСЪ. Греческое слово, значитъ *убавка, уменьшеніе, сокращеніе.*—Аферезисомъ называется то, когда отъ слова отнимаются начальныя буквы, когда, на пр. пишутъ *ire* вмѣсто *gradire*, *temnere* вм. *contemnere.*

Аферезисъ не должно смѣшивать съ *Синкопомъ* и *Апокопомъ.*

Апокопе — сокращеніе, усѣченіе, состоитъ въ томъ, когда отнимаются нѣкоторыя буквы въ концѣ слова, на пр: красна дѣвица, бѣлы рученьки, вм. красная, бѣлыя.

Апокопе—отъ *ἀπὸ* и *κόπτω.*

Синкопе—отъ *σὺν*, съ, и *κόπτω*, вынимаю,—состоитъ въ изъятіи буквъ изъ сре-

дины слова, на пр. deûm, virûm, nummûm вм. deorum, virorum, nummorum. и пр. вображеніе вм. воображеніе, встокъ вм. востокъ. *Синкопе* часто видѣнъ въ старинныхъ Рускихъ пѣсняхъ на пр. горючьми слезьми, вм. горючими слезами.

Всѣ сіи фигуры принадлежатъ къ *метаплазму*. См. сіе слово.

Б

БАЛЛАДА. Стихотвореніе, принадлежащее къ новѣйшей поэзіи.

Изобрѣтеніе *баллады* приписываютъ Италіанцамъ. У нихъ она не иное что есть, какъ плясовая пѣсня, имѣющая только на концѣ *обращеніе* къ какому нибудь присутствующему или отсутствующему лицу. *Ballo* на Итал. языкѣ значитъ *пляска*, отпуда *ballada* или *ballata*, называемая въ уменьшительномъ *ballatella*, *ballatetta*, *ballatina*.

У Французовъ въ прежнее время *балладами* назывался нѣкоторый родъ стихотворенія особенной формы.—Такія баллады писаны были равной мѣры стихами;

состояли изъ трехъ куплетовъ въ 8, 10, или 12 стиховъ; имѣли на концѣ *обращеніе* къ тому лицу, для котораго сочинялись, или къ какому нибудь другому. Требовалось, чтобы на концѣ куплетовъ повторялся одинъ стихъ, и чтобы стихи соотвѣтствующіе между собою въ числѣ отъ начала каждаго куплета, имѣли одинакую рифму. *Обращеніе же* содержало половину числа стиховъ, заключающихся въ куплетахъ, т. е. ежели куплеты писаны по 12; то въ обращеніи слѣдовало быть 6 и т. п. — обращеніе имѣло рифмы второй половины куплетовъ.—Матерія такой *баллады* могла быть и шуточная и важная.

На Рускомъ языкѣ нѣтъ примѣровъ, согласующихся съ показаннымъ правиломъ, и по сей причинѣ обязанностію почитаемъ показать *балладу* Французскую, и другую Рускую, сочиненную нарочно по ея расположенію:

Ballade à une vieille.

C'est tout de bon, Venus aux cheveux gris:
Après vingt ans des glaces du veuvage,
Le feu d'amour èchauffe vos èsprits;

Jl se rallume aux yeux d'un jeune Page.
Mais pour fixer ce jouvenceau volage
Très peu vous sert de bruler comme un four ;
Pareil oiseau n'est fait pour votre cage.
A cinquante ans, serviteur à l'amour.

Mieux vous sierait songer au Paradis,
La mort est proche et vous guette au passage:
Et cette ardeur dont vos sens sont épris,
Ne servira qu'à hater le voyage.
Jadis les coeurs vous rendirent hommage ;
Jadis chez vous les ris firent séjour;
Mais maintenant il faut plier bagage ;
A cinquante ans, serviteur àl'amour.

Jl vous souvient d'avoir lu que jadis,
Ainsi que vous sur le déclin de l'age
La bonne Antée eut semblables soucis.
Mais, grace à Dieu, Bélérophon fut sage :
Ce prince était un gentil personnage ;
Aussi d'abord sans prendre un long détour
En quatre mots il lui tint ce langage:
A cinquante ans, serviteur à l'amour.

Envoi

Si vous fardiez cet antique visage ,
D'or ou d'argent, ce serait un bon tour ;

Mais non, j'ai tort, malgré cet avantage
A cinquante ans, serviteur à l'amour.

J. J. Rousseau.

Баллада

На заданныя рифмы.

Изъ смертныхъ всякому дана своя *отрада*,
Иному нравится перо, другому *строй*,
Тотъ въ Бахуса влюбленъ, того плѣняетъ *Лада*,
И словомъ, здѣсь страстей и вкусовъ сущій *рой!*
Они въ душахъ давно ужъ заняли *постой*.
Спросите же, за чѣмъ такъ сдѣлала *природа?*
Каковъ ея отвѣтъ? какъ будто мракъ *густой*,
Какъ непонятная торжественная ода.

За то и всякому своя у насъ *награда*.
Не ложно въ томъ клянусь; сей часъ передъ *налой!*
Вѣдь мнѣ не хочется за ложь отвѣдать *ада*
И совѣсть здѣсь меня заколетъ какъ *иглой*,
А противъ совѣсти я, право, не *герой*.
Пусть скажутъ, что за то похожъ я на *урода*,
Мнѣ будетъ эта рѣчь безъ смысла, звукъ *пустой*,
Какъ непонятная торжественная ода.

Но вотъ стихамъ моимъ явилася *преграда!*
Покрылась мысль моя претолстою *корой!*

Я долженъ показать, какъ пишется *баллада*,
И это для меня—изъ горькихъ травъ *настой*,
Который невсегда закушаешь *икрой!*
И рифмъ тутъ задано, о ужасъ, два *завода!*
Баллада у меня идетъ съ разсудкомъ въ *бой*,
Какъ непонятная торжественная ода.

Обращеніе

О Бавій! стихотворъ, отнявшій нашъ *покой!*
Прими сіи стихи, на нихъ бывала *мода!*
Они написаны, ей, ей, на твой *покрой*—
Какъ непонятная торжественная ода.

Порядокъ расположенія рифмъ можно лучше видѣть въ слѣдующей таблицѣ:

строфа первая	— вторая	— третья	обращеніе.
Отрада	Награда	Преграда	
Строй	Налой	Корой	
Лада	Ада	Баллада	
Рой	Иглой	Настой	
Постой	Герой	Икрой	Покой
Природа	Урода	Завода	Мода,
Густой	Пустой	Бой	Покрой
Ода	Ода	Ода	Ода.

У Нѣмцовъ баллада состоитъ въ повѣствованіи о какомъ либо любовномъ или

несчастномъ приключеніи, и отличается отъ Романса наиболѣе тѣмъ, что всегда основана бываетъ на *чудесномъ;* раздѣляется также на строфы. Хотя Буттервекъ, ихъ новѣйшій Естетикъ, и говоритъ, что содержаніе такихъ сочиненій должно быть непремѣнно взято изъ отечественныхъ происшествій, но сіе не всегда соблюдается. — Сіи баллады могутъ быть писаны стихами всякаго размѣра. Г. Жуковскій показалъ намъ удачно написанные образцы Русскихъ балладъ. Приведемъ одну изъ нихъ:

Свѣтлана.

Разъ въ Крещенской вечерокъ
 Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
 Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
 Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
 Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
 Серги изумрудны;

Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана —
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
„Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко!
Слушай пѣсни круговой,
Вынь себѣ колечко!
Пой, красавица: кузнецъ!
Скуй мнѣ злато и новъ вѣнецъ,
Скуй кольцо златое!
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ!
Обручаться тѣмъ кольцомъ
При святомъ налоѣ!„

— Какъ могу, подружки, пѣть!
Милый другъ далеко!
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой!
Годъ промчался — вѣсти нѣтъ;
Онъ ко мнѣ не пишетъ!
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ!

Имъ лишь сердце дышетъ!...
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангелъ утѣшитель! —

Вотъ! въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
„Загадай, Свѣтлана!
Въ чистомъ зеркала стеклѣ!
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой!
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою,
Упадетъ съ дверей запоръ,
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою!„

Вотъ красавица одна;
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;

Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть лiетъ сiянье....
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи....
Съ трескомъ вспыхнулъ огонекъ!
Крикнулъ жалобно сверчокъ
Вѣстникъ полуночи!

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышетъ....
Вотъ.... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ!
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами!
Занялся отъ страха духъ!
Вдругъ.... въ ея влетаетъ слухъ
Тихiй, легкiй шопотъ:
„Я съ тобой моя краса!
Укротились небеса!
Твой услышанъ ропотъ!„

Оглянулась . . . милый къ ней
Простираетъ руки.
„Радость! свѣтъ моихъ очей!
Нѣтъ для насъ разлуки!
Ѣдемъ! попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками;
Ликъ вѣнчальну пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами!„
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкой дворъ
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли . . . кони съ мѣста въ разъ!
Пышутъ дымъ ноздрями!
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ! . . . пусто все вокругъ;
Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ;
Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
„Что ты смолкнулъ, милый?„

Ни полслова ей въ отвѣтъ!
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ;
Топчутъ снѣгъ глубокой....
Вотъ! въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокой;
Двери вихорь отворилъ;
Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ фиміамѣ,
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
„Буди взятъ могилой!„
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ
Блѣденъ и унылой.

Вдругъ мятелица кругомъ!
Снѣгъ валитъ клоками!
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Вѣщій стонъ гласитъ: печаль!
Кони торопливы
Чудко смотрятъ въ темну даль,

Воздымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонекъ;
Видѣнъ мирный уголокъ,
Хижинка подъ снѣгомъ;
Кони борзые быстрѣй!
Снѣгъ взрываютъ, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися и въ мигъ
Изъ очей пропали!
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали!
Одинокая въ потьмахъ
Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ мятель и вьюга!
Возвратиться?—слѣду нѣтъ!
Видѣнъ ей въ избушкѣ свѣтъ!
Вотъ—перекрестилась!
Въ дверь съ молитвою стучитъ
Дверь шатнулася скрыпитъ
Тихо растворилась.

Чтожъ? въ избушкѣ гробъ; накрытъ
Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;

Свѣчка предъ иконой....
Ахъ! Свѣтлана! что съ тобой?
Въ чью пришла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель!
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась;
Со крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ Святыми, въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло!... вьюги нѣтъ!...
Слабо свѣчка тлится;
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится....
Все въ глубокомъ, мертвомъ снѣ!
Страшное молчанье!...
Чу! Свѣтлана!... въ тишинѣ
Легкое журчанье!...
Вотъ! глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ....
Вотъ! Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится....
Сорвался покровъ! мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Вѣдѣнъ весь—на лбу вѣнецъ,
Затворенны очи.,
Вдругъ... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ!
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы!...
Что же дѣвица? дрожитъ!
Гибель близко!... но не спитъ
Голубочикъ бѣлый.

Встрепенулся! развернулъ
Легкія онъ крилы!
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ!...
Всей лишенный силы,
Возстенавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами,
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами....
Снова блѣдность на устахъ!
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась!

Глядь Свѣтлана о творецъ!
Милый другъ ея — мертвецъ!
Ахъ! . . . и пробудилась!

Гдѣжь? у зеркала, одна
Посреди свѣтлицы.
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ! . . . Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ!
„Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ онъ —
Горькую судьбину!
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей?
Радость иль кручину?„

Сѣла (тяжко ноетъ грудь)
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Видѣнъ сквозь тумана;
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкой
Чу! . . . въ дали пустой гремитъ

Колокольчикъ звонкой!
На дорогѣ снѣжный прахъ!
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны!
Ближе! вотъ ужъ у воротъ!
Статный гость на дворъ идетъ....
Кто?... женихъ Свѣтланы!

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой! все тотъже онъ
Въ опытѣ разлуки;
Тажъ любовь въ его очахъ;
Тѣжъ пріятны взоры;
Тѣжъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жь, Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты!
Соберитесь, старъ и младъ!
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ,
Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу!
Въ ней большія чудеса,

Очень мало складу!
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы!
Слава—насъ учили—дымъ!
Свѣтъ судья лукавый!
Вотъ баллады толкъ моей:
„Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье!
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
Счастье—пробужденье!„

О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!...
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется!
Въ ней душа, какъ ясный день!
Ахъ! да пронесется
Мимо — бѣдствія рука!
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла;
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга!

Для показанія, какіе размѣры и какой порядокъ въ расположеніи стиховъ употреблялъ Г. Жуковскій въ другихъ своихъ балладахъ, выписываемъ изъ нѣкоторыхъ по первой строфѣ:

Людмила

„Гдѣ ты, милый? что съ тобою?
Съ чужеземною красою
Знать въ далекой сторонѣ
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ!
Иль безвременно могила
Свѣтлый взоръ твой угасила!„
Такъ Людмила, пріунывъ
Къ персямъ очи преклонивъ,
На распутіи вздыхала.
„Возвратится ль онъ — мечтала —
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ,
Съ грозной ратію Славянъ?„

Алина и Альсимъ.

За что, за что вы разорвали
 Союзъ сердецъ?
Вамъ розно быть! вы имъ сказали —
 Всему конецъ!
Что пользы въ платье золотое
 Себя рядить —

Богатство на землѣ прямое
Одно: любить.

Варвикъ.

Никто не зрѣлъ, какъ ночью бросилъ въ волны
Эдвина злой Варвикъ;
И слышали одни брега безмолвны
Младенца жалкій крикъ.

Пустынникъ.

„Веди меня, пустыни житель!
Святой Анахоретъ!
Близка желанная обитель;
Привѣтный вижу свѣтъ!

Ивиковы журавли.

На Посейдоновъ пиръ веселый
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ;
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ;
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.

Кассандра.

Все въ обители Пріама
Возвѣщало брачный часъ:
Запахъ розъ и фиміама,
Гимны дѣвъ и лирный гласъ!
Спитъ гроза минувшей брани;
Щитъ и мечъ и конь забытъ;
Облеченъ въ пурпурны ткани
Съ Поликсеною Пелидъ.

Эльвина и Эдвинъ.

Въ излучинѣ долины сокровенной,
Тамъ, гдѣ блеститъ подъ рощею потокъ,
Стояла хижина, смиренной
Покоя уголокъ.

Эолова арфа.

Владыко Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ;
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатыя замокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,
И стлался кудрявый
Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ холмамъ.

Двенадцать спящихъ дѣвъ.

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ-рѣкой,
Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь, Громобой
Сидѣлъ одинъ съ кручиной;
Окрестъ его дремучій боръ;
Утесы подъ ногами;
Туманенъ видъ полей и горъ;
Туманы надъ водами;
Подернутъ мглою сводъ небесъ;
Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ темный лѣсъ,
И волкъ во мракѣ рыщетъ.

БАСНЯ. Басня, или Апологъ, есть такое сочиненіе, которое, повѣствуя о происшествіяхъ, случившихся между *свойственными* ей лицами, изображаетъ въ оныхъ какой нибудь людской порокъ, и тѣмъ служитъ къ нашему наставленію.

Басня не иное что есть, говоритъ Аббатъ Батте, какъ дѣтскій театръ, отличающійся отъ другихъ единственно качествомъ дѣйствующихъ лицъ. На этомъ маленькомъ театрѣ не видно ни Александровъ, ни Цезарей, но тутъ появляются

Муха и Муравей, которые представляютъ человѣческія происшествія *посвоему*, и которые, можетъ быть, лучше поучаютъ насъ, нежели Цезарь и Александръ.

Лафонтенъ придаетъ Баснѣ большее пространство; онъ называетъ ее

Une ample comédie à cent actes divers,
Et dont la scène est l'Univers.

Свойственныя Баснѣ дѣйствующія лица суть животныя, и даже неодушевленныя вещи. Симъ-то отличается она отъ *притчи*, или *параболы*, въ которой описываются люди, одни, или вмѣстѣ съ животными.—См. *Апологъ*.

Всякая *Басня* должна имѣть дѣйствіе, какъ и всѣ прочія поэмы; слѣдственно вступленіе, узелъ и развязку; должна имѣть опредѣленное мѣсто и потребное число дѣйствующихъ лицъ, съ собственными ихъ характерами.

Нравоученіе есть краткое изъясненіе содержащейся въ Баснѣ Аллегоріи, съ примѣненіемъ оной къ нашимъ нравамъ; оно помѣщается иногда въ приступѣ, иногда послѣ развязки, и чѣмъ будетъ короче и простѣе, тѣмъ лучше. Бываютъ однакожъ Басни и Притчи безъ *привода нравоученія*.

когда оное ясно усматривается изъ самаго происшествія, также какъ бываютъ Басни безъ приступа, когда авторъ прямо начинаетъ съ повѣствованія.

Наиболѣе же всего надлежитъ сохранять характеры вводимыхъ въ Басню лицъ; ибо какъ въ Притчѣ смѣшно было бы слышать Царя, говорящаго и дѣйствующаго подобно простолюдиму, или дитя подобно человѣку совершеннаго возраста, такъ въ Баснѣ надлежитъ придавать животнымъ и даже неодушевленнымъ вещамъ тѣ только свойства, которыя имъ приличны, или которыя, покрайней мѣрѣ, обыкновенно имъ придаются, какъ то: хитрость лисицѣ, гордость коню, жестокость волку, трусость зайцу, вѣрность собакѣ и пр. — Хотя Басня не иное что есть какъ вымыслъ, но требуетъ правдоподобія, а сіе не иное что есть, какъ соглашеніе дѣйствій съ характеромъ вводимыхъ лицъ.

Въ Басняхъ придаютъ иногда много пріятности: 1) *Аллюзія*—см. сіе слово. 2) помѣщеніе кстати простонародныхъ выраженій и пословицъ; 3) подробныя изчисленія частей дѣйствія, и 4) подробныя описанія самихъ дѣйствующихъ лицъ.

Басня на Рускомъ языкѣ можетъ быть писана стихами всякаго размѣра, но по большей части употребляются въ ней *вольные ямбическіе* стихи. — Слога требуетъ простаго, или лучше сказать такого, который бы соотвѣтствовалъ описываемымъ происшествіямъ и дѣйствующимъ лицамъ.

Изобрѣтеніе Басни одни приписываютъ Езопу, другіе Гезіоду, иные Архилоху и даже Сократу, но чаще сіе преимущество отдается первому; такъ по крайней мѣрѣ думалъ Федръ:

Aesopus auctor quam materiam reperit,
Hanc ego polivi versibus.

„Что Езопъ изобрѣлъ, то я стихами обработалъ.„ Впрочемъ то завѣрное можно положить, что причиною происхожденія Басни должна быть осторожность или скромность тѣхъ благомыслящихъ людей, кои хотѣли изкоренить пороки и вредныя страсти, не выказывая порочныхъ.

Примѣч. Гезіодъ родился въ Еоліи, провинціи малой Азіи, въ селеніи Кумахъ; воспитанъ былъ въ Боеціи; славился твореніями своими за 944 года до Р. Х.—Езопъ род. въ Аморіумѣ, Фригійскомъ городѣ, около 550 лѣтъ до Р. Х. — Федръ, освобожденный изъ рабства Августомъ, писалъ въ продолженіи его царствованія и преемника его Тиверія, при которомъ отъ клеветы

испыталъ великія несчастія; о времени кончины его нѣтъ достовѣрнаго извѣстія.

На Рускомъ языкѣ начали писать Басни Херасковъ, Сумароковъ, Тредіаковскій, Аблесимовъ, Майковъ, которыхъ слогъ начинаетъ уже ветшать: современникъ ихъ Ломоносовъ почти не упражнялся въ семъ родѣ стихотворства.—Мы приведемъ примѣры изъ новѣйшихъ писателей, со включеніемъ Басни, сочиненной Ломоносовымъ.

Дубъ и трость.

Басня.

Дубъ съ тростію вступилъ однажды въ разговоры:
Жалѣю, дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры,
Жалѣю, тросточка, объ участи твоей;
Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей;
Легчайшій вѣтерокъ, едва струящій воду,
Ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду
И гнетъ тебя къ земли,
Тогда, какъ я — высокъ, осанистъ и въ дали—
Не только Фебовы лучи пересѣкаю,
Но даже бурный вихрь и громы презираю;
Стою и слышу вкругъ спокойно трескъ и стонъ;
Все для меня Зефиръ, тебѣ жъ все Аквилонъ.

Блаженнабъ ты была, когдабъ росла со мною;
Подъ тѣнію моей густою
Тыбъ не страшилась бурь! но рокъ тебѣ судилъ
Расти, на мѣсто злачна дола,
На топкихъ берегахъ владычества Эола.
Почести! и въ меня твой жребій грусть вселилъ.
„Ты очень жалостливъ, трость дубу отвѣчала:
Но, право, о себѣ еще я не вздыхала:
Да не о чѣмъ и воздыхать;
Мнѣ вѣтры менѣе, чѣмъ для тебя опасны.
Хотя порывы ихъ ужасны
И не могли тебя до днесь поколебать,
Но подождемъ конца.„—Съ симъ словомъ вдругъ завыла
Отъ сѣвера гроза и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣтръ — все рушитъ и валитъ;
Летитъ, кружится листъ, трость гнется— дубъ стоитъ.
Вѣтръ, пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи—
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ....
Упалъ.

Дмитріевъ.

Къ сей Баснѣ особеннаго нравоученія не приложено, но оное всякой можетъ извлечь изъ самаго дѣйствія, всякой уви-

дитъ, что тутъ наказывается гордость и награждается смиреніе.

Строитель.

Притча.

Что можешь начинать теперь,
Теперь и начинать старайся;
Лишь настоящему ты вѣрь,
На завтрее не полагайся.
Построить нѣкто домъ желалъ,
И нужные къ тому сбирать припасы сталъ,
И собралъ ужъ не мало.
Построить долголи? лиха бѣда начало.
Проходитъ день за днемъ, за годомъ годъ идетъ,
А все строенья нѣтъ;
Все нашъ строитель отлагаетъ
Строенье до другаго дни.
Внезапно смерть пришла: строитель оставляетъ
Припасы лишь одни.

Хемницеръ.

Здѣсь нравоученіе содержится въ приступѣ.—Простая поговорка *лиха бѣда начало* не мало дѣлаетъ пріятности.

Скрыпка.

Басня.

Скрыпица дюжинна упала и разбилась:
Скрыпачъ ее склеилъ,
И скрыпка изъ дурной.... прекрасной очутилась.
Тотъ вѣрно сталъ умнѣй, кто въ школѣ бѣдствій былъ.

Дмитріевъ.

Сія Басня можетъ служить примѣромъ краткости, многое въ себѣ заключающей.

Оракулъ.

Басня.

Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянный богъ,
И сталъ онъ говорить пророчески отвѣты,
И мудрые давать совѣты;
За то отъ головы до ногъ
Обвѣшенъ и сребромъ и златомъ;
Стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ;
Заваленъ жертвами, мольбами заглушенъ
И фиміамомъ задушенъ.
Въ Оракула всѣ вѣрятъ слѣпо.
Какъ вдругъ, о чудо! о позоръ!
Заговорилъ Оракулъ вздоръ,

Сталъ отвѣчать нескладно и нелѣпо,
И кто къ нему за чѣмъ ни подойдетъ,
Оракулъ нашъ что молвитъ, то совретъ;
Ну такъ, что всякой дивовался,
Куда въ немъ умъ дѣвался?
А дѣло въ томъ,
Что идолъ былъ пустой, и саживались въ немъ
Жрецы вѣщать мирянамъ.
И такъ
Пока былъ умной жрецъ, кумиръ не путалъ
вракъ,
А какъ засѣлъ въ него дуракъ,
То идолъ сталъ болванъ болваномъ.
Я слышалъ — правдаль? — будто встарь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умной Секретарь.

Крыловъ.

Здѣсь также, какъ и въ Баснѣ Дубъ и Трость, авторъ прямо приступаетъ къ повѣствованію, и оставляетъ *нравоученіе* на догадку самихъ читателей.—Простое выраженіе *болванъ болваномъ*, вопросъ *правдаль?* и примѣненіе Аллегоріи къ старинымъ временамъ, могутъ всякому понравиться.

Волкъ пастухъ.

Басня.

Лишь только дневный шумъ замолкъ
Надѣлъ пастушье платье волкъ
И взялъ пастущій посохъ въ лапу,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
На уши вздѣлъ широку шляпу,
И крался тихо сквозь лѣсокъ,
На ужинъ для добычи къ стаду.
Увидѣлъ тамъ, что жучко спитъ,
Обнявъ пастушку Фирсъ храпитъ
И овцы всѣ лежали сряду;
Онъ могъ изъ нихъ любую взять,
Но не довольствуясь уборомъ,
Хотѣлъ прикрасить разговоромъ
И именемъ овецъ назвать.
Однако чуть лишь пасть разинулъ,
Раздался въ рощѣ волчій вой;
Пастухъ свой сладкій сонъ покинулъ
И жучко бросился съ нимъ въ бой.
Одинъ дубиной гостя встрѣтилъ,
Другой за горло ухватилъ,
Тутъ поздно бѣдный волкъ примѣтилъ,
Что черезъ чуръ перемудрилъ;
Въ полахъ и въ рукавахъ связался

И волчьимъ голосомъ сказался,
Но Фирсъ не долго размышлялъ:
Уборъ съ него и кожу снялъ.
Я *притчу* всю короткимъ толкомъ
Могу вамъ, господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицей не бывать.

Ломоносовъ.

Хотя стихотворецъ и назвалъ сочиненіе сіе *притчею*; но поелику въ ономъ главное лице есть *волкъ*, и нравоученіе извлечено изъ случившагося *съ нимъ* происшествія, то по сему принадлежитъ оно къ Баснямъ.

Слонъ и моська.

Басня.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно на показъ:
Извѣстно что слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись на встрѣчу моська имъ.
Увидѣвши слона, ну на него мѣтаться,
И лаять и визжать и рваться,
Ну такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.

Соседка, перестань срамиться,
Ей шавка говоритъ, тебѣ ль съ слономъ во-
зиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.—
Эхъ! эхъ! ей моська отвѣчаетъ,
Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я совсѣмъ безъ драки
Могу попасть въ большія забіяки;
Пускай же говорятъ собаки:
Ай моська! знать она сильна,
Что лаетъ на слона.

Крыловъ.

Пустоголовые Философы, дерзающіе возставать противъ Божества и религіи; безразсудные политики, сочиняющіе цѣлые томы противъ правительствъ и Государей, и невѣжды-критики, осмѣивающіе знаменитыхъ писателей, прочитавъ сію *Басню*, извлекутъ сами для себя нравоученіе. — Слѣдующая *притча* также не имѣетъ въ ономъ нужды:

Филинъ и мудрецъ.

Гонимый отъ всѣхъ, оставленный, презрѣнный,
Безъ крова и друзей, печалью изнуренный,

Скитался Доримонъ;
Безумцамъ истину представить вздумалъ онъ,
И истина была всѣхъ бѣдъ его виною;
Терпѣнье, здравый умъ, сокровища свои,
Унесъ мудрецъ съ собою.
Однажды видитъ онъ, что галки, воробьи
На филина напали.
„Онъ врагъ отечества! злодѣй! они кричали;
Въ примѣръ и страхъ другимъ
Ощиплемъ мы его, ощиплемъ, умертвимъ!„
Чего не дѣлаютъ безуміе и сила?
Уже смерть филину грозила;
Но тронутый его судьбой
Мудрецъ махнулъ рукой,
И въ мигъ глупцовъ изчезла стая!—
Чѣмъ такъ противъ себя ты ихъ ожесточилъ?
Онъ филина потомъ спросилъ.—
Повѣся голову и тяжко воздыхая,
„Не знаю, отвѣчалъ, что мнѣ тебѣ сказать;
Къ согласью и любви хотѣлъ ихъ обращать,
И правду говорилъ, но говорилъ напрасно:
Моя вина вся въ томъ, что ночью вижу ясно!„

В. Пушкинъ.

Лизанька и чижъ.

Притча.

„Что это за житье? терпѣнья право нѣтъ!—
Такъ Лиза, дѣвушка четырнадцати лѣтъ
Сама съ собою говорила—
Все хочетъ маменька, чтобъ я училась, шила,
Не дастъ почти и погулять.
Едваль три раза въ годъ бываю я на балѣ,
А то вертись себѣ безъ кавалера въ залѣ;
Куда какъ весело одной вальсировать!„
Тутъ Лиза тяжело вздохнула,
Отерла слезку и взглянула
Нечаянно на верхъ окна,
И чтожь увидѣла она?
Любимый чижъ ея въ рѣшетчатой темницѣ,
Конечно вспомнивъ про лѣсокъ,
Сидѣлъ на жордочкѣ повѣсивши носокъ.
„Ахъ! вольность дорога и птицѣ,
Сказала Лизанька—я по себѣ сужу.
„О бѣдной пипинька! ужъ болѣ
Тебя не удержу,
Ступай, лети, мой другъ, и веселись на волѣ.„
Съ симъ словомъ отперла она у клѣтки дверь.
Встряхнулся пипинька, летитъ въ окно, кружится;

На крышку ближнюю садится,
Запѣлъ.... какъ счастливъ онъ теперь!
Мечтаетъ Лизанька, и видитъ изъ окошка,
Что къ чижичку подкралась кошка,
Прыгнула на него и при ея глазахъ
Бѣдняжку растерзала.
Въ раскаяньи, въ слезахъ
Вотъ Лиза что сказала:
Какъ смѣла я на маменьку роптать!
Теперь я вижу очень ясно,
Что волю тѣмъ имѣть опасно,
Кто слабъ и самъ себя не можетъ сохранять.,,

А. Измайловъ.

Сверхъ прекраснѣйшаго нравоученія, которое можно примѣнить не къ однѣмъ дѣтямъ, сіе сочиненіе отличается натуральностію разсказа, пріятностію и ровностью слога.

Паукъ и мухи.

Басня.

,,Постой! паукъ сказалъ,
Я чаю, что нашелъ причину,
За чѣмъ еще большой я мухи не поймалъ,
А попадается все мѣлочь—дай раскину

Пошире паутину,
А вось-либо тогда поймаю и больших.,,
Раскинув, нажидает их,
Все мелочь попадает,
Большая муха налетит,
Прорвется и сама, и паутину мчит!
А это и с людьми бывает,
Что *маленьким*, куда
Ни обернись, беда!
Вор, например, большой, хоть в краже попадется,
Выходит прав из под суда,
А маленькой наказан остается.

Хемницер.

Царь и два пастуха.

Притча.

Какой-то Государь прогуливаясь в поле,
Раздумался об Царской доле:
Нет хуже нашего, он мыслил, ремесла!
Желал бы делать то, а делаешь другое;
Я всей душой хочу, чтоб у меня цвела
Торговля; чтоб народ мой ликовал в покое,
А принужден вести войну,
Чтоб защищать мою страну.

Я подданныхъ люблю, свидѣтели въ томъ
Боги,
А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги;
Хочу знать правду, всѣ мнѣ лгутъ.
Бояра лишь чины берутъ,
Народъ мой стонетъ, я страдаю,
Совѣтуюсь, тружусь, никакъ не успѣваю;
Полсвѣта властелинъ, не веселюсь ничѣмъ.,,
Чувствительный Монархъ подходитъ между
тѣмъ
Къ пасущейся скотинѣ,
И что же видитъ онъ? разсыпанныхъ въ долинѣ
Барановъ, тощихъ до костей,
Овечекъ безъ ягнятъ, ягнятъ безъ матерей;
Всѣ въ страхѣ бѣгаютъ, кружатся,
А псамъ и нужды нѣтъ, они подъ тѣнь лажатся,
Лишь бѣдный мечется пастухъ:
То за барономъ въ лѣсъ во весь онъ мчится духъ,
То бросится къ овцѣ, которая отстала,
То за любимымъ онъ ягненкомъ побѣжитъ,
А между тѣмъ ужъ волкъ барана въ лѣсъ тащитъ;
Онъ къ нимъ, а здѣсь овца волчихи жертвой
стала.
Отчаянный пастухъ рветъ волосы, реветъ,
Бьетъ въ грудь себя и смерть зоветъ.

Вотъ точный образъ мой! сказалъ самовласти-
тель;
Итакъ, и смирненькихъ животныхъ охранитель
Такимижъ, какъ и мы, напастьми окруженъ,
И онъ, какъ Царь порабощенъ!
Я чувствую теперь какую-то отраду.„
Такъ думая, впередъ онъ путь свой продолжалъ,
Куда? и самъ не зналъ,
И наконецъ пришелъ къ прекраснѣйшему стаду.
Какую разницу Монархъ увидѣлъ тутъ!
Баранамъ счету нѣтъ, отъ жира чуть идутъ.
Шерсть на овцахъ какъ шелкъ и тяжестью
ихъ клонитъ,
Ягнятки — кто кого скорѣе перегонитъ,
Ко маткинымъ бѣгутъ питательнымъ сосцамъ;
А пастушокъ въ свирѣль подъ липою играетъ,
И милую свою пастушку воспѣваетъ.
„Не сдобровать, овечки, вамъ!
Царь мыслитъ: волкъ любви не чувствуетъ
закона,
И пастуху свирѣль худая оборона.„
А волкъ и подлинно откуда ни возьмись,
Во всю несется рысь;
Но псы, которые то стадо сторожили,
Вскочили, бросились и волка задавили,

Потомъ одинъ изъ нихъ ягненочка догналъ,
Который далеко отъ стада забѣжалъ,
И тотчасъ въ кучку всѣхъ по прежнему загналъ,
Пастухъ же все поетъ, не шевелясь нимало:
Тогда уже въ Царѣ терпѣнія не стало:
—Возможноль? онъ вскричалъ, здѣсь множе-
ство волковъ,
А ты одинъ умѣлъ сберечь большое стадо!—
Царь! отвѣчалъ пастухъ, шутъ хитрости не
надо:
Я выбралъ *добрыхъ* псовъ.

Дмитріевъ.

Прекрасная Аллегорія!—Съ какимъ искуствомъ описалъ стихотворецъ двѣ противоположности! — Выраженія: *кто кого скорѣе перегонитъ, не сдобровать* и пр. производятъ также не малую пріятность. Всякое особенное нравоученіе было бы *некстати* въ сей притчѣ.

Оселъ и конь.

Басня.

Одинъ шалунъ осла имѣлъ,
Который годенъ былъ лишь ѣздить за водою,
Онъ на него чепракъ надѣлъ,
Весь шитый золотомъ, съ богатой бахрамою.

Оселъ нашъ важничать въ такомъ нарядѣ сталъ,
И уши вверхъ поднявъ, прегордо выступалъ.
На встрѣчу конь ему попался,
А на конѣ чепракъ обыкновенный былъ.
Тутъ длинноухій разсмѣялся,
И рыло отъ него свое отворотилъ.
Такихъ ословъ довольно и межъ нами,
Безъ чепраковъ, а съ чѣмъ?—ну! догадайтесь
сами.)

А. Измайловъ.

Гуси.

Басня.

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать,
И правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной.
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню.
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается.)
Я мужика и не виню,
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
„Гдѣ можно насъ гусей несчастнѣе найти?
Мужикъ, такъ нами помыкаетъ,

Bayerische
Staatsbibliothek
München

И насъ, какъ птицъ простыхъ гоняетъ;
А этаго не смыслитъ неучь сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ
гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спа-
сеньемъ.
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены.,,
—А вы хотите быть за что отличены?
Спросилъ прохожій ихъ.—,,Да наши предки.. —
Знаю,
И все читалъ, но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?—
,,Да наши предки Римъ спасли.,,
—Все такъ, да вы что сдѣлали такое?—
,,Мы?...ничего!,, такъ чтожъ и добраго въ
васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣламъ была и честь,
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.
Баснь эту можно бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ гусей не раздразнить.

Крыловъ.

Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ.

Басня.

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!
Мышенокъ, не видавшій свѣта
Попалъ было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей:
„Оставя нашу нору
И перебравшися чрезъ гору,
Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать
Какъ молодой мышенокъ,
Который хочетъ показать,
Что онъ ужъ не ребенокъ.
Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
Какіе звѣри самъ не зналъ!
Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
Такъ миловиденъ былъ собою!
Другой—нахалъ, крикунъ; теперь лишь, словно, съ бою,
Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
Какой-то огненнаго цвѣта,
И такъ... какъ двѣ руки, служащи для полета,

Онъ ими шакъ махалъ,
И шакъ ужасно горло дралъ,
Что я шаки не трусъ, а подавай богъ ноги—
Скорѣе отъ него съ дороги!
Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
Нашелъ наставника и друга,
Въ глазахъ его была написана услуга.
Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры
Смиренны, кроткіе, но полные огня!
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня,
Головка пестрая и въ доль спины узоры;
А уши какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными мышами.„—
А я тебѣ на то скажу,
Мышенка мать остановила —
Что этотъ доброхотъ,
Котораго тебя наружность такъ прельстила,
Смиренникъ этотъ — котъ!
Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель;
Другой же былъ пѣтухъ, смиренный куръ любитель.
Не только отъ него не видимъ мы вреда,
Иль огорченья,

Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда —
Впередъ же по виду не дѣлай заключенья.

Дмитріевъ.

Въ сей Баснѣ находятся приступъ, повѣствованіе, развязка и нравоученіе. — Какъ прекрасно описаны котъ и пѣтухъ! съ какою простотою и откровенностію разсказываетъ мышенокъ о своемъ путешествіи. Сія Басня по справедливости можетъ назваться образцовою. — Но сихъ примѣровъ достаточно для показанія свойствъ и разныхъ видовъ Басни, и особливо ея различія съ Притчею; теперь покажемъ нѣкоторыя правила, принадлежащія наиболѣе къ употребительному въ Баснѣ разсказу.

О разсказѣ Басни.—(Извлечено изъ сочиненія А. Е. Измайлова.)—Всякой вообще разсказъ долженъ имѣть три главныя и существенныя качества: краткость, ясность и правдоподобіе.

Краткость состоитъ не въ томъ, чтобы говорить мало; но въ томъ, чтобы не сказать ничего лишняго; слѣдовательно:

1.) Не должно начинать разсказа весьма издалека и входить въ излишнія под-

робности, но скорѣе приступать къ повѣствованію того происшествія, которое разсказать намѣрены.

2.) Надобно оканчивать разсказъ въ надлежащемъ мѣстѣ.

3.) Не должно дѣлать безъ нужды отступленій отъ главной матеріи, особенно продолжительныхъ.

4.) Не говорить того, что всякой легко можетъ подразумѣвать — и не дѣлать повтореній, хотя бы то было и въ другихъ выраженіяхъ. На пр:

И ходитъ кошка будто шлюпка
Да только по сухомъ пути,
Водой пѣшкомъ не льзя идти

или:

На свадьбу ѣхала богатая карета
Предъ нею съ факеломъ два вершника *для свѣта.*

или

Одинъ влюбился
Безумно какъ *дуракъ* . . .

Во древни времена, весьма давно (сіе принадлежитъ къ погрѣшности въ слогѣ, называемой *Плеоназмомъ.* См. сіе слово.)

Ясность разсказа, такъ какъ и всякаго сочиненія, зависитъ наиболѣе отъ расположенія мыслей. Чѣмъ правильнѣе и

естественнѣе расположимъ мы свои мысли, тѣмъ яснѣе будетъ наше сочиненіе или разсказъ. Не рѣдко темнота происходитъ и отъ самыхъ выраженій, напримѣръ, отъ старинныхъ, неупотребительныхъ или имѣющихъ разныя знаменованія словъ; отъ двусмысленнаго словосочиненія, даже отъ неправильной разстановки знаковъ препинанія.

Везли *гай* въ Дельфъ кумира....

За добычей бродить не можетъ левъ,
А кто къ нему придетъ, откроетъ зѣвъ...

Прочитавъ послѣдній стихъ, всякой имѣетъ право спросить: кто откроетъ зѣвъ? левъ, или тотъ, кто придетъ къ нему?

Правдоподобіе состоитъ въ томъ, чтобы не говорить того, чего не можетъ быть въ природѣ, или въ естественномъ порядкѣ вещей.

Отъ комара всеобщій страхъ
Онъ въ тысячи мѣстахъ
И *вд гривц*, и въ бока и въ брюхо льва кусаетъ...

(не только комаръ, но и левъ не укуситъ льва *вд гривц*.)

Сіи три главныя качества: краткость, ясность и правдоподобіе необходимы для всякаго разсказа; но для того, чтобы раз-

сказъ былъ пріятенъ, нужны оному украшенія, и особенныя еще качества, а именно: *простота* (la simplicité et le familier), *забавное* (le riant, le plaisant), *пріятное* (le gracieux), *естественность* (le naturel) и *простодушіе* (le naïf, la naïveté).

О украшеніяхъ разсказа. Украшенія разсказа въ Баснѣ суть: 1) изображенія и описанія. 2) размышленія, 3) примѣненія, и 4) стихотворные обороты и выраженія.

Изображенія должны быть живы и сдѣланы, такъ сказать, одною чертою, на пр:

О бѣдненькой мой чижъ! онъ *мокрыми крылами*
На силу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ
И ей со вздохомъ и слезами
Носокъ повеся, говоритъ....
Дмитріевъ—Б. Чижъ и Зяблица.

Что за уха! да какъ жирна!
Какъ будто *янтаремъ подернулась она*....
Крыловъ. — Демьянова уха.

Описаніе есть распространенное *изображеніе* или соединеніе многихъ изображеній.

Превосходные примѣры можно видѣть въ Басняхъ *Дмитріева:* Чижъ и Зяблица; Дубъ и Трость; Пѣтухъ, Котъ и Мыше-

нокъ и пр. у *Крылова* въ Басняхъ: Oселъ и Соловей, Волкъ на псарнѣ и пр. у *Хемницера* въ Басняхъ: Два сосѣда, Зеленой оселъ и пр.

Размышленія, должны быть кратки, а болѣе всего естественны. — Хотя главная нравственная истина въ Баснѣ должна быть всегда одна, но сіе не препятствуетъ Баснописцу въ продолженіе повѣствованія упоминать краткимъ образомъ въ приличныхъ мѣстахъ и о другихъ посторонних истинахъ. Надобно только дѣлать сіе такъ, чтобы во все не видно тутъ было ни малѣйшаго принужденія, чтобы сіи постороннія истины или размышленія казались необходимо нужными и заключались въ немногихъ словахъ. Поприще Баснописца весьма невелико: если позволяется ему уклоняться въ сторону съ своего пути, то онъ долженъ немедленно выходить опять на прямую дорогу и стремиться къ своей цѣли.

Такимъ-то и тягаться,
Которымъ кошелекъ поможетъ оправдаться
И у судьи законъ и совѣсть откупить.
Безъ денегъ, какъ на торгъ, въ судъ не за чѣмъ ходить.

Хемницеръ — Два богача.

Былъ левъ слѣпой, *а быть и знатному слѣпымъ*
Дурное право состоянье.
Х.—— Слѣпой левъ.

Ну что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?
Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ.
Крыловъ.—Откупщ. и Сапожн.

Какъ размышленія, имѣющія форму изрѣченій (sentences) нерѣдко дѣлаются пословицами, такъ и самыя пословицы употребляются иногда въ разсказѣ вмѣсто размышленій, на пр:

Хоть кажется слоновъ и умная порода,
Однако же *въ семьѣ не безъ урода.*
Крыловъ.—Слонъ на воеводствѣ

Смотри кума, чтобы не осрамиться;
Не даромъ говорится,
Что *дѣло мастера боится.*
К.——Щука и Котъ.

Примѣненія, Allusions, употребляемыя въ Баснѣ, можно раздѣлить на два рода.

1.) Когда Баснописецъ, говоря о положеніи какого нибудь животнаго или и человѣка, сравниваетъ оное съ подобнымъ положеніемъ, въ которомъ находились нѣкогда извѣстныя въ Мифологіи или Исто-

ріи лица. У Лафонтена въ Баснѣ les deux chèvres:

Malgré tant de dangers, l'une de ces personnes
Pose un pied sur la planche, et l'autre en fit autant.
Je m'imagine voir, *avec Louis le grand*
Philippe quatre qui s'avance
Dans l'isle de *la Conférence.*

2.) Когда Баснописецъ, повѣствуя какое нибудь вымышленное происшествіе, мимоходомъ, такъ сказать, намѣкаетъ на слабости и пороки людей.—(Примѣры можно видѣть въ статьѣ *Аллюзія.)*

О простотѣ. Простота слога состоитъ въ томъ, когда сочинитель изъясняется въ немногихъ и обыкновенныхъ словахъ и выраженіяхъ. Подъ словами и выраженіями обыкновенными разумѣются тѣ, которыя употребляются въ повседневномъ разговорѣ и понятны для людей всѣхъ вообще состояній одной націи. Слова, выраженія и обороты, приличныя собственно сочиненіямъ возвышеннаго рода; также слова и выраженія низкія, употребляемыя чернію и принадлежащія къ какому нибудь областному нарѣчію, ни въ Баснѣ, ни въ другихъ сочиненіяхъ, которыя должны быть писаны простымъ слогомъ, не

могутъ имѣть мѣста. Равномѣрно не могутъ быть терпимы въ сочиненіяхъ такого рода ошибки противъ языка и неправильная перестановка словъ. Примѣромъ простоты слога могутъ служить многія Басни Хемницера, между прочими и Басня *Лѣнивые и ретивые кони.*

Вотъ нѣкоторыя погрѣшности въ Басняхъ противъ простоты слога:

Лиса, увидѣвши сороку, *вопрошала....*

или, говоритъ летучая рыба:

Нырну въ глубь моря, тамъ *встрѣчаема*
волнами

или

Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высыхала *бы* вода....

или

Спустившись наконецъ изъ облачныхъ *вышинъ.*

О естественности. Естественность состоитъ: 1) въ мысляхъ, которыя родились, кажется, невольно отъ обстоятельствъ. 2) Въ вѣрномъ и точномъ описаніи происшествій, 3) въ краткомъ и сильномъ изображеніи характеровъ, и 4) въ выборѣ простыхъ и приличныхъ выраженій, ко-

торыя по видимому сами собою и безъ всякаго труда намъ представились.

Естественность необходима *въ размышленіяхъ, въ изображеніяхъ, въ описаніяхъ* и *въ разговорѣ.*

Повѣствованіе бываетъ весьма естественно и пріятно, когда въ продолженіи онаго сочинитель обращается къ своимъ читателямъ или слушателямъ съ вопросами и самъ себѣ на нихъ отвѣчаетъ, на пр:

Ужь ли смирнѣе малой сталъ?
Гдѣ! бѣшенымъ такимъ еще и не бывалъ.

Хемницеръ.—Усмирительный способъ.

Слыхали ль вы когда отъ нянекъ объ духахъ,
Которыхъ запросто зовемъ мы домовыми?—
Какъ не слыхать! дѣтей всегда стращаютъ
ими.

Дмитріевъ.—Желанія.

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно! слова нѣтъ о томъ.

Крыловъ.—Червонцы.

О пріятномъ. Пріятное состоитъ въ томъ, когда сочинитель сколь возможно живѣе и лучше изображаетъ тѣ предметы, кото-

рые и въ самой природѣ всегда намъ нравятся. Оно бываетъ обыкновенно въ описаніяхъ, помѣщаемыхъ въ повѣствованіи или разсказѣ. Надобно только наблюдать, чтобы сіи описанія дѣлаемы были всегда кстати и отнюдь не казались бы отступленіями.

Случилось кролику отъ дома отлучиться,
Иль лучше: онъ пошелъ *Аврорѣ поклониться*
На тминѣ, вспрыснутомъ росой.
Здоровъ, спокоенъ и на волѣ
Попрыгавъ, пощипавъ муравки свѣжей въ полѣ
Приходитъ *кроличекъ* домой.

Дмитріевъ.—Котъ, Ласточка и Кроликъ.

Примѣры *пріятнаго* также можно видѣть въ Басняхъ Дмитріева *Дубъ и Трость, Чижикъ и Зяблица* и др. у Крылова пѣніе соловья въ Баснѣ *Оселъ и Соловей.*

О забавномъ. Забавное состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Когда Баснописецъ говоритъ о животныхъ точно такъ, какъ бы о людяхъ, то есть, даетъ имъ названія, качества, дѣйствія, обычаи и принадлежности человѣческія. Такъ напримѣръ Лафонтенъ называетъ Кролика *Janot lapin,* Леопарда *сул-*

таномб, а Льва величаетъ *Его львиное величество.* — У Дмитріева въ Баснѣ Котъ, Ласточка и Кроликъ:

Петрб кроликъ приводилъ *вб доводб*
Обычай, *давность* и пр.

Продолженіе сего примѣра можно видѣть въ статьѣ *Аллюзія.*

2) Въ сравненіи обыкновенныхъ и малозначущихъ вещей съ предметами важными и величественными. Такъ Лафонтенъ въ Баснѣ *Два пѣтуха* сказавъ, что у нихъ за курицу возгорѣлась война, присовокупляетъ:

Любовь! ты погубила Трою.

3) Въ названіи животныхъ общими ихъ именами, которые часто у насъ въ разговорѣ даются людямъ. На пр. Въ Баснѣ Дмитріева *Два голубя*, одинъ изъ нихъ говоритъ другому:

Хоть до зефировъ ты, *голубчикб*, погоди.

или Крыловъ въ Баснѣ своей *Свинья*, разсказавъ, какимъ образомъ она вымаралась на заднемъ дворѣ, прибавляетъ:

И изъ гостей домой
Пришла *свинья свиньей.*

О простодушіи: Простодушіе состоитъ въ

томъ, когда сочинитель *какъ будто* по простотѣ своей либо по неосторожности говоритъ то, что для собственной выгоды долженъ бы былъ скрывать отъ другихъ; или когда забавляетъ другихъ своею простотою и легковѣріемъ. На пр:

Какой-то былъ кащей и денегъ тьму имѣлъ,
А сказывалъ онъ самъ, что онъ разбогатѣлъ
Не криводушно поступая.

Хемн.—Б. Кащей.

Прошло, *не знаю*, сколько лѣтъ,
Однако, *помнится*, не мало.

Х. — Орлы.

Однимъ лишь откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ;
Ужъ Божьяго ль боится онъ суда....

Крыловъ.—Откупщ. и Сапожн.

Да спрашивай ты толку у звѣрей!

К.—Медвѣдь у пчелъ.

О Басняхъ въ прозѣ.—Изъ соч. Беницкаго. — Лессингъ и съ нимъ многіе Нѣмецкіе литтераторы утверждали, что Басня должна быть писана прозою, основываясь на Езоповыхъ притчахъ; даже Мейснеръ соглашался съ ними и написалъ прозою много прекрасныхъ Басенъ. Французы напро-

тивъ того говорятъ, что Басня въ прозѣ есть тѣло безъ души, и доказываютъ мнѣніе свое несравненными образцами Лафонтена. Тѣ и другіе, кажется, слишкомъ стѣснили Басню: она неограниченна; и прозою и стихами можно писать ее; притча не трагедія; въ драмѣ Аполога разговариваютъ не цари, полубоги и боги, по крайней мѣрѣ не они *одни*, а также и кошки, и собаки, и лягушки; слѣдовательно Баснописецъ властенъ писать, какъ хочетъ. Но что касается до преимущества прекрасной Басни стихами передъ прекраснѣйшею Баснею въ прозѣ, то это не требуетъ доказательства, ибо въ наше время сія *задача* превращена въ *аксіому*. Для слѣпаго все равно, кто поетъ, красавица или уродъ, лишь бы голосъ былъ пріятенъ; но имѣющій глаза и уши вѣрно станетъ скорѣе слушать пѣвицу красавицу, нежели пѣвицу Медузу.

Возьмите, на примѣръ, Басню *Дубъ и Трость;* прочитайте ее въ прозѣ на всѣхъ языкахъ и сличите потомъ съ принадлежащею Г. Дмитріеву.—Какая проза, какой Лессингъ, выразится такъ сильно и смѣло, какъ нашъ Баснописецъ? сплавьте всѣ риторическія фигуры въ одну, соедините

все прекрасное прозаическое въ одну фразу, никогда не кончите вы такимъ образомъ, какъ онъ кончилъ:

И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ....
Упалъ.

Со всемъ краснорѣчіемъ Мейснера и остроуміемь Лессинга нельзя написать въ прозѣ ничего равнаго, ничего близкаго къ симъ стихамъ.

Посмотримъ теперь на ту любезную простоту, которая прельщаетъ *въ Баснѣ стихами* всякаго, и посредствомъ которой она отличается отъ Аполога въ прозѣ. Выберемъ примѣръ нарочно не самый лучшій. Хемницеръ во второй части своихъ Басенъ и Сказокъ, (Басня XVIII. Соловей и Чижъ) говоритъ:

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И чижъ и соловей висѣли,
И пѣли,

Какъ *мило* начато! какая, такъ сказать, *семейственная простота!* мѣшаетъ ли здѣсь мѣра мыслямъ? останавливаетъ ли она дѣйствіе разума? препятствуетъ ли рифма выраженію? гдѣ тотъ кудрявой оборотъ

прозаическаго краснорѣчія, который бы замѣнилъ это скромное искуство стихотворства?—далѣе:

Лишь только соловей бывало запоетъ,
Сынъ маленькой отцу проходу не даетъ:
Все птичку показать къ нему онъ приступаетъ,
Что эдакъ хорошо поетъ.

Кажется, что сочинитель не рачитъ о своей пользѣ, имѣя въ виду только занятіе читателя; ни однимъ *нарядныл* словомъ не напоминаетъ онъ о желаніи своемъ нравиться; нигдѣ нѣтъ отвратительнаго подбора, авторскаго кокетства; нигдѣ не выходитъ онъ изъ границъ благопристойности, но нигдѣ и *не чинится.*

Отецъ обѣихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.
Ну, говоритъ: узнай, мой свѣтъ,
Которая тебя такъ много забавляетъ?

Перемѣните этотъ нѣжной, кроткой, истинно отеческой вопросъ въ прозу, и онъ огрубѣетъ, сдѣлается суровъ: изъ ласковаго отца выйдетъ угрюмый учитель.

Тотчасъ на чижика мальчишка указалъ;
Вотъ, батюшка! она, сказалъ,
И мальчикъ отъ чижа въ великомъ восхищеньѣ.

*

„Какіе перушки! куды какъ онъ пригожъ!
„За тѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ.

По этимъ словамъ, по этой опрометчивости въ заключеніи, кто не узнаетъ ребенка?—Не все ли тутъ сказано? что еще осмѣлится *прибавить* проза? гдѣ недостатки? смыслъ полонъ, выраженія сильны, ходъ естественъ; ясность прозы соединена въ этой *Притчѣ* съ благозвучіемъ поэзіи, легкость одной съ краткостію другой, правильность съ мѣрою, приличіе со смѣлостію.—Слѣдуетъ нравоученіе:

Вотъ дѣтско разсужденье!
Да полно и въ житействѣ тожъ;
О людяхъ многіе по виду заключаютъ:
Кто нараженъ, богатъ, пригожъ,
Того и умнымъ почитаютъ.

Какая нѣжная укоризна! кто оскорбится услышавъ ее?—Говорятъ, что отказъ изъ устъ ласковаго откровеннаго человѣка пріятнѣе обѣщанія грубіяна; вѣрю: ибо замѣчено это же различіе между стихами и прозою; укоризну пріятно слушать отъ поэта; вотъ одно изъ первѣйшихъ свойствъ стихотворства, возвышающихъ его надъ прозою—вотъ торжество его.

Однимъ словомъ: Гомеровы Боги вѣрно

выбрали для своихъ разговоровъ самый лучшій языкъ, и до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что у жителей Олимпа, у Грековъ и Римлянъ, не было вкуса, до тѣхъ поръ поэзія будетъ старшею и прекраснѣйшею сестрою прозы; до тѣхъ поръ и *Басня стихами* возметъ первенство у *Басни въ прозѣ.*

О Езопѣ и о началѣ Басни. Флоріанъ, въ предисловіи къ своимъ Баснямъ (Leipsic. 1801.) подъ видомъ разговора съ какимъ-то старикомъ, написалъ слѣдующее мнѣніе о началѣ Басни:

Обыкновенно изобрѣтеніе Басни приписываютъ Езопу, но Г. Буланже въ разсужденіи своемъ о древнихъ писателяхъ отвергаетъ бытіе Езопа. Вы увидите, говоритъ онъ, что сей Езопъ столько прославляемый за свои Басни и котораго историки помѣщаютъ въ VI вѣкѣ до Р. X. почитается въ одно и тоже время современникомъ Лидійскаго Царя Креза, Египетскаго Царя Нектанеба, жившаго 180 лѣтъ послѣ Креза, и красавицы Родопы, построившей одну изъ славнѣйшихъ пирамидъ, а сіи пирамиды построены были по крайней мѣрѣ за 1800 лѣтъ до Креза. Вотъ сколько анахронизмовъ, показываю-

щихъ несправедливость всѣхъ жизнеописаній Езопа. Что же принадлежитъ до его твореній, то восточные жители приписываютъ ихъ *Локману*, нѣсколько тысячъ лѣтъ прославляемому въ Азіи Баснописцу, прозванному на всемъ востокѣ *мудрымъ*; Локману, который, подобно Езопу, былъ уродъ и невольникъ. Г. Буланже доказываетъ весьма вѣроятно, что Езопъ и Локманъ—одинъ и тотъже человѣкъ. Не осмѣливаясь ни утвердить, ни отвергнуть сей догадки, я скажу только, что сей Езопъ мнѣ кажется лицемъ вымышленнымъ, подъ которымъ въ Греціи выдавали Апологи, давно уже на востокѣ извѣстные. Мы всемъ пользуемся отъ востока, а Басня, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе всего сохранила свойство и обороты Азіатскихъ сочиненій. Вкусъ къ иперболамъ, къ загадкамъ, къ живописнымъ изображеніямъ, къ наставленіямъ, скрывающимся подъ покровомъ аллегоріи, продолжается въ Азіи и нынѣ; Поэты и Философы сей страны никогда иначе не писали. И такъ вотъ мое мнѣніе о происхожденіи Басни: наиболѣе заниматься живопными можно было въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ преселеніе душъ служило основаніемъ вѣры; а когда

полагали, что души по смерти нашей переходять въ тѣла животныхъ, то самымъ благоразумнымъ дѣломъ казалось учиться познавать ихъ нравы, склонности и образъ жизни, потому что сіи животныя составляли для человѣка и будущее и прошедшее, потому что всегда видѣли въ нихъ отцевъ, дѣтей и самихъ себя.

Отъ изученія животныхъ, отъ увѣренности, что въ нихъ наша душа, легко могли предположить, что имѣютъ они и свой языкъ. Послѣ сего одинъ только шагъ остается къ изобрѣтенію Басни, то есть къ тому, чтобы заставить говорить сихъ животныхъ, чтобы сдѣлать ихъ нашими учителями; и заключаю, что Басня должна имѣть начало свое въ Индіи, и что первый Баснописецъ вѣроятно былъ Брахманъ.

И малое понятіе, какое имѣемъ мы о сей землѣ, согласуется съ моимъ мнѣніемъ. Апологи *Бидпая* суть древнѣйшій монументъ въ семъ родѣ, а Бидпай былъ Брахманъ. Но какъ онъ жилъ при Царѣ могущественномъ, у народа уже образованнаго, то вѣроятно, что Басни его были не первыя; даже и то быть можетъ, что изданныя подъ именемъ его Басни составляютъ

только собраніе Басенъ, кои училъ онъ въ школѣ Гимнософистовъ. Впрочемъ извѣстно, что сіи Индейскія Басни, въ числѣ которыхъ находится и Басня *два Голубя*, переведены на всѣ восточные языки, иногда подъ именемъ *Бидпая* или *Билпая*, а иногда подъ именемъ *Локмана*. Напослѣдокъ перешли онѣ въ Грецію подъ названіемъ Басенъ или Притчей Езоповыхъ. *Федръ* сдѣлалъ ихъ извѣстными Римлянамъ. Послѣ Федра многіе Латинскіе писатели, какъ то Афтоній, Авіенъ, Габрій и другіе, также сочиняли Басни, а нѣкоторые писатели, ближайшіе ко временамъ новѣйшимъ, именно Фаернъ, Абстемій, Камерарій, дѣлали собраніе Басенъ на Латинскомъ языкѣ. Въ концѣ XVI вѣка нѣкто Гегемонъ, изъ Шалона (Chalons sur Saône) осмѣлился первый писать Басни на языкѣ Французскомъ. Чрезъ сто лѣтъ явился Лафонтенъ, и заставилъ забыть всѣ прежнія Басни; даже не ожидаю (такъ говоритъ Флоріанъ, не читавшій ни Дмитріева, ни Крылова!) лучшей участи и всѣмъ будущимъ сего рода сочиненіямъ.

Въ дополненіе къ сей статьѣ выпишемъ Притчу Измайлова, которая безъ всякихъ ученыхъ изслѣдованій ясно пока-

зываетъ, что причиною происхожденія Басни было желаніе поучать не принимая на себя вида учительскаго, и что вымыслъ или аллегорія, бываютъ иногда полезнѣе, нежели простое нравоученіе.

Однажды—ктобъ повѣрить могъ?
Къ Царю, въ его чертогъ,
Вошла вдругъ истина нагая,
Царь въ гнѣвѣ закричалъ: „безстыдница какая!
Какъ смѣла ты войти и кто ты такова?„
—Я истина.—За чѣмъ?—сказать лишь слова два:
Льстецы престолъ твой окружаютъ,
Народъ вельможи угнетаютъ,
Ты нарушаешь самъ нерѣдко свой законъ....—
„Вонъ, дерзкая! вонъ! вонъ!
Гей! стражи! гей! войдите,
Возьмите, отведите
Ее въ смирительный иль въ сумасшедшій домъ.„
Хорошъ былъ истинѣ пріемъ!
Вздохнула бѣдная и въ мигъ изъ глазъ пропала.
Охота послѣ ей припала
Идти опять къ Царю; подумала, пошла,
Но ужъ не голая какъ прежде,
Въ блестящей, дорогой одеждѣ,
Которую на часъ у Вымысла взяла.

Смягчивши грубый тонъ, къ Царю она съ почтеньемъ
Приближилась, и съ нимъ вступила въ разговоръ.
Царь выслушалъ ее съ великимъ снисхожденьемъ;
Перемѣнился скоро Дворъ:
Временщики упали,
Пришелъ на знатныхъ черный годъ,
Вельможи новые не спали,
Царь славу пріобрѣлъ и счастливъ сталъ народъ.

*

Подъ словомъ *Басня* или *Баснь* въ стихотворческой словесности еще разумѣется:

1) Всякое вымышленное повѣствованіе, клонящееся къ увеселенію или нравоученію.

2) Исторія Баснословная древнихъ, т. е. Мифологія, и

3) Содержаніе, дѣйствіе драмы, поэмы Епической, романа, сказки и проч.

БАХИЧЕСКІЙ см. Вакхій.

БЕЗСОЮЗІЕ, asyndeton. Фигура рѣченій: состоитъ въ томъ, когда полагают-

ся вмѣстѣ многія предложенія, безъ союза *и*. На примѣръ:

У Державина въ одѣ *на взятіе Измаила:*

Везувій пламя изрыгаетъ,
Столпъ огненный во тмѣ стоитъ,
Багрово зарево зіяетъ,
Дымъ чорный клубомъ въ верхъ летитъ,
Краснѣетъ понтъ, ревѣтъ громъ ярый,
Ударамъ въ слѣдъ звучатъ удары,
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ,
Клокочутъ рѣки рдяной лавы....

Сей фигурѣ противоположна фигура *многосоюзіе*.

БРАХИКАТАЛЕКТИЧЕСКІЙ стихъ. Слово сіе на Греческомъ языкѣ значитъ: слишкомъ скоро, кратко, или худо оконченный. У Грековъ и Римлянъ такъ назывались стихи, въ которыхъ противъ принятаго правила, недоставало одной стопы.—См *Гиперкаталектическій.*

Βραχυς, краткій, *καταλεκτικος*, худо конченный.

БРАХИКОЛОНЪ, или по Греческому произношенію, Врахиколонъ. У древнихъ

называлcя симъ именемъ стихъ, состоящій изъ односложныхъ созвучныхъ словъ, на пр:

Pix, fax, fex, lex, lux, nex, nix, pax, dux,
quoque styx, stryx.

Но въ нашемъ языкѣ такое совокупленіе односложныхъ словъ не производитъ для слуха нималѣйшей пріятности; впрочемъ, кажется, и на Латинскомъ оно никакой же пріятности не имѣетъ, а сочиняется какъ и всѣ подобныя стихотворческія игрушки наиболѣе для того, чтобъ позабавить странностію, и чтобъ похвастать преодолѣніемъ трудности такого набора словъ. — *βραχὺς*, краткій; *κῶλος* или *στίχος* стихъ.

БРАХИХОРЕЙ, или, по Греческому выговору, Врахихорей. Такъ называлась у Грековъ и Римлянъ стопа, состоящая изъ одного краткаго слога и хорея; иначе называли ее *Амфиврахій*. — См. сіе слово. — Знакъ ея: ◡ — ◡. *βραχὺς*, краткій, и *χορεῖος* хорей.

БУКЕТЪ, *bouquet*. Французы даютъ имя сіе небольшому сочиненію въ стихахъ, писанному кому либо на имянины, или на

день рожденія; чаще сіе не иное что есть, какъ мадригалъ, или пѣсенка. Свойствомъ сего рода стихотвореній бываютъ краткость, нѣжность и веселость. Примѣромъ могутъ служить слѣдующіе стихи *Кн. Шаликова*:

Что мнѣ Граціи прелестной
Въ имянины подарить?
Чѣмъ невинности любезной,
Чѣмъ могу я угодить?
Сувениромъ и стихами
Вотъ они, прошу принять
И лишь взоромъ—не словами,
Коль довольна, мнѣ сказать.

И сіи у Дмитріева:

Вступая въ новый годъ, любезная Климена!
Не бойся, чтобъ въ судьбѣ твоей произошла
Какая перемѣна;
Ты будешь завсегда пріятна и мила,
И лѣтъ твоихъ считать друзья твои не
станутъ:
Душой прекрасныя—не вянутъ.

БУКОЛИЧЕСКІЙ, слово сіе взято съ Греческаго языка; происходитъ отъ *βοῦς*, Волъ, быкъ, и *κόλον*, пажить. Поэзія Буко-

лическая, или Вуколическая, означаетъ тоже самое, что поэзія Георгическая, или пастушеская, или наконецъ, что *Еклога*.— См. сіе слово.

Изобрѣтателемъ поэзіи Буколической иные почитаютъ Дафниса, другіе Буколія, старшаго Лаомедонова сына. Въ жизнеописаніи Виргилія Грамматикомъ Доматомъ приводятся и многія другія мнѣнія о семъ предметѣ. Одни приписываютъ изобрѣтеніе сего рода поэзіи Оресту, во время бѣгства его въ Сицилію, другіе Лакедемонянамъ, иные Аполлону, когда онъ по низверженіи съ неба пасъ Адметово стадо, а иные Меркурію. Но всѣ сіи мнѣнія не имѣютъ никакихъ доказательствъ.

Греки и Римляне въ Буколической поэзіи наиболѣе употребляли стихъ Екзаметръ; у Феокрита встрѣчаются иногда Пентаметры, когда онъ вводитъ пѣсни пастуховъ.

Воссій говоритъ (Jnst. poet. III. 8.), что не должно всѣхъ Идиллій и всѣхъ Еклогъ почитать поэзіею *Буколическою*, ибо подъ симъ именемъ разумѣются такія только сочиненія, гдѣ описываются

однѣ происшествія сельскія, пастушескія. На примѣръ, продолжаетъ Воссій, Виргиліевыхъ Еклогъ, названныхъ *Pollion Silene*, *gallus*, не можно причислить къ поэзіи Буколической. См. *Еклога*.

БУРИМЕ. Слово Французское: *bouts rimés,* окончанія стиховъ орифмованныя, съ рифмою. Стихотворческая игрушка: такъ называются стихи, сочиненные на *заданныя* рифмы. Иногда предлагается предметъ или содержаніе сихъ стиховъ.— Во Франціи, въ царствованіе Людовика XIV, *Буриме* было въ большомъ употребленіи; Дюлотъ (Dulot), жившій около половины XVII-го вѣка, почитается онаго изобрѣтателемъ.

Въ *Буриме* надлежитъ наблюдать: 1) чѣмъ рифмы будутъ страннѣе и слова менѣе имѣть между собою связи, тѣмъ труднѣе писать по онымъ стихи: слѣдовательно стихи, написанные удачно по такимъ рифмамъ, доставятъ болѣе пріятности. 2) Рифмы могутъ быть съ сочетаніемъ и безъ сочетанія, также и многія на одно окончаніе. 3) Сочинители не должны ни переставлять заданныхъ рифмъ,

ни дѣлать въ нихъ какой-либо перемѣны измѣненіемъ во *временахъ* или *падежахъ*.

Примѣромъ служить могутъ стихи, написанные къ издателю Журнала *Вѣстникъ Европы*, 1808:

Да будетъ твой Журналъ у насъ въ Москвѣ
комета!
Да сладокъ будетъ онъ, какъ медъ, или *каймакъ!*
Ты не былъ сотворенъ носить два *эполета*,
За то твой къ Пинду путь не скроетъ *буеракъ!*
Для грѣшныя души спасенье — *литургія!*
Для скаредныхъ писцовъ Журналы—*помело!*
Бѣда имъ критики сердитой *энергія*,
Иль строгаго ума подзорное *стекло!*
Ихъ бредъ для глупыхъ—пѣснь, для умныхъ—
скорговорка!
Въ стихахъ ихъ Фебъ-Сатиръ, съ горбами—
Адонисъ!
Имъ рифма, для стиховъ бредущихъ врозь,
затворка!
Всѣхъ въ пѣтлю бъ за вранье! (Глупонъ и
ты бъ *повисъ!*)—
Безъ дара страсть писать пятно, иль лучше
сажа!
Подобны ль симъ вралямъ Гомеръ, *Анакреонъ?*

И громкостью стиховъ, стиховъ въ два, три
этажа,
Заслужитъ ли поэтъ на Пиндѣ *эспонтонъ*?
Часть XXXVII. N. I.

Примѣры *Буриме* можно еще видѣть въ статьяхъ *Баллада* и *Монорифмъ*.

БѢЛЫЕ *стихи*. Названіе сіе придается стихамъ, не имѣющимъ рифмъ. Должно наблюдать, чтобы въ нихъ, также какъ и въ стихахъ съ рифмами, не было сряду многихъ стиховъ мужескихъ или женскихъ, ибо сіе весьма утомляетъ слухъ. Изъ сего правила изключаются по большей части слѣдующаго размѣра стихи:

Не хочу съ поэтомъ Греціи
Звучнымъ гласомъ Калліопинымъ
Пѣть вражды Агамемноновой и пр.

Сіи не требуютъ никакого *сочетанія*, потому что всѣ пишутся съ сохраненіемъ одного числа слоговъ.—См. *Дактиль*.

Названіе безрифменныхъ стиховъ *бѣлыми* стихами, говоритъ Г. Востоковъ въ Опытѣ о Русскомъ стихосложеніи. (стр. 88), взято нами съ Французскаго, а Французами съ Англинскаго языка, въ которомъ ранѣе вошли въ употребленіе таковые стихи. Бѣлыми же стихами (Blank-

verse; vers blancs) названы они вѣроятно въ томъ смыслѣ, въ какомъ у Англичанъ глаголъ *to blank* значитъ: изглаживать, вытирать, уничтожать; и такимъ образомъ *blank-verse* будетъ означать такой стихъ, въ коемъ изглажена, уничтожена рифма, который лишенъ рифмы.

В

ВАКХІЙ, Вакхическій, или Бахическій. Въ Греческой и Латинской поэзіи называется *Вакхіемъ* стопа, состоящая изъ трехъ слоговъ: перваго краткаго и двухъ долгихъ (◡ — —), какъ въ сихъ словахъ: egestas, avari, *ἀπόλλων*, *тебѣ мы*. Названіе сіе получила отъ того, что употребляли ее въ гимнахъ, сочиняемыхъ въ честь *Вакха*, или *Бахуса*. Римляне называли еще сей размѣръ *oenotrius*, *tripodius*, *saltans*, а Греки *παρίαμβος*.—Бахическою стопою оканчивался иногда Екзаметръ.

ВАКХИЧЕСКІЙ см. Вакхій.

ВИРЕЛЕ. У Французовъ были въ употребленіи двѣ маленькія поэмы, въ родѣ пѣсенъ: *Ле*, Lai, и *Вирелe*, Virelai.

Ле состояло изъ двустишій, прерываемыхъ стихами кратчайшими, и требовало двухъ только рифмъ, то есть одну для краткихъ, а другую для длинныхъ стиховъ. По фигурѣ, которую такіе куплеты образовали, называли еще сію пѣсенку *раздвоившимся деревомъ*, arbre fourchu. Вотъ примѣръ:

Sur l'appui du monde
Que faut-il qu'on fonde
D'éspoir?
Cette mer profonde
En débris féconde
Fait voir
Calme au matin l'onde,
Et l'orage y gronde
Le soir.

Вireле было не иное что, какъ продолжительное, или такъ сказать *верченое Ле*, ибо *virer* значитъ *вертѣть*: разность состояла въ томъ только, что въ немъ послѣ нѣсколькихъ однорифменныхъ стиховъ должно было писать на другую рифму, и т. д. и что первые два стиха въ продолженіи всего сочиненія нѣсколько разъ были повторяемы.—Сіи *Ле* и *Вireле* давно уже изгнаны изъ Французской поэзіи.

*

ВОДЕВИЛЬ, vaudeville. Симъ именемъ называются у Французовъ пѣсни Сатирическія, въ которыхъ осмѣиваемы бываютъ дѣйствія предосудительныя, или которыя заключаютъ насмѣшку надъ какимъ либо страннымъ приключеніемъ. Каждый въ нихъ куплетъ оканчивается острою и даже нѣсколько язвительною мыслію, причемъ однакожъ строго наблюдаются правила благопристойности.—*Водевилями* называются еще *аріи* въ комическихъ операхъ, употребляемыя чаще на концѣ, а иногда и въ срединѣ актовъ. Тѣ изъ нихъ, которыя помѣщаются на концѣ всего театральнаго представленія, должны заключать въ себѣ краткое онаго содержаніе, и потомъ нравоученіе. Сіи *Водевили* почти всегда полагаются на голосъ извѣстныхъ простонародныхъ пѣсенъ. *Опера Водевиль* есть такая опера, которая по большей части состоитъ изъ *Водевилей*.

ВОЗВЫШЕНІЕ, наращеніе, incrementum. Фигура предложеній — которою ораторъ возносится какъ будто постепенно отъ однѣхъ мыслей къ другимъ, беспрестанно усиливающимся, пока наконецъ достигнетъ желаемой степени высоты. Къ сему

присовокупляется иногда вкратцѣ сильная идея, содержащая въ себѣ поученіе или удивленіе.

Сюда принадлежатъ слѣдующіе стихи Дмитріева въ сочиненіи его подъ названіемъ *Ермакъ*:

Великій! гдѣ бъ ты ни родился,
Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ,
Твой подвигъ жизни совершился;
Хотя бъ изчезъ твой самый прахъ,
Хотя бъ сыны твои, потомки,
Забывъ дѣянья предка громки,
Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ,
И жили съ алчными волками:
Но ты, великій человѣкъ!
Пойдешь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ,
И славы лучъ твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится,
И время на косу падетъ.

ВОЗКЛИЦАНІЕ exclamatio. Фигура рѣченій; состоитъ въ томъ, когда отъ растроганной какою-либо страстію души,

употребляются возклицательныя частицы и междометія. На пр:

О! что за зрѣлище предстало!
О пагубный, о страшный часъ!
Злодѣйство что ни вымышляло
Повеглось, Россы, все на васъ!
Зрю камни, ядра, варъ и бревны....

Державинъ.

У Дмитріева въ стихахъ *Освобожденіе Москвы*:

О утро памятно, пріятно!
О вѣчно-незабвенный часъ!
Кто дастъ мнѣ кисть животворящу,
Да радость напишу горящу
У всѣхъ на лицахъ и въ сердцахъ....

Иногда отъ возклицанія раждается особенная мысль, клонящаяся къ порицанію описуемаго предмета, и производящая нѣкоторый родъ Епиграммы, какъ на примѣръ въ слѣдующей надписи къ портрету:

И это человѣкъ!
О времена! о вѣкъ!

ВОЗТОРГЪ, вдохновеніе, изступленіе. —См. Ентузіасмъ.

ВОЗХОЖДЕНІЕ, Clymax. фигура рѣченій; состоитъ въ томъ, когда предыдущее рѣченіе соединяется съ послѣдующимъ, и тѣмъ слово какъ бы постепенно возвышается. На пр:

Левъ волка стережетъ, волкъ рыщетъ за козою,
Коза игривая за мягкой муравою;
Алексисъ за тобой....

Вирг. Екл.—перев. Мерзлякова.

Сюда же можетъ принадлежать и слѣдующая Епиграмма Г: Дмитріева:

Что легче перышка? вода я отвѣчаю.
А легче и воды? ну, воздухъ—доброй знакъ!
А легче и его? кокетка—точно такъ! —
А легче и ее?—не знаю.

Слово *clymax* на Греч: языкѣ собственно значитъ: *лѣстница*.

ВОЛЬНОСТЬ пiитическая, Licentia--есть терпимая неправильность, погрѣшность противъ языка, которую дѣлаютъ иногда поэты для рифмы, либо для мѣры въ стихосложеніи; также подъ словомъ *вольность* разумѣется употребленіе нѣкоторыхъ рѣченій, кои только въ стихѣ, а не въ про-

зѣ—и то по крайней нуждѣ — написать можно; на пр: *межь*, *иль*, *однакъ*, *хоть*, *коль*, вмѣсто между, или, однако, хотя, ежели.

Существительныя и прилагательныя имена, также мѣстоименія, оканчивающіяся въ творительномъ падежѣ на *ю* послѣ гласной буквы *о*, могутъ перемѣнять первую на *и* краткое. На пр: можно написать *жестокой судьбой* вмѣсто жестокою судьбою; съ *любезной* вм. съ любезною; *тобой*, *мной* вм. тобою, мною.

Всѣ имена существительныя, кончащіяся на *іе* могутъ *і* перемѣнять на *ь* на пр. *счастье* вм. счастіе; *рожденье* вм. рожденіе; *сочиненье* вм. сочиненіе. Сіи же имена въ предложномъ падежѣ вмѣсто *іи* или *ьи* (хотя по излишней уже вольности, но не рѣдко употребляемой нынѣ и лучшими писателями) принимаютъ *ьѣ*: сіе случается наиболѣе тогда, когда слово, дѣлающее рифму, бываетъ въ именительномъ или винительномъ падежѣ, и слѣдовательно оканчивается на *ье*, какъ на пр. въ сихъ стихахъ:

Твое, о роща, опустѣ*нье*
Мнѣ предвѣщаетъ жребій мой,
И, каждаго листа въ паде*ньѣ*,
Я вижу смерть передъ собой.

или

И шокъ, разсвирѣпѣвъ, въ расширенномъ стре-
мленьѣ
Къ окрестнымъ понесетъ жилищамъ пото-
пленье

Родительный падежъ, какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа, и предложный единственнаго, могутъ въ нѣкоторыхъ именахъ сокращаться. На пр. Державинъ употребилъ:

Сынъ *время*, случая, судьбины
Изъ за *облакъ* мѣсяцъ ясный
Всталъ и смотрится въ рѣкѣ

Вмѣсто *времени* и *облаковъ*. У Дмитріева въ стихахъ *Освобожденіе Москвы*:

И се зрю зарево кругомъ,
Въ дыму и въ *пламѣ* страшну сѣчу

Вмѣсто *пламени*.

Многія рѣченія, которыя начинаются съ частицъ *со*, *во*, *воз*, и *вос*, могутъ быть написаны безъ *о*, на пр: *сѣединяю*, *вображеніе*, *встокъ*, *встекаю*, вмѣсто соединяю, вображеніе, востокъ, востекаю; но сею вольностью лучше не пользоваться, по-

шому что она весьма близка къ погрѣшности въ слогѣ.

Требуемый отрицательною частицею *не* родительный падежъ перемѣняется иногда въ винительный, на пр:

Мнѣ *внутренній покой*
Никакъ найти не можно.
или
Ничто не облегчитъ *страданіе мое.*

Вмѣсто *внутренняго покоя* и *страданія моего.*

Слова иностранныя, или имена нарицательныя, собственныя, могутъ перемѣнять въ слогахъ удареніе, на пр: у Ломоносова:

Какой пріятный *Зе́фиръ* вѣетъ!

И у Княжнина въ трагедіи *Дидона:*

Великій Ю́питеръ....

Вмѣсто *Зефи́ръ, Юпи́теръ.*

Предлоги отъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ могутъ быть отдаляемы. На пр: *отъ Африки бреговъ*, вм. отъ бреговъ Африки; *стремлюсь на Пинда верхъ высокій*, вм. на высокій верхъ Пинда. Однакожъ надобно весьма остерегаться, чтобы такая разстановка не про-

извела непріятности для слуха и трудности къ приведенію словъ въ надлежащій порядокъ, словомъ сказать, чтобы не была подобна сему полустишію: *по водѣ верхамѣ пѣнистымѣ*.

ВОЛЬНЫЕ *стихи.* Вольными стихами называется совокупленіе нѣсколькихъ стиховъ, состоящихъ изъ неравнаго числа стопъ, какъ то шестистопныхъ съ пятистопными или четырестопными, четырестопныхъ съ двустопными, тристопными; а иногда и всѣ вмѣстѣ употребляемы бываютъ. — Примѣръ:

У Богдановича говоритъ *Венера*:

Амуръ! Амуръ! вступись за честь мою и славу,
Яви свой судъ, яви управу!
Ты знаешь Душеньку, иль могъ о ней слыхать:
Простая смертная, ругаяся богами,
Не ставитъ ни во что твою безсмертну мать;
Уже и нашими слугами
Осмѣлилась повелѣвать . . .
За честь свою, за честь Венеры,
Яви ты строгости примѣры;
Содѣлай Душеньку постылою во вѣкъ;
И столь худою
И столь дурною,

Чтобъ каждый отъ нее чуждался человѣкъ;
Иль дай ты ей въ мужья, ктобъ всѣхъ сы-
скался хуже,
Чтобы нашла она себѣ тирана въ мужѣ,
И мучилабъ себя
Жестокаго любя и пр.

Вольные стихи не употребляются въ Епическихъ поэмахъ, также весьма рѣдко встрѣчаются въ Трагедіяхъ и Комедіяхъ, а въ прочихъ родахъ поэзіи, какъ то въ Басняхъ, Сказкахъ, Посланіяхъ, и вообще во всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ не требуется равномѣрныхъ строфъ, доставляютъ они большую пріятность.

ВООБРАЖЕНІЕ. — Мармонтель, изъ сочиненій котораго почерпнута статья сія, такъ опредѣляетъ воображеніе: способность души, представляющая отсутствующіе предметы какъ бы находящимися предъ глазами. Когда воображеніе начертаваетъ только предметы дѣйствительно существующіе, то не инымъ чѣмъ различествуетъ отъ памяти, какъ живостію цвѣтовъ; когда же изъ соединенія различныхъ предметовъ собранныхъ памятью, воображеніе составляетъ само

собою такія картины, кои не имѣютъ въ природѣ образца, тогда дѣлается оно *творческимъ*, и тогда-то принадлежитъ оно Генію. Тотъ, кому память доставляетъ болѣе предметовъ, болѣе имѣетъ *воображенія*.

(Иные опредѣляютъ *воображеніе* способностію представлять предметы, чувствамъ не подверженые. Но можно ли что нибудь *вообразить* такое, чего мы не видали, чего не осязали, или о чемъ покрайней мѣрѣ не слыхали? предметамъ, неподверженнымъ чувствамъ нашимъ, и немогущимъ быть подверженными, т. е. вымышленнымъ, мы принуждены давать видъ вещей намъ извѣстныхъ, или принуждены бываемъ соединять сіи вещи воедино, дабы составить нѣчто, неимѣющее въ природѣ образца. L'ésprit ne crée aucune idée, aucune image, говоритъ Вольтеръ; и въ другомъ мѣстѣ: on ne fait aucune image; on les assemble, on les combine.)

Мало такихъ людей, у которыхъ воспоминовеніе о предметахъ чувствамъ подверженныхъ, не дѣлалось бы, чрезъ размышленіе или чрезъ напряженіе ума, столь живо, чтобъ не могло доставить образца для поэзіи. Даже дѣти имѣютъ способность представлять себѣ весьма ясно, не толь-

ко то, что видѣли они, но и слышали. Всѣ люди, исполненные какой-либо страсти, съ живостію представляютъ себѣ предметы, оную возбудившіе.

Размышленіе можетъ произвести тѣ же самыя дѣйствія въ поэтѣ: оно, такъ сказать, дѣлаетъ плодотворными идеи; и когда поэтъ описываетъ что либо слабо, неопредѣленно, безпорядочно, то сіе по большей части бываетъ отъ того, что онъ не обратилъ на свой предметъ всего вниманія, какого оный требовалъ.

Если вамъ нужно, на примѣръ, описать корабль, претерпѣвающій бѣдствіе отъ бури, и уже приближающійся къ разрушенію; то сначала картина сія представится мысли вашей въ непроницаемомъ отдаленіи. Но хотите ли, чтобъ она была къ вамъ ближе? осмотрите мысленными очами всѣ составляющія оную части; *вообразите*, что должно происходить въ воздухѣ, въ водѣ, и въ самомъ кораблѣ! — Въ воздухѣ: бушующіе разъяренные вѣтры; помрачающіе свѣтъ облака, которыя, стремяся другъ на друга, низвергаютъ съ ужаснымъ трескомъ изъ освѣщаемыхъ молніею нѣдръ смертоносныя стрѣлы. — Въ водахъ: пѣнящіяся и возды-

мающіяся до облаковъ волны; обложенныя металломъ доски, отражающія блескъ молніи; валы, горамъ подобные, висящіе на безднахъ, въ которыя корабль низвергается, и вылетая изъ которыхъ, опять по волнамъ стремится. — На землѣ: острые утесы, о которые съ ревомъ разрушаются волны, и которые представляя очамъ кормщиковъ недавніе остатки кораблекрушенія, служатъ ужасными предвѣстниками ихъ участи. — Въ кораблѣ: райны гнущіяся отъ усилія парусовъ; преломляющіяся мачты; боки корабля, уже показывающіе разщелины отъ натиска валовъ; встревоженный кормщикъ, коего искуство истощается и уступаетъ мѣсто отчаянію; утомленные напрасною работою матросы, призывающіе жалобнымъ крикомъ небо на помощь къ послѣднимъ напряженіямъ силъ; герой, ихъ ободряющій и старающійся подать имъ надежду, которой самъ не имѣетъ.—Хотите ли сдѣлать картину сію еще жалостнѣе, ужаснѣе? представьте въ кораблѣ отца съ единственнымъ своимъ сыномъ; представьте супруговъ, любовниковъ, которые обнимаются и говорятъ: мы погибаемъ! — отъ васъ зависитъ собрать въ сей ко-

рабль всѣ страсти, и представить во всей силѣ ужасъ и сострадание. Для сего нѣтъ нужды въ Гении творческомъ; слѣдуетъ только обдумать всѣ обстоятельства бури. Тоже можно сказать и о всѣхъ картинахъ, подлежащихъ чувствамъ: чѣмъ болѣе объ нихъ размышляемъ, тѣмъ живѣе и подробнѣе онѣ представляются. Правда, надобно умѣть сблизить обстоятельства и соединить подробности разсѣянныя въ памяти; но память, при напряжении ума какъ бы сама собою представляетъ всѣ собранные ею материалы, и всякой, если приметъ на себя трудъ, можетъ убѣдиться, что *воображение*, относительно къ вещамъ Физическимъ, есть такое дарование, которымъ, даже не примѣчая, обладаемъ.

Труднѣйшее дѣло *воображения* состоитъ въ расположении поэмы, романа, и всякой драмы; въ выборѣ характеровъ и страстей, приличныхъ вводимымъ въ оныя лицамъ. Сие требуетъ какъ глубокомыслия, такъ и вѣрнѣйшаго познания человѣческаго сердца.

Часто смѣшиваютъ съ *воображениемъ* способность еще драгоцѣннѣйшую — способность поставлять себя на мѣстѣ опи-

сываемаго лица; принимать его характеръ, чувствія, склонности, участвовать въ его выгодахъ; заставлять его дѣйствовать такимъ образомъ, какъ оно должно дѣйствовать, и объясняться, какъ само бы объяснялось. Сія способность *располагать собою* столькоже отличается отъ воображенія, сколько ощущенія душевныя отличны отъ впечатлѣній чувственныхъ: она должна быть обработываема сообществомъ съ людьми, наблюденіемъ натуры и образцами въ искуствѣ; она требуетъ упражненія на цѣлую жизнь— и сего еще не достаточно: для нея надобно имѣть чувствительность, дѣятельность души, коими наградить можетъ одна природа. Словомъ: это есть піитическій жаръ, восторгъ, вдохновеніе, изступленіе.—См. *Ентузіасмъ*.

Не рѣдко случается видѣть, что *воображеніе* поэта поражено, а до сердца его ничто не коснулось; тогда онъ подробно описываетъ всѣ признаки страсти, но говоритъ языкомъ ей неприличнымъ.

ВОПРОШЕНІЕ, interrogatio. Фигура предложеній.

Вопрошеніе риторическое или піитическое бываетъ не для изпытанія неизвѣстныхъ, но для сильнѣйшаго изображенія извѣстныхъ вещей. На примѣръ:

Державинъ въ одѣ на коварство:

Доколь владычество и славу,
Коварство, будешь присвоять;
Вѣсы, кадило, мечъ, державу
Въ рукахъ злодѣйскихъ обращать?
Доколь ловитвой ухищренной
Яремъ накладывать вселенной
Тебѣ чрезъ наглость и чрезъ лесть?
За святотатственны обманы
Доколѣ стяжутъ власть тираны,
Кумиры Божескую честь?

Тѣ *вопрошенія*, которыхъ обыкновенный разговоръ требуетъ, и которыя не для того употребляются, чтобы умножить силу въ словѣ, къ сей фигурѣ не принадлежатъ; на пр. сіи вопросы Дидоны къ Троянскимъ пришельцамъ:

Изъ коей вы земли и коего народа?
И съ миромъ ли вы къ намъ пришли, или съ войною?

ВЫМЫСЛЪ, fictio. Произведенiе искуствъ, не имѣющее совершеннаго образца въ природѣ.

Вымыслы въ краснорѣчiи, говоритъ Ломоносовъ, суть таковыже, каковы на сраженiяхъ военныя хитрости. Ибо какъ съ довольнымъ числомъ солдатъ и всякаго военнаго снаряду, съ искуствомъ какъ употреблять оружiе и съ сильнымъ и мужественнымъ на враговъ нападенiемъ военныя хитрости употреблять весьма полезно; такъ и *вымыслы*, при увеличенномъ чрезъ распространенiя словѣ, при основательныхъ доказательствахъ и при движенiи страстей весьма много способствуютъ. И какъ отъ оныхъ приходятъ непрiятели въ замѣшательство и непорядокъ, позабываютъ и оставляютъ свои предпрiятiя и расположенiя; такъ и слушатели или читатели слова *вымыслами* восхищаются и позабываютъ свои возраженiя, противныя предлагаемой матерiи.

Возвышенiе слова хотя много зависитъ отъ украшенiй риторическихъ, однакожъ и отъ *вымысловъ* получаетъ оно не меньшее великолѣпiе. *Вымыслы* особливо въ стихотворствѣ имѣютъ великую силу, и могутъ по справедливости наз-

ваться душею высокаго слога, что въ славныхъ стихотворцахъ ясно видѣть можно. Также и великіе ораторы въ важныхъ словахъ *вымыслы* нерѣдко употребляютъ, и тѣмъ прозу не мало возвышаютъ.

Вымыслы раздѣляются на *чистые* и *смѣшанные*.

Чистые состоятъ въ цѣлыхъ повѣствованіяхъ о дѣйствіяхъ, которыхъ не бывало. — Сюда принадлежатъ изъ древнихъ авторовъ Езоповы притчи, Апулеева басня о золотомъ ослѣ, Петроніевъ Сатириконъ, Лукіановы разговоры; изъ новыхъ Барклаева Аргенида, Гулливерово путешествіе, Донъ Кишотъ Ламанхскій, Елисей или раздраженный Вакхъ Майкова, Душенька Богдановича, Бахаріана Хераскова, Илья Муромецъ Карамзина, Русланъ и Людмила Пушкина и пр.

Смѣшанные состоятъ отъ части изъ правдивыхъ и отъ части изъ вымышленныхъ дѣйствій.—Таковы суть: Гомеровы Иліада и Одиссея, Виргиліева Енеида, Хераскова Россіяда и Владиміръ, и всѣ прочія епическія поэмы, также Овидіевы Превращенія, Странствованіе Телемака и пр.

Еще раздѣляются вымыслы на *прямые* и *косвенные*:

Прямые предлагаются просто наподобіе подлинныхъ дѣяній безъ всякихъ оговорокъ; на примѣръ у Державина въ *Видѣніи Мурзы*:

Блаженъ . . . но съ рѣчью сей внезапно
Мое все зданье потряслось,
Раздвиглись стѣны и стократно
Ярчае молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно,
Сокрылась поблѣднѣвъ луна,
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена,
Сошла и жрицей очутилась,
Или богиней предо мной,
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной

Косвенные имѣютъ въ себѣ нѣкоторую оговорку, или какое нибудь умягченіе, чѣмъ они съ правдою сопрягаются, и къ ней ближе подходятъ. Прим:

Когда бы древни лѣта знали
Толику бодрость съ красотой,
Тобъ храмы въ честь твою создали
И жертвой чтили бъ образъ твой.

Ломоносовъ.

Къ изобрѣтенію *вымысловъ* больше всего служатъ примѣры славныхъ авторовъ, однако не безполезны могутъ быть и слѣдующія правила, почерпнутыя также, какъ и вся статья сія, изъ Ломоносова. Здѣсь представляются во первыхъ способы, какъ составлять *чистые* и *смѣшанные* вымыслы, потомъ, какъ оные предлагать *косвенно*.

1.) Къ составленію чистыхъ вымысловъ служитъ *соединеніе* разныхъ видовъ въ одно тѣло. Такъ у древнихъ стихотворцевъ вымышлены Кентавры, имѣющіе одну половину человѣка, а другую коня; Сиренамъ дана верхняя часть дѣвицы, а нижняя рыбы и пр.

2.) Когда части, свойства или дѣйствія вещамъ придаются отъ иныхъ, которыя суть другаго рода.—Такимъ образомъ придаютъ безсловеснымъ животнымъ слова, или вещамъ такія дѣйствія, какихъ онѣ имѣть не могутъ, на пр:

И се уже *рукой багряной*
Врата отверзла въ міръ *заря*,
Отъ ризы *сыплетъ* свѣтъ румяной
Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря....

Ломоносовъ.

или

Борей на осень *хмурит бровù*
И зиму съ сѣвера *зоветъ* :
Идетъ сѣдая чародѣйка ,
Косматымъ машетъ рукавомъ

Державинъ.

При чемъ наблюдать надобно , чтобъ вымышленное изображеніе было сходно съ самою вещію , которая подъ такимъ видомъ представляется ; должно давать ей дѣйствія , свойства и обстоятельства , сходныя съ дѣйствіями , свойствами и обстоятельствами самой той вещи.

Иногда составленію *вымысловъ* служитъ и то, когда дѣйствительныя натуральныя части отъемлются. Таковы у древнихъ стихотворцевъ вымышлены были Циклопы объ одномъ глазѣ. Однако сей способъ не такъ плодовитъ , какъ *прибавленіе* или *соединеніе*.

3.) Также весьма способно къ составленію вымысловъ *увеличеніе* вещей , къ чему много силы придаютъ ужасныя дѣйствія и свойства. Таковы у стихотворцевъ Атласъ, Гиганты, Полифемъ, Какусъ и пр.—Примѣры:

Въ III книгѣ Енеиды, Ахеменидъ разсказываетъ о Циклопѣ Полифемѣ:

Циклоповъ очесамъ едва объятенъ ростъ.
Какъ встанетъ, облаковъ касается главою;
Какъ ступитъ, твердь дрожитъ подъ тяжкою пятою....
Я видѣлъ самъ, какъ онъ, лежащій на хребтѣ
И протяженъ по всей вертепа долготѣ,
Двоихъ изъ насъ схватя великою рукою,
И въ низъ стремительной повергнувъ быстротою,
Единымъ о скалу ударомъ раздробилъ....
(И далѣе:)
Едва свершилъ онъ рѣчь, предъ очи наши вдругъ
Дикообразный се является пастухъ,
Ужасный Полифемъ, чудовищна громада....
Въ рукѣ высокая, жезла во мѣсто, сосна....
Ужъ вносится, грозящъ, въ средину топкихъ влагъ;
Но Понтъ еще до ребръ Гиганта не досягъ.

Перев. Петрова.

Я духомъ зрю минувше время:
Тамъ грозный злится Исполинъ
Разсыпать земнородныхъ племя

И разрушитъ натуры чинъ.
Онъ ревомъ бездну возмущаетъ,
Лѣсисты съ мѣстъ бугры хватаетъ,
И въ твердь сквозь облака разитъ;
Какъ Етна въ ярости дымится,
Такъ мгла изъ челюстей курится
И помрачаетъ солнца видъ.

Ломоносовъ.

И у Державина въ одѣ на *взятіе Измаила* сказано о Исполинѣ-Россѣ:

Пошелъ—и кто возмогъ противъ?
Отъ шлема молніи скользили
И океаны уступили
Стопамъ его пути открывъ.
Онъ сильны орды пхнулъ ногою,
Края Азійски потряслись....

4.) Чрезъ *превращеніе* — когда что въ другое превращается. Примѣромъ сему могутъ быть Овидіевы Превращенія.

5.) Чрезъ *преложеніе* съ мѣста на мѣсто, *или* изъ одного времени въ другое; на пр:

Но спѣшно толь куда восходитъ
Внезапно мой плѣненный взоръ?

Видѣніе мой умъ возводитъ
Превыше Фессалійскихъ горъ!
Я дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,
Рукою отрока держащу
И всѣ страны полночны съ нимъ . . .

Ломоносовъ.

Иногда прошедшее время относится въ настоящее и изображается подъ видомъ мѣста, какъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Сквозь тучи бывшія печали,
Что лютый рокъ на насъ навелъ,
Какъ горы о Петрѣ рыдали
И Понтъ въ брегахъ своихъ ревѣлъ,
Сквозь страшны Россамъ перемѣны,
Сквозь прахъ войнами возмущенный
Я вижу тотъ пресвѣтлый часъ.
Тамъ вкругъ младой Елисаветы
Сіяютъ счастливы планеты . . .

Ломоносовъ.

Я вижу страшную годину: —
Его три вѣка держитъ сонъ,
Простертую подъ нимъ долину
Покрылъ вездѣ колючій тернъ;
Лице туманъ подернулъ блѣдный,

Ослабли мышцы удрученны,
Скатилась въ мракъ глава его;
Разбойники вокругъ суровы
Взложили тяжкія оковы,
Змія на сердцѣ у него.
Онъ спитъ!—и насѣкомы гады
Румяный потемняютъ зракъ....

Державинъ. На взят. Изм.

Умягчаются *вымыслы* и въ *косвенные* обращаются тремя способами: условіемъ, словами значащими сомнѣніе и фигурами.

Первый способъ весьма употребителенъ у Ораторовъ, какъ на примѣръ у Цицерона въ седьмомъ словѣ противъ Верреса:

„Когда бы я сіе говорилъ у Скифовъ, не здѣсь при толикомъ множествѣ гражданъ Римскихъ, не при избраннѣйшихъ града сего Сенаторахъ, ниже на площади среди Римскаго народа, о толикихъ и толь жестокихъ мученіяхъ гражданъ Римскихъ; то бы и оныхъ варваровъ сердца подвигнулъ.„

Или въ словѣ Скифскихъ пословъ къ Александру Великому: „если бы Боги благоволили дать тебѣ величину тѣла равную жадной душѣ твоей, то бы тебя вселенная не вмѣстила.

Ломоносовъ также употребилъ сей оборотъ въ похвальномъ словѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ, начинающемся такъ:

Если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели! въ который подъ благословенною Державою Всемилостивѣйшія Государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ, и веселятся о преславномъ Ея на Всероссійскій Престолъ восшествіи, возможно было намъ радостію возхищеннымъ вознестися до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать отъ возходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся возклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ ЕЛИСАВЕТЫ, коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось и проч. или у него же:

Ахъ, еслибъ нынѣ Россовъ всѣхъ
Къ тебѣ горяща мысль открылась,
То бъ мрачна ночь отъ сихъ утѣхъ
На вѣчный день перемѣнилась

Примѣры умягченныхъ вымысловъ словами, заключающими въ себѣ сомнѣніе:

Намъ въ ономъ ужасѣ *казалось*,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось
Земля стенала отъ зыбей,
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались
И устремлялся громъ на громъ....

Ломоносовъ.

О вы, недремлющія очи,
Стрегущія небесный градъ!
Вы, бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спятъ,
Взираете сквозь тѣнь густую
На цѣлу широту земную;
Но *чаю,* что вы въ оный часъ,
Впротивъ естественному чину,
Петрову зрѣли дщерь едину,
Когда пошла избавить насъ.

Ломоносовъ.

Фигуры наиболѣе способныя къ умягченію *вымысловъ* суть *вопрошеніе* и *обращеніе.* На пр:

1) Куда, силъ грозныхъ воевода!
Надѣвъ огнепернатый шлемъ,

На бедро мечъ, съ небесна свода
Ты радужнымъ течешь путемъ?

или

Но кто тамъ бѣлыхъ волнъ туманомъ
Покрытъ по персямъ, по плечамъ,
Въ стальномъ доспѣхѣ свѣтитъ рдяномъ,
Подобно синя моря льдамъ?
Кто на копье склонясь главою
Событье слушаетъ временъ?
Не тотъ ли, древле что войною
Потрясъ Парижскихъ древность стѣнъ?

Державинъ.

2) Но,—о прекрасная планета,
Любезное свѣтило дней!
Ты нынѣ чрезъ предѣлы свѣта
Простерши блескъ твоихъ лучей,
Спасенный сѣверъ освѣщаешь
И къ намъ веселый видъ склоняешь.

Ломоносовъ.

*

Мармонтель раздѣляетъ вымыслы на *совершенные*, *преувеличенные*, *чудовищные* и *нелѣпые*.

1. *Совершенные* или *изящные* (en beau) вымыслы заключаются въ правильномъ

совокупленіи прекраснѣйшихъ *частей*, порознь взятыхъ, для составленія новаго естественнаго цѣлаго. На семъ правилѣ основано подражаніе изящной природѣ. Въ живописи Рафаелева Богоматерь и Гвидовъ Геркулесъ; въ ваяніи цѣломудренная Венера и Аполлонъ Ватиканскій, а въ поэзіи Характеры Корнеліи, Дидоны, Орозмана, не имѣютъ существенныхъ образцевъ въ натурѣ; но художники собрали разбросанныя красоты съ разныхъ предметовъ и составили *цѣлое* болѣе или менѣе совершенное, смотря по тому, счастливъ или неудаченъ былъ выборъ сихъ соединенныхъ красотъ. — Къ семуже роду вымысловъ принадлежитъ изобрѣтеніе предметовъ отвратительныхъ, кои удобны бываютъ придавать болѣе блеску красотѣ и возвышаютъ ее. Въ Корнеліевой трагедіи *Смерть Помпея*, добродѣтель Корниліи и Цезаря возвышается пороками Птоломея, Ахилласа и Септима; у Расина въ трагедіи *Британникѣ* Неронъ, Агриппа и Нарцисъ имѣютъ свои піитическія красоты. Иногда въ одномъ и томъже характерѣ представляются разныя оттѣнки добра и зла, кои перемѣшиваясь дѣлаютъ первое привлекательнѣйшимъ.

2. *Преувеличенные* вымыслы производятъ такъ называемое *чудесное* и состоятъ въ арифметическомъ умноженіи величины, силы, скорости и пр. Гиганты, на примѣръ, громоздятъ горы одну на другую; Полифемъ и Какусъ играютъ каменными утесами и пр. Въ сихъ вымыслахъ наиболѣе надлежитъ хранить соразмѣрность физики съ моралью. У Мильтона изображеніе сатаны можетъ служить прекраснѣйшимъ примѣромъ для сихъ вымысловъ.

3. Вымыслъ, производящій *чудовищное* имѣетъ по видимому началомъ суевѣріе, образцемъ устраненіе натуры отъ обыкновеннаго порядка, а предметомъ Аллегорію. Вѣрили нѣкогда въ Сиренъ, въ Сфинксовъ, въ Сатировъ; ибо видѣли, что сама натура мѣшала иногда различные роды и виды своихъ произведеній. Сіи вымыслы тогда только бываютъ удачны, когда каждая изъ составныхъ частей имѣетъ свою красоту и вѣрную соразмѣрность съ цѣлымъ.

4. *Нелѣпые* или *вздорные* вымыслы произошли отъ безпорядочнаго воображенія. Чудовищные суть смѣшеніе вещей нѣкоторымъ образомъ однородныхъ или меж-

ду собою подобныхъ, а сіи составляются изъ соединенія вещей нимало несродныхъ, безъ соблюденія соразмѣрности. Горацій сказавъ—

Когда маляръ, въ жару, потѣя надъ картиной,
Напишетъ женскій видъ на шеѣ лошадиной,
Всю кожу перьями и шерстью разпеститъ...
(Наука Стихотв. пер. Мерзлякова.)

—по справедливости думалъ, что составилъ нѣчто смѣшное; но это смѣшное принадлежитъ только къ роду *чудовищному*, а въ вымыслахъ *нелѣпыхъ* бываетъ еще хуже. Множество примѣровъ можно видѣть въ живописи и въ ваяніи: здѣсь пальма оканчивается лошадиною головою, тамъ женщина преобразуется въ пирамиду, или старикъ представляется съ бородою изъ древесныхъ листьевъ. Самъ Рафаель изобразилъ въ Ватиканѣ: человѣческую голову, выходящую изъ цвѣтка, Дельфина оканчивающагося листьями, медвѣдя лежащаго на щитѣ, Сфинкса смотрящаго изъ древесной вѣтви и пр.

Сей родъ *вымысловъ* изобрѣтенъ не новѣйшими художниками: Витрувій въ VII книгѣ съ подробностію объономъ упоминаетъ.

Изъ вышеозначенныхъ четырехъ вымысловъ видно, что *нелѣпыхъ* разборчивый умъ нимало терпѣть не можетъ; что *чудовищные* нравятся только по заключающейся въ нихъ аллегоріи; что *преувеличенные* не могутъ быть привлекательны по однимъ физическимъ свойствамъ, а при совокупленіи физическихъ съ нравственными непремѣнно происходитъ отвратительная несоразмѣрность; словомъ: одни только вымыслы *совершенные*, *изящные* могутъ быть удовлетворительны для хорошаго вкуса, пріятны для образованнаго ума, и достойны изобрѣтательнаго Генія.

Въ поэзіи вымысламъ *изящнымъ* способствуютъ: 1) олицетвореніе существъ безплотныхъ, и даже самыхъ понятій, какъ то Истины, Гордости и пр. 2) одушевленіе такихъ тѣлъ, коимъ даровала природа только жизнь и движеніе, 3) составленіе, какъ сказано выше, такого *цѣлаго*, котораго однѣ только части имѣютъ образцы въ природѣ.

ВЫСОКОЕ, sublime. *Высокое*, говоритъ Буало Депрео, есть нѣкоторая сила рѣчи, способная возвысить и привести душу въ восхищеніе. Она происходитъ или отъ

возвышенности мысли и чувствованія, или отъ избранія лучшихъ словъ, или отъ пріятнаго и разительнаго оборота въ выраженіи, то есть отъ котораго-либо изъ показанныхъ качествъ особенно, или, что составляетъ *совершенное высокое*, отъ совокупленія всѣхъ оныхъ качествъ.

Высокое, по словамъ Сильвана, есть рѣчь, заключающая оборотъ необычайный, непредвидимый, сильный, который, превосходными изображеніями и чувствованіями, возвышаетъ, восхищаетъ душу и вселяетъ въ нее благороднѣйшую мысль о самой себѣ.

Высокое вообще, пишетъ Шевалье Жокуръ, есть все то, что возноситъ насъ превыше того, что мы были, и также то, отъ чего сіе возвышеніе дѣлается намъ въ то же время чувствительнымъ.

Лонгинъ въ книгѣ περὶ Ὕψους о высокости, или о высокомъ (которую перевелъ на Русскій языкъ Г. Мартыновъ), смѣшивая иногда такъ называемое *высокое* съ высокимъ слогомъ, говоритъ, что оно въ сочиненіяхъ есть самое возможное возвышеніе и превосходство слова. Лонгинъ по сему считаетъ пять обильнѣйшихъ источниковъ *высокаго*: 1) счастливая отваж-

ность мыслей, 2) сильная и изступленная страсть, 3) пристойное составленіе фигуръ, 4) благородное слововыраженіе, и 5) величественное и возвышенное словорасположеніе.

Новѣйшіе естетики, мало заботясь о точномъ опредѣленіи *высокаго*, раздѣляютъ оное на два рода: на высокое въ *изображеніяхъ*, и на высокое въ *чувствованіяхъ*.

I. Перваго рода, то есть, высокаго въ изображеніяхъ, предметы суть: необозримыя долины, безпредѣльный океанъ, развалины, сводъ небесный, глубокія пропасти, молнія, громъ, звукъ колоколовъ въ уединеніи, свистъ вѣтровъ, сраженія войскъ, необыкновенная сила, землетрясенія, огнедышущія горы, бури, водопады, безмолвіе, мракъ, дикая природа и проч.

Вотъ нѣкоторые примѣры:

У Ломоносова

Подъ сильною его пятою
Бугры кремнистые трещатъ

Державинъ, описывая переходъ чрезъ Швейцарскія горы Россійскихъ войскъ, такъ изображаетъ гору Сенготаръ:

Ведетъ—и нѣкая громада
Гигантъ предъ нимъ возсталъ въ пути,
Главой небесъ, ногами ада
Касаяся, претитъ идти.

или

На Галла сталъ ногой Суворовъ
И горы треснули подъ нимъ.

Что можетъ быть разительнѣе сдѣланнаго симъ знаменитымъ поэтомъ изображенія смерти:

Глотаетъ царства алчна смерть.

И въ слѣдующихъ стихахъ:

Глядитъ на всѣхъ—и на Царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны —
И точитъ лезвее косы.

Спокойствіе или, такъ сказать, равнодушіе смерти, означенное въ послѣднемъ стихѣ, вселяетъ въ сердце какой-то неизъяснимый *ужасъ*.

Какая величественная картина представляется и въ сихъ стихахъ Дмитріева, обращаемыхъ къ Богу:

Ты дхнешь—и двигнешь Океаны!
Речешь—и вспять они текутъ!

Сюда же принадлежитъ сдѣланное Гораціемъ изображеніе Катона:

Et cuncta terrarum subacta,

Praeter atrocem animum Catonis.

„Все въ мірѣ покорилъ, кромѣ непреклоннаго духа Катонова.„

Таковыхъ *высокихъ*, можно сказать неподражаемыхъ *изображеній* множество можно найти въ Священномъ писаніи, особливо въ Псальмахъ Давидовыхъ:

И подвижеся и трецетна бысть земля и основанія горъ смятошася и подвигошася, яко прогнѣвася на ня Богъ. Взыде дымъ гнѣвомъ Его, и огнь отъ лица Его воспламенится и угліе возгорѣся отъ Него—и приклони Небеса и сниде, и мракъ подъ ногама Его — и взыде на Херувими и летѣ, летѣ на крилю вѣтреню — небо престолъ Его и земля подножіе ногу Его —одѣяйся свѣтомъ яко ризою и проч.

II. *Чувствованія* бываютъ высоки, когда, основываясь на истинной добродѣтели, кажутся превышающими человѣческое существо, или, когда, по словамъ Сенеки, изображаютъ въ слабости человѣческой твердость Божественную. *Если бы вселенная низвергалась на главу праведника, душа его пребыла бы спокойна во время сего па-*

денія. Понятіе о разрушаемомъ мірѣ есть высокое *изображеніе*, а спокойствіе праведника высокое *чувствованіе*.

Слѣдующіе примѣры лучше объяснятъ сказанное:

Аяксъ въ XVII пѣсни Иліады говоритъ, обращаясь къ Юпитеру:

Ты возврати намъ день, и самъ сражайся съ
нами.

Вотъ, пишетъ Лонгинъ, подлинно достойныя чувствованія Аякса! онъ не проситъ жизни, это унизило бы Героя; но поелику въ густомъ мракѣ лишается случая оказать свою храбрость, то негодуя, что долженъ на время отложить сраженіе, проситъ какъ можно скорѣе возвратить свѣтъ, дабы получить совершенно славную кончину, хотя бы надлежало сражаться и съ самимъ Юпитеромъ.

У Корнеля въ VI явленіи III дѣйствія трагедіи *Гораціи*, Юлія, видѣвшая сраженіе трехъ Гораціевъ съ Куріаціями и не дождавшаяся конца, приходитъ къ старому Горацію и разсказываетъ, что двое изъ его сыновей убиты, а третій, бывши не въ состояніи противиться тремъ, обратился въ бѣгство; старецъ прихо-

дитъ въ ужасный гнѣвъ на послѣдняго сына за такую трусость;—Юлія говоритъ ему:

Que vouliez vous qu'il fit contre trois?

Что могъ противъ троихъ онъ сдѣлать?

Старецъ отвѣчаетъ

Qu'il mourut !

Умереть. —

Юлій Цезарь, осердясь на кормчаго, который оробѣлъ отъ бури, сказалъ ему: quid times? Caesarem vehis. Чего боишься? Цезаря везешь.—

Въ трагедіи Княжнина *Росславъ* (д. III. явлен. 3) Христіернъ говоритъ сему Герою:

Умри злодѣй! мое терпѣнье истребя,
Надежду на кого взлагаешь?

Росславъ отвѣчаетъ: на себя.—

И далѣе, когда Зафира изъявляетъ Христіерну негодованіе за его жестокость и сожалѣніе о несчастіи Росслава, то сей тиранъ возклицаетъ:

Умретъ мой врагъ, умретъ.
Ты плачешь!—воины!

Зафира говоритъ ему: не плачу...умираю.—

Озерова Едипъ также представляетъ высокое въ *чувствованіяхъ*, когда говоритъ Полинику:

Ахъ!.... я Едипъ!

Изъ сихъ примѣровъ можно видѣть, что *высокое въ чувствованіяхъ* бываетъ всегда тихо, не имѣетъ сильныхъ порывовъ какой либо страсти, даже заключается иногда въ самомъ молчаніи. Таково описываемое Гомеромъ въ IX пѣсни Одиссеи безмолвіе Аякса, когда Улиссъ бѣсѣдуетъ во адѣ съ тѣнями. У Софокла Едипъ, къ которому приводятъ дѣтей его, рожденныхъ его матерью, простираетъ къ нимъ объятія и говоритъ: *подойдите*, *обнимите вашего*.... Едипъ умолкаетъ, и сія остановка, показывающая недоумѣніе, какъ назвать себя въ отношеніи къ симъ младенцамъ, заключаетъ *высокое въ чувствованіяхъ*.

Примѣч. Высокое въ изображеніяхъ и въ чувствованіяхъ имѣетъ великое отличіе отъ высокаго слога. *Слогъ высокій* состоитъ въ изящныхъ мысляхъ, прилично выраженныхъ, а *высокое* заключается въ разительномъ оборотѣ, который возвышаетъ и восхищаетъ душу; *слогъ высокій* требуетъ всѣхъ фигуръ краснорѣчія, *высокое* можетъ быть даже въ молчаніи.

Г

ГАЛЛІЯМБИЧЕСКІЙ. Такъ назывался стихъ, состоявшій изъ слѣдующихъ шести стопъ: *первая* заключала анапестъ или спондей, *вторая* ямбъ, или анапестъ или трибрахій, *третья* ямбъ, потомъ слѣдовали два дактиля и наконецъ анапестъ.

Воссій думаетъ, что такія сочиненія похожи были на дифирамвы.

ГАЛЛІЯМБЪ. Родъ стиховъ, пѣтыхъ Галлами или жрецами Цивиллы, въ честь сей богини.

Слово сіе составлено изъ *Gallus*, названіе жрецовъ Цивиллиныхъ и *jambus*, ямбъ, (стопа Греческой и Латинской поэзіи, употребляемая и въ Россійскомъ стихосложеніи.)

Галліямбомъ называется также сочиненіе въ стихахъ *галліямбическихъ*. См. Галліямбическій.

ГЕКЗАМЕТРЪ, hexameter, carmen hexametrum. См. Екзаметръ.

ГЕНЕТЛІАЧЕСКІЙ, genethliacum, или natalitium (carmen). Такъ называется стихотвореніе, привѣтствующее со днемъ рож-

денія. Матерія таковой поэмы есть радость о рожденіи, похвала семейству, обстоятельства времени и мѣста; заключается желаніями или привѣтствіями. Можетъ быть писана стихами всякаго размѣра. Слово сіе происходитъ отъ *genus*, родъ.—Изъ *Аполлоса*.

ГЕОРГИЧЕСКІЙ. Слово Греческое, значитъ *земледѣльческій*, происходитъ отъ *γῆ* или *γέα*, земля, и *ἐργάζομαι*, дѣлаю: *γεωργία* земледѣліе, *γεωργικὸς*, земледѣльческій. У древнихъ есть двѣ знаменитыя *Георгическія* поэмы: Гезіодова *Работы* и Виргиліева подъ собственнымъ именованіемъ *Георгики*. Первая переведена на Россійскій языкъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, вторая Воейковымъ.

ГЕРО-ЕЛЕГИЧЕСКІЙ, или Иро-елегическій. — См. *Дактиль* въ примѣчаніи.

ГЕРОИДА или Ироида. — Героида есть письмо, или посланіе о несчастныхъ любовныхъ приключеніяхъ. Она пишется не отъ имени сочинителя, а отъ одного извѣстнаго и знаменитаго лица къ другому таковому же. Самое названіе показываетъ, что дѣйствующими въ ней лицами долж-

ны быть *герои*, то есть люди, чѣмъ либо себя прославившіе.

Піитическій характеръ Героиды, говоритъ Буттервекъ, почти одинъ съ характеромъ Елегіи.—Впрочемъ Буттервекъ почитаетъ Героиду самымъ холоднымъ сочиненіемъ; ибо, думаетъ онъ, рѣдко удается чужія чувствованія изобразить съ елегическими подробностями естественно и пріятно. На сіе можно возразить, что Піитъ въ Героидѣ совершенно входитъ въ положеніе того лица, отъ котораго пишетъ, слѣдовательно не чужія чувствія, а какъ бы свои собственныя выражаетъ. Ежели согласиться въ семъ мнѣніи съ Г. Буттервекомъ, то ни одно драматическое сочиненіе не должно быть ни *естественно*, ни *пріятно*.

Въ *Героидѣ* обыкновенно употребляется стихъ шестистопный. Она требуетъ слога высокаго, въ которомъ бы любовь, досада, стыдъ, ревность, печаль, ненависть, невозможность избѣжать несчастія и отчаяніе живо изображены были; въ *Героидѣ* разумъ покаряется чувствіямъ, и всѣ мысли уступаютъ той страсти, которая изображается въ словахъ представляемаго авторомъ Героя, а по сему и про-

должительныя *повѣствованія* неумѣстны въ сей поэмѣ.

Въ началѣ *Героиды* обыкновенно излагается вкратцѣ состояніе самаго лица и причины, побудившія его писать.

Прежде Овидія сей родъ поэзіи не былъ извѣстенъ ни Грекамъ, ни Римлянамъ. Овидій, можно сказать, сотворилъ и привелъ оный въ совершенство, и въ его-то Героидахъ надлежитъ искать правилъ и образцевъ. Лучшими изъ нихъ почитаются: Пенелопа къ Улиссу, Дидона къ Енею, Сафо къ Фаону, Парисъ къ Еленѣ, Аріадна къ Тезею, Медея къ Язону — и вотъ самаго Овидія объ нихъ сужденіе: я хочу, говоритъ онъ, хочу, чтобы страстный и пораженный подобно мнѣ острѣйшими стрѣлами любовникъ, нашелъ въ сихъ сочиненіяхъ весь огнь, который снѣдаетъ его сердце, и чтобы вскричалъ въ изступленіи: кто научилъ сего стихотворца изображать съ такою истиною мои несчастія?

На Рускомъ языкѣ въ сочиненіи Героидъ первый началъ упражняться Александръ Петровичъ Сумароковъ. Здѣсь помѣщаются нѣкоторые изъ оныхъ отрывки, показавшіеся удобнѣйшими къ объясненію свойствъ *Героиды:*

Оснельда къ Завлоху.

Котора воздухомъ противна града дышетъ,
Трепещущей рукой къ тебѣ, родитель, пишетъ.
Какими таинство словами мнѣ зачать?
Мнѣ трудно то, но ахъ! еще труднѣй молчать.
Изображай перо мои напасти люты.
О день, плачевный день! несносныя минуты!...
Терзаютъ Фуріи мою стѣсненну грудь,
И не могу безъ слезъ на солнце я взглянуть.
Внимай, родитель мой, внимай мою ты тайну;
Услышишь отъ меня вину необычайну:
Оснельда твоему—о злѣйшая напасть!—
Врагу любовница! вини мою ты страсть....
Которая срамитъ тебя, твой родъ и племя;
Какъ я пришла на свѣтъ, кляни то злое время,
И часъ зачатія несчастной дщери сей,
Котора возросла къ досадѣ лишь твоей!
Не столько Кію сей нашъ градъ сопротивлялся,
Хореву сколько мой упоренъ духъ являлся....
Вражда твердила мнѣ: Оснельдѣ онъ злодѣй;
Любовь твердила мнѣ, что вѣрный другъ онъ ей.
Встревоженная мысль страданьемъ утѣшалась,
И нѣжная съ судьбой любовь не соглашалась.
Съ любовію мой долгъ боролся день и ночь,
Всякъ часъ я помнила, что я Завлоху дочь,

Всякъ часъ я плакала и обмирая млѣла;
Но должности борьбу любовь преодолѣла....
Ты мной преобрати въ друзей своихъ враговъ,
Для подданныхъ своихъ, для имени боговъ
И для стенанія отчаянныя дщери!
Не презри слезъ моихъ и скорбь мою измѣри,
Котора много лѣтъ въ отеческой странѣ
Безъ облегченія крушила духъ во мнѣ!
На высочайшія взошла она степени:
Вообрази меня ты падшу на колѣни
И пораженную ужасною судьбой,
Въ отчаяньи своемъ стенящу предъ тобой...
Колико горестей Оснельда пренесла!
На тронѣ родилась, во узахъ возросла.
Довольно счастіе Оснельдѣ было злобно!
Скончай ея бѣды! сіе тебѣ удобно.
Прими въ сихъ крайностяхъ *разсудокъ* ты иной,
И сжалься, сжалься, ты родитель, надо мной!
А если предъ отцемъ Оснельда тщетно стонетъ,
Такъ смерть моя твое удобнѣй сердце тронетъ.

Завлохъ къ Оснельдѣ.

Несчастливый Завлохъ отвѣтствуетъ тебѣ:
Когда угодно то Оснельдѣ и судьбѣ,

Чтобъ онъ при старости пришелъ ко гроба
двери,
Лишась почти всего еще лишился дщери,
Послѣдней отрасли Князей предѣловъ сихъ,
Которы отняты мечемъ изъ рукъ моихъ,
Что онъ не споритъ въ томъ со *злобой ча-
сти твердой*
И подвергается судьбѣ немилосердой;
Но если хочешь ты, чтобъ былъ я твой отецъ,
Бори свою любовь и сдѣлай ей конецъ!
Ты бѣдствіе мое и горести сугубишь!
Подумай ты сама, кого, Оснельда, любишь?....

Дни многи защищалъ я мужественно градъ;
Но въ день послѣдній весь на насъ разверзся адъ:
Въ часы великія на свѣтѣ перемѣны,
Кій собралъ силы всѣ и подступивъ подъ стѣны,
Махиной тяжкою во стѣны ударялъ,
Хотя и множество народа онъ терялъ.
Градъ былъ со всѣхъ сторонъ въ сраженіи,
въ осадѣ,
Пришелъ послѣдній часъ! былъ слышанъ вопль
во градѣ:
Помремъ, друзья, помремъ! иль Князя защи-
тимъ,
За градъ и за него мы всѣ умреть летимъ

И презираемъ смерть—такая смерть пріятна!
Превратно счастіе, но слава не превратна....
Онъ палъ (сынъ Завлоха) и обагрилъ младою
кровью землю!
Еще его я гласъ, еще, увы! я внемлю,
Онъ томной рѣчью сей вопилъ ко мнѣ, стеня:
Прости, родитель мой, и погреби меня,
Гдѣ рокъ опредѣлитъ тебѣ *дожити* время!
Кончается во мнѣ твое, родитель, племя.
При смерти мнѣ одно на свѣтѣ только
льститъ,
Сестры моей супругъ злодѣямъ отомститъ,
И что Завлоховъ родъ Оснельдой обновится!—
Не то, мой сынъ, не то въ сестрѣ твоей явится,
И погребенье ты иное получилъ:
Кій трупы ваши здѣсь конями волочилъ
И на снѣденіе звѣрямъ ихъ далъ и птицамъ....

Въ послѣдокъ предпріялъ оставшій мой народъ
Идти противу бурь и новыхъ непогодъ,
Тебя освободить отъ тяжкія неволи.
Такой ли ожидалъ Завлохъ несчастной доли!
И могъ ли вобразить когда я то себѣ,
Что вражью я сыщу любовницу въ тебѣ!
Когда ты дочь моя, такъ будь великодушна!
А если ты мнѣ врагъ—Хореву будь послушна!

Показавъ сіи отрывки изъ старинныхъ героидъ Сумарокова, совѣтуемъ упражняющимся въ словесности прочитать еще превосходное стихотвореніе Гнѣдича подъ названіемъ *Перуанецъ къ Испанцу* — (изъ коего нѣсколько отрывковъ помѣщено въ ст. *Епистола*) и слѣдующее посланіе *отъ Пенелопы къ Улиссу*, написанное Мерзляковымъ.—Оно взято изъ упомянутыхъ выше Овидіевыхъ Героидъ.

Гдѣ медлишь ты, Улиссъ?—прочти печальны строки
Пенелопы своей.—Гдѣ медлишь ты, жестокій?
Отвѣта не прошу; отвѣтомъ будь мнѣ самъ.—
Упалъ градъ гибельный всѣмъ Греческимъ женамъ.—
Но Троя, но самъ Царь съ великими сынами
Не стоятъ горькихъ слезъ, пролитыхъ сиротами!
О! еслибъ нѣкогда,—стыдъ Еллинскихъ бреговъ,
Коварный сей Парисъ, корыстью былъ валовъ,
На ложѣ хладномъ я одна бы не стенала,
Ни дней медлительныхъ тоской не укоряла,
Ни въ ночи зимнія, сердечныхъ жертва мукъ,
Я не терзала бы иглою вдовьихъ рукъ!....
Увы! смущенный умъ и сердце, полно страсти,

Способны вымышлять себѣ самимъ напасти! —
Любовь себѣ тиранъ, заботлива, робка.
Мнѣ мнилось иногда: какъ бурная рѣка,
Трояне злобные Улисса окружаютъ;
О Гекторѣ ли рѣчь: всѣ чувства замираютъ;—
Придетъ ли вѣсть, что имъ Антилохъ юный палъ,
Я думала, мой другъ!—ты ближе къ смерти сталъ;
Бронею чуждою Патроклъ неограждённой,
Казалось, говорилъ душѣ моей смятенной:
И хитрость не всегда герою вѣрной щитъ!
Тлеополема-ль кровь Лицейску сталь поитъ,
Я новыми себя заботами терзаю,
И съ смертью каждаго я Грека—умираю!....
Теперь гроза прошла!—любовь, любовь съ небесъ
Услышала нашъ вопль, узрѣла токи слезъ;
Разрушенъ Илiонъ,—и живъ супругъ мой славный.—
Вспять шествуютъ вожди Арго́лиды державны;
Дымятся олтари, влекутся въ пышной храмъ
Корысти варваровъ отеческимъ богамъ;
Супруги нѣжныя несутъ благодаренье
За дни возлюбленныхъ, за дивно ихъ спасенье;—
Герой, въ кругу родныхъ, средь мирной тишины,
О Троѣ говоритъ, объ ужасахъ войны;—

*

И старцы, сѣдиной украшенны, младѣютъ,
И дѣвы робкія, безмолвны цѣпенѣютъ;
Подруга милая чуть дышетъ при словахъ:
И сердце и душа драгаго на устахъ!—
Тотъ перстомъ на столѣ чертитъ движенья
боя,
И каплею вина означена вся Троя.—
Тамъ Симоисъ течетъ; Сигійскій здѣсь утесъ;
Тамъ Царской пышной домъ главу свою вознесъ;
Тамъ ратовалъ Улиссъ, а здѣсь Ахиллъ надменной;
Страшилъ и гналъ коней здѣсь Гекторъ изможденной!....
—Чудишься, какъ сіи къ намъ вѣсти притекли!—
Твой сынъ, тебя искавъ, во всѣхъ краяхъ земли,
Отъ Нестора ихъ внялъ, и не сокрылъ предъ
мною.....
Онъ рекъ, что До́лонъ, Резъ, поражены тобою,
Измѣна одного, другаго сонъ сгубилъ.—
Жестокой!—ни себя, ни насъ ты не щадилъ!—
Жестокой! ты одинъ,—одинъ на ополченье,
Въ коварной ночи мглѣ, понесъ опустошенье
И люту смерть!....увы! не такъ былъ прежде смѣлъ,
И болѣ помнилъ насъ, и болѣе жалѣлъ!
А я....а я, въ тотъ мигъ, объята страхомъ
хладнымъ,

Терзалася еще, когда предъ строемъ ратнымъ
На коняхъ Исмара, съ побѣдой ты леталъ!....
Что пользы для меня, что тронъ Пріамовъ
палъ,
И стѣны Иліи горами стали праха?
Я таже, что была; все — жертва слезъ и
страха!....
Нѣтъ бѣдствіямъ конца, хоть кончилась вой-
на;—
Для всѣхъ разрушенъ градъ, но живъ онъ для
меня.—
Пусть мирный земледѣлъ подъ лавромъ и хва-
лами,
Проводитъ тамъ бразды побѣдными руками;—
Пусть нивы, кровію упитанны враговъ,
Даютъ сторичной плодъ для Греческихъ сер-
повъ;
Пусть кости воиновъ, чуть прахомъ покро-
венны,
Дробятся и стучатъ подъ плугомъ искрив-
леннымъ;
Пусть всѣ развалины травою поросли:—
Мнѣ нуженъ ты одинъ. — Гдѣ ты, въ какой
земли,
Что медлишь? — иль того не можно знать
супругѣ?
Ты могъ ее забыть?—а я, о миломъ другѣ

Томлю вопросами пришекшихъ къ намъ на
брегъ,
Ввѣряю письма всѣмъ, молю о миломъ всѣхъ!....
Уже ли и сіе безъ пользы мнѣ посланье?—
Ходилъ отъ насъ посолъ Нелея въ достоянье,
Въ градъ Несторовъ, Пилосъ;—не вѣрна вѣсть
дана;—
И въ Спарту посланъ былъ;—и Спарта не вѣрна!
Гдѣ жъ ты, въ какихъ моряхъ, въ какихъ зем-
ляхъ, несчастной?
Ахъ! лучшебъ и теперь стоялъ сей градъ
ужасной!—
Безумная! почто ему желала бѣдъ?
Тогда бы знала я, гдѣ другъ мой брань ведетъ;
Тогдабъ грозили мнѣ одни мечи жестоки;
Тогда бы не одна лила я слезны токи!— —
Теперь, не знаю что, но все меня страшитъ.
Смущенная душа сама въ себѣ родитъ
Мученія свои...мнѣ кажется, что море,
Что небо и земля съ тобой въ свирѣпомъ спорѣ;
Мнѣ кажется...увы!...чего не можетъ быть?..
Позволилъ ты себя любови уловить!—
И, можетъ быть, въ сей часъ шутя, своей
подругѣ
Вѣщаетъ о простой, безхитростной супругѣ,
Которой знанье все—лишь волну отдѣлять!...
Прочь мысль преступная! Улиссаль унижать?—

Свободенъ....вѣренъ ты....свободенъ?—а не
съ нами!....
Ужь числитъ твой отецъ тебя между тѣнями,
И ложе вдовье мнѣ оставить онъ велитъ!
Чего ты ждешь еще? со гнѣвомъ говоритъ,—
Пусть сердится;—твоя твоей быть не пре-
станетъ,
Улиссовой женой Пенелопа увянетъ!
Вотъ весь ему отвѣтъ....но блѣдной образъ
мой
Смягчаетъ гнѣвъ его онъ плачетъ самъ со
мной.—
Отъ Занта, Самоса явилися толпами
Искатели твоей супруги предъ очами;—
Развратно сонмище твой сирой грабитъ домъ,
И безбоязненно живетъ твоимъ добромъ;
Пизандеръ, злой Медонтъ, Полибусъ развра-
щенной,
И алчный Еврнмахъ, и Антиной надменной,
Какъ Гарпія слетясь—на чуждый жадны плодъ,
Піютъ сокровища, пьютъ кровь твою и
потъ!—
Доколь еще терпѣть?—уже Мелантъ коварной,
Уже несытый Иръ, сей гость неблагодарной,
Вселили въ твой чертогъ и нищету и стыдъ.

Насъ трое—слабые!—у слабыхъ слезы щитъ!....
Безсильная жена, отецъ твой престарѣлой,
И милой Телемакъ, во младости не зрѣлой.—
Онъ былъ одинъ мой другъ.—Злость хочетъ и его
Послѣдняго отнять отъ сердца моего....
Злость хочетъ надо мной и домомъ воцариться....
О Боги! васъ молю...да жизнь его продлится,
И да возможетъ онъ, среди спокойныхъ дней,
Закрыть глаза отца и матери своей!—
Вотъ царства твоего, мой другъ, изображенье!—
Лаерта бременитъ столь трудное правленье.—
Ахъ! старость и враги во гробъ его влекутъ;—
И отрокъ—Телемакъ. Когда лѣта придутъ,
Онъ можетъ самъ изгнать рушителей покою!..
Теперь покрой его родительской рукою!....
Жена....могу ли я разрушить хитрой ковъ?...
Приди, приди, нашъ другъ, надежда и покровъ!—
Приди...твой сынъ къ тебѣ объятья простираетъ,
И мудрости твоей душа его желаетъ!....
Воззри на родшаго....онъ гаснетъ каждой мигъ,
И смерть его тѣснитъ въ объятіяхъ своихъ;
Онъ борется еще...онъ хочетъ, чтобъ тобою
Закрылся взоръ его, ослабленный тоскою....

Ахъ! можетъ быть, и я тебѣ явлюсь не та!....
Отъ слезъ и горести старѣетъ красота.

ГЕРОИ-КОМИЧЕСКІЙ или Ироикомическій. Симъ именемъ называется нѣкоторый родъ поэмы, состоящій въ томъ, когда поэтъ высокимъ слогомъ, приличныхъ епопеѣ, описываетъ дѣйствіе простое, обыкновенное и почти всегда смѣшное. Вразсужденіи расположенія, сіи поэмы требуютъ правилъ поэмы епической. (См. *Епическій*). Чудесное въ нихъ заключается во введеніи какого нибудь языческаго божества, или аллегорическаго лица, (см. *Аллегорическій*), и словомъ: чѣмъ болѣе такая поэма въ формѣ своей походить будетъ на епическую, тѣмъ болѣе имѣетъ достоинства. Поэма Буалова *Налой*, le lutrin, почитается превосходнѣйшимъ въ семъ родѣ образцемъ; на Рускомъ языкѣ принадлежатъ къ оному поэмы Майкова, изъ коихъ лучшая есть *Елисей* или *раздраженный Вакхъ*, и *Расхищенныя шубы* сочин. Князя Шаховскаго.—Вотъ нѣкоторые отрывки:

Изъ первой: Юпитеръ приказываетъ Меркурію созвать всѣхъ боговъ —

Тогда Ермій приказъ Зевесовъ строгій внемлетъ,
Онъ крылья привязавъ посольскій жезлъ пріемлетъ,
Спускается на низъ съ превыспреннихъ круговъ,
Летитъ и ищетъ всѣхъ, какъ гончій песъ, боговъ,
Находитъ ихъ съ трудомъ въ странахъ вселенной разныхъ,
И всѣхъ находитъ онъ боговъ тогда непраздныхъ;
Плутонъ по мертвецѣ съ жрецами пировалъ,
Вулканъ на Устюжнѣ пивной котелъ ковалъ
И знать, что помышлялъ онъ къ празднику о брагѣ; . . .
Цибелла старая во многихъ тамъ избахъ
Загадывала всѣмъ о счастьѣ на бобахъ;
Минерва, можетъ быть то было для игрушки,
Точила дѣвушкамъ на кружево коклюшки;
Нептунъ съ предлинною своею бородой,
Трезубцемъ, иль сказать яснѣе острогой,
Хотя несвойственно угрюмому толь мужу,
Мутилъ отъ солнышка растаявшую лужу
И преужасныя въ ней волны воздымалъ,

До тѣхъ поръ, что свой весь трезубецъ изломалъ,
Чему всѣ малые ребята хохотали,
Снѣжками въ старика безъ милости метали:
Сей богъ ребяческихъ игрушекъ не стерпѣлъ,
Озлобился на нихъ и гнѣвомъ закипѣлъ,
Хотѣлъ изъ нихъ тотчасъ повытаскать всѣ души,
Но ихъ отцы вступясь, ему нагрѣли уши:
И взашей и въ бока толкали водъ Царя
При всякомъ такъ ему ударѣ говоря:
„Не прогнѣвись, что такъ ты принятъ неучтиво,
Ты встарь бывалъ въ чести, а нынѣ ты не въ диво,
Мы благодатію Господней крещены
И больше пращуровъ своихъ просвѣщены,
Не станемъ бога чтить въ такомъ какъ ты болванѣ.,,
Такъ православные кричали всѣ крестьяне.
Ермій, примѣтя то, скорѣе прочь пошелъ.
Не много погодя другихъ боговъ нашелъ:
Гоняла кубари на льду бичемъ Беллона,
Не въ самой праздности нашелъ и Аполлона;

Во упражненіи и сей пречудномъ былъ,
Онъ у крестьянина дрова тогда рубилъ и проч.

Г. Майковъ, какъ видно даже изъ сего малаго отрывка, весьма часто употреблялъ въ своихъ поэмахъ слогъ не только обыкновеннаго разговора, но самый низкій, и не всегда сохранялъ правила благопристойности.—Сочиненіе Князя Шаховскаго не имѣетъ сихъ недостатковъ, и потому надѣемся, что выписки изъ онаго болѣе понравятся читателямъ. Вотъ начало:

Пою крамолою забавы пресѣченны,
И муфты, и хвосты, и шубы расхищенны.

О ты немолчная глашатая вѣстей!
Чью рѣчь ни вѣтровъ шумъ, ни бурный ревъ морей,
Ни самый громъ небесъ, не заглушали вѣчно;
Стоустая молва! ты вѣдаешь конечно
Какой Геенскій духъ прервалъ веселый пиръ,
Возгнелъ смятенья огнь, разрушилъ тихій миръ,
Которымъ тридцать лѣтъ въ томъ домѣ наслаждались,
Куда въ воскресны дни для плясокъ собирались

Трудолюбивые и жены и мужья
И праздновали тамъ какъ дружная семья.—
Вѣщай молва... но что! не роя ль пчелъ жужжанье,
Не водопада ль шумъ, не птицъ ли щебетанье
Я слышу вкругъ себя?—сто гласовъ, сто рѣчей
Достигли вдругъ моихъ внимательныхъ ушей.
Сто устъ вѣщаютъ мнѣ и всѣ вѣщаютъ разно;
Какъ спорщики въ жару безсмысленно, несвязно,
Всѣ вдругъ кричатъ, шумятъ: такъ, вѣстница молва
Схвативъ, собравъ, смѣшавъ, всѣ вѣсти, всѣ слова,
Мой слухъ безъ жалости вдругъ ими поражаетъ
И мучитъ и глушитъ и быстро отлетаетъ,
Чтобы вездѣ поспѣть съ разсказами вѣстей.

Ты муза славная веселостью своей,
Кѣмъ строгій Буало въ храмъ славы преселился,
Съ кѣмъ самъ отецъ стиховъ въ часъ отдыха рѣзвился,
Сойди, сойди ко мнѣ и умъ мой просвѣти,
Чтобы въ рѣчахъ молвы мнѣ истинну найти.

Ужъ свѣтлая нева корой одѣлась льдистой,

Съ раменъ зимы низспалъ на землю снѣгъ пушистой,
И Феба на одрѣ покоющая лѣнь,
Свѣтъ дневный сокраща, длитъ ночи мрачну тѣнь.
Настали вечера народнаго веселья, ...
и пр.

Въ соболей шапочкѣ, на рысакѣ лихомъ
Веселость чрезъ Неву летѣла плясокъ въ домъ;
Предъ санками ея и радости и смѣхи,
Забавы разныя и разныя потѣхи,
Порхали, бѣгали, катились на конькахъ,
Гоня съ дороги прочь заботу, скуку, страхъ.
Въ рукахъ забавъ огни потѣшные сіяли
И пасмурную ночь въ день ясный премѣняли.
Но въ поднебесьѣ вдругъ раздался бурный вой,
На вихряхъ пламенныхъ несется надъ Невой
Сынъ Тартара, Раздоръ, убійствомъ пресыщенный,
Пронырствомъ, ябедой, алчбою окруженный.
Раздоръ кичливый взглядъ низвелъ на пышный брегъ;
Узрѣвъ Веселости великолѣпный бѣгъ,
Стрѣлою зависти во сердцѣ уязвился,

Разсвирепѣлъ, взревѣлъ и долу низпустился.
Веселость между тѣмъ достигла тѣхъ дверей
Гдѣ святки праздновать угодно было ей;
Ужеступила въ домъ—раздоръ крыльцакоснулся:
Остановись! вскричалъ и чуть не улыбнулся
Какъ обратила взоръ Веселость на него....и пр.

Но Веселость вошла въ домъ утѣхъ, и заперла за собою двери.—Посрамленный Раздоръ клянется отмстить и орудіемъ своимъ избираетъ переплетчика Гашпара, котораго авторъ такъ изображаетъ:

Повѣдай Муза мнѣ, чѣмъ Гашпаръ славенъ былъ
И чѣмъ вниманіе Раздора заслужилъ.
Распорядитель рокъ съ природою въ разладѣ,
Намъ дѣлитъ жребіи нерѣдко ей къ досадѣ;
Нерѣдко тотъ, кто въ свѣтъ для пахарства рожденъ,
Иль въ судъ, иль ко двору, иль въ войскѣ помѣщенъ;
А тотъ, кого на брань назначила природа,
Безвѣстный кончитъ вѣкъ на стражѣ огорода.
Природы мудрыя всещедрою рукой
Былъ Гашпаръ отличенъ и тѣломъ и душой:
Наморщено чело скрывало умъ высокой;
И билося въ груди дебелой и широкой

То сердце, въ коемъ гнѣвъ, тщеславье и любовь
Палили кофіемъ сгущаемую кровь.
Подъ бровью мрачною, надъ пухлою щекою,
Прокрадывался взоръ отличный быстротою.
Улыбкой хитрою раздвигнуты уста,
Зубами бѣднаго, рѣчьми обильна рта,
Тянулись до ушей и чудкихъ и огромныхъ.
Изъ сихъ-то страшныхъ устъ, изъ сихъ-то устъ нескромныхъ,
Газетны новости лились какъ быстрый токъ.
Когда, между друзей, на свой пеняя рокъ,
Который не ему вручилъ вѣсы Фемиды,
Имъ Гашпаръ объяснялъ дворовъ различны виды,
Сгущенный вкругъ его, какъ мгла, табашный дымъ,
Дѣла Царей и царствъ не сокрывалъ предъ нимъ:
Онъ видѣлъ все, и такъ вращалъ судьбу вселенной,
Какъ пуншевой стаканъ имъ трижды осушенной.

Ктобъ слыша рѣчь его, ктобъ зря его восторгъ
Законодателемъ его почесть не могъ!
А злобный рокъ, увы! ему повелѣваетъ
Быть переплетчикомъ... и онъ переплетаетъ!

Пространство мѣста не позволяетъ болѣе дѣлать выписокъ изъ сей поэмы; но смѣло можемъ сказать, что желающіе прочитать ее вполнѣ, не рѣдко встрѣтятъ и разсказы и описанія, могущіе служить прекраснѣйшимъ образцемъ сего родо стихотвореній.

ГЕРОИЧЕСКІЙ или Ироическій.—Слово сіе, приложенное къ слову *поэма*, значитъ то же самое, что *епическій*; приложенное же къ слову *стихъ*, значитъ оно размѣръ, употребительный въ героическихъ или епическихъ поэмахъ. У Французовъ героическій стихъ есть *Александрійскій* (см. сіе слово). У Италіанцевъ и Англичанъ героическій стихъ соотвѣтствуетъ нашему пятистопному или 10 и 11 сложному; у первыхъ съ женскимъ, у другихъ съ мужескихъ окончаніемъ. Нѣмцы утвердили у себя дактилохореическій екзаметръ стихомъ героическимъ, который съ нѣкотораго времени и у насъ вводится въ употребленіе съ большимъ успѣхомъ; но Ломоносовъ, Херасковъ, Петровъ и другіе употребляли въ епическихъ произведеніяхъ стихъ шестистопный ямбическій.—См. *Екзаметръ* и *Епическій*.

ГІАТЪ или Гіатусъ, hiatus. Стеченіе нѣсколькихъ гласныхъ буквъ, производящее трудность въ выговорѣ и непріятность для слуха, на пр: восшеств*іе ея я*ко солнечн*ое е*сть сіяніе; или: ми*лцю я цяз*вилъ. Сіи *іеѣя, оее, цюяця* тяжело и слушать и выговорить. — Такого стеченія наиболѣе должно остерегаться въ стихотворствѣ. См. *Стеченіе*.

ГІЕРОГЛИФЪ, или Іероглифъ. — Іероглифомъ въ поэзіи называется изображеніе вещи по ея свойствамъ, представляемымъ подъ другими видами. Примѣромъ могутъ быть слѣдующіе стихи Богдановича:

Супругъ для Душеньки, назначенный судьбами,
Есть то чудовище, которо всѣхъ язвитъ,
Смущаетъ области и часто ихъ крушитъ,
И часто рветъ сердца, питаяся слезами,
И страшныхъ стрѣлъ колчанъ имѣетъ на плечахъ,
Стрѣляетъ, ранитъ, жжетъ, оковы налагаетъ,
Коль хочетъ, на земли; коль хочетъ, въ небесахъ,
И самый Стиксъ ему путей не преграждаетъ.

Можно ли описать Амура лучше и сходственнѣе?—У Аполлоса, въ правилахъ Піитическихъ, приводится въ примѣръ Іероглифа сіе изображеніе души:

Я образъ вышняго, зерцало Божества;
На свѣтѣ нѣтъ меня свободнѣй и умнѣй,
И больше связана всего я естества.
Какъ птичка въ клѣточкѣ сижу, горюя въ ней,
Окована кругомъ; но нужны мнѣ оковы:
Я ими дѣйствую, они подобно мной;
Они, что повелю, исполнить все готовы,
Исполнить волю ихъ есть долгъ равно и мой.
Смертельно ихъ люблю, смертельно отвращаюсь,
На небо я лечу, какъ съ ними разлучаюсь.

Изъ сего видно, что Піитическій Іероглифъ можно иначе назвать *загадкою*, или *аллегорическимъ* изображеніемъ физическихъ и нравственныхъ свойствъ.

ГИМЕНЕЙ или Именей. У Грековъ такъ называлась свадебная пѣснь, или только припѣвъ къ оной. — Катуллъ употреблялъ сей припѣвъ:

Hymen, ô Hymenaee! Hymen ades, o Hymenaee!

*

И сей другой:

Jo Hymen, Hymenaee io.

Сія пѣснь, или сіе возклицаніе, отъ котораго произошла въ послѣдствіи *Епиталама* (см. сіе слово) одолжена бытіемъ своимъ *Имену*. Вотъ его исторія, подтверждаемая Сервіемъ и всѣми древними Комментаторами:

Именъ, молодой Афинянинъ, отличной красоты, но бѣдный и самаго низкаго происхожденія, влюбился въ богатую и знатную дѣвушку. Разность въ состояніяхъ не позволяла ему имѣть нималѣйшей надежды, но онъ довольствовался тѣмъ, что переодѣваясь въ женское платье слѣдовалъ повсюду за своею возлюбленною. Нѣкогда онъ провожалъ ее съ другими дѣвицами въ Елевзисъ для жертвоприношенія Церерѣ. На нихъ напали морскіе разбойники, и отвезли на необитаемый островъ. Именъ ночью убиваетъ разбойниковъ, летитъ въ Афины, объявляетъ кто онъ и что̀ случилось, и обѣщаетъ, ежели позволятъ ему жениться на той, которую любитъ, возвратитъ ее со всѣми подругами. Онъ дѣйствительно ихъ возвращаетъ и дѣлается счастливѣйшимъ супругомъ. За сіе Афиняне повелѣли молить-

ся ему въ брачныхъ торжествахъ, вмѣстѣ съ прочими покровительствующими браку божествами. Піиты не замедлили назвать его самаго богомъ и выдумали ему знаменитое происхожденіе: одни производили его отъ Ураніи, другіе отъ Аполлона и Калліопы, иные отъ Вакха и Венеры.

У Аристофана въ комедіи, называемой *Птицы* (Д. V. я. 4.), гдѣ идетъ дѣло о женитьбѣ Писфетера, хоръ припѣваетъ:

Ὑμὴν ὢ Ὑμέναι ὢ Ὑμήν

ГИМНЪ или Имнъ. Слово сіе происходитъ отъ Ὕδειν, пѣть, вѣщать, также хвалить, славить. По сему *имнъ* есть похвала, славословіе.

Имны бываютъ въ стихахъ, какъ напримѣръ у Гомера и Каллимаха, и въ прозѣ, какъ у Платона и Аристида.

„*Имнами*, говоритъ Державинъ въ своемъ *разсужденіи о лирической поэзіи*, Евреи въ разныхъ случаяхъ воспѣвали истиннаго Бога и чудеса его, а язычники покланяемыхъ ими боговъ и человѣковъ, прославившихся знаменитыми подвигами. Возносили ихъ при жизни, славословили и по смерти . . . *имны* содержали въ себѣ

часть религіи и нравоученія. Онѣ пѣвались при богослуженіи, ими объясняемы были оракулы, возвѣщаемы законоположенія, преподаваемы до изобрѣтенія письменъ славныя дѣла потомству и пр. Лира или Псалтирь, согласовались ихъ предметамъ. Пѣли имны при восхожденіи солнца, при наступленіи нощи, при новомѣсячіи и ущербѣ луны, при собираніи жатвы и винограда, при заключеніи мира и при наслажденіи всякаго рода благополучіемъ; а равно и при открытіи войны, моровато повѣтрія или какого либо инаго бѣдствія, не отъ одного, или нѣсколькихъ молельщиковъ, но отъ лица всего народа. Чрезъ *имны* возносились благодаренія, славословія, моленія и жалобы божествамъ.... Они были иногда подсказываемы Конархистомъ (Декламаторомъ), какъ у насъ стихиры, или провозглашаемы самимъ поэтомъ при звукѣ струнномъ. Видно сіе изъ многихъ псальмовъ Давида:

Исповѣдайтеся Господеви въ гуслехъ; въ Псалтири десятоструннемъ пойте ему —Псал. 32.

Изъ одъ Пиндара:

Златая арфа Аполлона,
Подруга чернокудрыхъ Музъ!

Твоимъ въ молчаньи звукамъ внемлетъ
Монархъ веселья—пляска, ликъ.
Когда же хоромъ управляя,
Даешь къ совосклицанью знакъ:
Огнь быстрый, вѣчный, вседробящій —
Ты можешь молньи потушить.

Изъ пѣсни Игоря:

Баянъ своя вѣщія персты на живыя струны вскладаше ; они же сами славу Князей рокотаху.„

*

Критики раздѣляли прежде древніе *имны* на разные роды, основываясь на разности именъ, ибо кромѣ названій *Имна* и *Пеана*, Греки имѣли еще множество придаточныхъ именъ, смотря по тому, къ какому божеству оныя относились: такъ славословія Цибеллы назывались *Литіерзами*, *Юліи* были для *Цереры*, *Пеаны* для Аполлона, *Дифирамвы* для Бахуса и пр. Новѣйшими литтераторами раздѣляются древніе *имны* на Феургическіе или Священно-таинственные, на піитическіе или всенародные, и на философическіе, то есть такіе, которые употребляемы были одними учеными или мудрыми людьми въ ихъ обществахъ.

1. *Феургическіе* или *таинственные* имны воспѣваемы были посвященными въ таинства, во время отправленія обрядовъ. Изъ сего рода одни только Орфеевы достигли до нашихъ временъ, и они суть самые древнѣйшіе. Павзаній увѣряетъ, что посвященные въ таинства Орфическія имѣли имны, сочиненные самимъ Орфеемъ, и что оные не столько были обработаны и не столько заключали пріятности, какъ Гомеровы, но что въ нихъ болѣе было набожности.

2. *Піитическіе* или *всенародные* содержали въ себѣ вѣрованіе народа и были сочиняемы стихотворцами, единственными тогда Богословами. И дѣйствительно, народы Греческій и Римскій съ охотою повиновались тѣмъ богамъ, какихъ стихотворцы имъ предлагали, и вѣрили всѣмъ приключеніямъ, какія они разсказывали. Сюдаже можно причислить *Имны* въ честь героевъ и полубоговъ. — Примѣч: тѣ, кои пѣли имны, назывались *имнодами*, а сочинителямъ даваны были имена *имнографовъ*.

3. *Философическіе* имны суть тѣ которые сочиняемы были философами, слѣдовавшими особенной системѣ. Хотя во

всенародныхъ собраніяхъ они также, какъ и прочій народъ, покланялись идоламъ, но втайнѣ призывали верховное Божество, источникъ и начало всѣхъ вещей. По сему предметомъ *имновъ* философическихъ есть вообще Высочайшее Существо, хотя оно и скрывается иногда подъ именами Юпитера или Солнца, иногда же подъ покровомъ аллегоріи.

*

Имнъ долженъ заключать высокія изображенія и высокія чувствія, слѣдовательно требуетъ возвышеннаго и чистаго слога; формы опредѣленной не имѣетъ: бываютъ въ немъ стихи всякаго размѣра, даже и вольные.

Греческіе писатели употребляли въ имнахъ, также какъ и въ одахъ, *Строфу*, *Антистрофу* и *Еподъ* — чему подражалъ и Державинъ въ имнѣ, подъ названіемъ *Срѣтеніе Орфеемъ солнца* съ небольшею только отмѣною въ числѣ стиховъ, полагаемыхъ древними въ каждомъ отдѣленіи. — См. *Ода*.

С т р о ф а.

Оставь багряный одръ—гряди
О златокудрый! вѣчно юный

Богъ свѣта! дѣвъ Парнаскихъ вождь!
Гряди и приведи съ собою
Весны и лѣта ясны дни;
И цвѣто-благовонну Флору
И въ классахъ блещущу Цереру
И Вакха гроздовъ подъ вѣнцовъ:
Да въ срѣтенье тебѣ изшедши
 Воскликнемъ имнъ.

Антистрофа.

Вспылалъ румяный огнь въ водахъ,
Вздымились горы, засверкали!
Се зрю, се зрю—грядетъ, грядетъ,
И свѣтлое чело возноситъ
Изъ синихъ волнъ на небеса!
Ужъ тихой арфы звуки
Бѣгутъ со струнъ лучами въ долъ,
Безмолвны наклонились кедры,
 Вся внемлетъ тварь.

Еподъ.

Пришелъ, пришелъ любитель музъ,
Олимпа Царь, источникъ знаній.—
 Сердецъ ему несемъ
 Благоуханну дань.
Прими и озари съ престола
Тебя поющихъ Піеридъ.

Примѣръ такого расположенія можно еще видѣть въ ст. *Ода*.

Слѣдующій *имнъ* Минервѣ, сочиненный Гомеромъ и переведенный съ подлинника Гнѣдичемъ, также можетъ показать свойство древнихъ сего рода произведеній:

Пою великую, безсмертную Афину,
Голубоокую, божественную дѣву,
Богиню мудрости, богиню грозныхъ силъ,
Необоримую защитницу градовъ,
Егидоносную, всемощну Тритогену,
Которую родилъ самъ Дій многосовѣтный
Покрытую златой, сіяющей броней.
Оцѣпененіе объяло всѣхъ боговъ,
Когда изъ Зевсовой главы она священной
Исторглась, копіемъ великимъ потрясая:
Во основаніяхъ вострепеталъ Олимпъ
Подъ крѣпостью ея; земля изъ нѣдръ своихъ
Стонъ тяжкій издала; весь понтъ поколебался
Смятенъ до черныхъ безднъ, на брегъ побѣгли воды.
Гипперіоновъ сынъ средь дня остановилъ
Бѣгъ пышущихъ коней, доколь съ раменъ своихъ

Оружье совлекла божественная дѣва.
Возрадовался Дій рожденіемъ Афины.
О громовержцева Егидоносна дщерь!
Привѣтствую тебя. Услышь ты голосъ мой
И впредь ко мнѣ склоняй твой слухъ благопріятный,
Когда я воспою тебѣ хвалебны пѣсни.

Новѣйшіе *имны* похожи болѣе на оду: по большей части пишутся строфами,— однакожъ и вольные стихи въ нихъ употреблены быть могутъ.

Имнъ Богу.

Парю душей къ тебѣ, Всечтимый,
Превѣчно Слово, Трисвятый!
Блажу тебя, Непостижимый,
Всемощный, Безначальный, Сый!
Блажу и сердцемъ восхищаюсь,
Зря тьмы, куда ни обращаюсь,
Въ твореніи твоемъ чудесъ!
Великъ равно ты въ насѣкомомъ,
Какъ въ буряхъ, къ намъ ревущихъ съ громомъ
Съ недосягаемыхъ небесъ!

Гдѣ пунктъ начатія вселенны?
Что въ солнцѣ огнь питаетъ твой?
Чѣмъ звѣзды въ тверди утвержденны
И что вращаетъ шаръ земной?
Откуда сонмы водъ пустились
И вкругъ земли совокупились
Въ неизмѣримый Океанъ?
Что внѣ его, что внѣ Эфира?
Кто въ тайнахъ сихъ, о Творче міра,
Участникомъ твоимъ избранъ?

Никто, никто въ твоемъ совѣтѣ!
Непроницаемъ твой покровъ!
Сѣдящій въ неприступномъ свѣтѣ
Надъ миріадами міровъ,
Ты взоромъ солнцы возжигаешь,
Ты маніемъ міры вращаешь,
Ты духомъ Ангеловъ творишь,
И словомъ, мыслію одною —
Сію пылинку предъ тобою —
Громаду свѣта истребишь.

Дмитріевъ.

Сочиненіе Державина подъ названіемъ *Богъ*, можетъ служить прекраснѣйшимъ образцемъ для *имна*. Хотя должно полагать, что всѣ упражняющіеся въ слове-

сности знаютъ наизустъ сіе превосходное твореніе, но мы надѣемся, что и здѣсь не покажется оно излишнимъ:

Богъ.

О ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ—Богъ.

Измѣрить Океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій—
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи изчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность прежде вѣкъ рожденну
Въ себѣ самомъ Ты основалъ:
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ изтекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь въ вѣкъ!

Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію живошъ даришь.
Какъ искры сыплятся, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ:
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неимѣримости текутъ,
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.

Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эфиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры—
Передъ Тобой—какъ нощь предъ днемъ.

Какъ капля въ море опущенна
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?—
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ—и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною:
А я передъ Тобой—ничто.

Ничто!—но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто!—но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,

Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь—конечно есь и Ты!

Ты есь!—природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ,
Ты есь—и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества;
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я Царь—я рабъ—я червь—я Богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произшелъ?—безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,

Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ!—въ безсмертіе Твое.

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей:
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ не возможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Какая высокая и утѣшительная философія! какая чудесная гармонія. — Ода сія (или имнъ) написана была въ 1784 году, въ Нарвѣ, куда нарочно удалился авторъ для избѣжанія обыкновенной въ столицѣ разсѣянности. Примѣчанія достойно, что во время сочиненія столь разгарячено бы-

ло его воображеніе, что въ одну ночь, лежа на кровати и закрывъ глаза, увидѣлъ онъ чрезвычайный свѣтъ, который и по открытіи глазъ блисталъ, казалося, по комнатѣ; слезы лились ручьями; тогда вставъ написалъ онъ послѣдній куплетъ.— Сіе извѣстно отъ самаго Державина.

Слѣдующіе *Имны* также заслуживаютъ общее уваженіе:

Имнъ Солнцу

Слѣпаго старца Оссіана.

О ты, катящееесь надъ нами,
Какъ круглый щитъ отцевъ моихъ!
Отколѣ вѣчными струями
О солнце! блескъ лучей твоихъ
Чрезъ прагъ востока истекаетъ?
Гдѣ дремлешь ты во тьмѣ нощной
И утро гдѣ воспламеняетъ
Свѣтильникъ несгарающъ твой?

Ты шествуешь въ твоей прелестной
И величавой красотѣ;
Усѣявшія сводъ небесной
Сокрылись звѣзды въ высотѣ;
Холодная луна блѣднѣетъ

*

И тонетъ въ западныхъ волнахъ!
Ты шествуешь одно кто смѣетъ
Съ тобою течь на облакахъ?

Нагорны дубы упадаютъ,
И горъ слякается хребетъ;
Моря подъемлются, стекаютъ;
Луна теряетъ срочный свѣтъ:
Красы своей не измѣняешь,
Свѣтильникъ дня! лишь ты единъ;
Ликуя путь свой протекаеть,
Небесъ могущій исполинъ!

Когда полдневный свѣтъ мрачится,
И тучи молнія сѣчетъ;
Когда за громомъ громъ катится
И тверду ось земли трясетъ,
Изъ грозныхъ облакъ возникаешь
Ты, миръ даруя небесамъ;
Дыханье вѣтрамъ запрещаешь,
Смѣешься бурѣ и громамъ.

Но, ахъ! вотще для Оссіана
Сіяешь ты, небесъ краса!
Всходя изъ синя Океана,
Златы́е стелешь ли власа
По свѣтлымъ облакамъ летящимъ,

Коснешься ль западныхъ зыбей,
Ложася въ понтъ лучемъ дрожащимъ—
Не видитъ онъ красы твоей!

Но, можетъ быть, временъ влеченью,
Какъ насъ, тебя подвергнувъ рокъ,
На небѣ быстрому теченью
Лучей твоихъ назначилъ срокъ;
И можетъ статься, въ тучахъ бурныхъ
Почивши сномъ въ послѣдній разъ,
Забудешь путь небесъ лазурныхъ
И утра не услышишь гласъ.

Ликуй же, пламенно свѣтило,
Ликуй днесь въ юности твоей!
Дни старости текутъ уныло;
Лунѣ они подобны сей,
Смотрящей сквозь раздранны тучи,
Когда надъ холмомъ мгла лежитъ,
И странникъ, вшедши въ лѣсъ дремучій,
Отъ стужи на пути дрожитъ.

Капнистъ.

Гимнъ Благотворительности.

Благотворительность священна!
Душа міровъ, твореній мать!
Тобою движется вселенна,

Твоя всесильна благодашь
Въ дождяхъ, въ росахъ съ небесъ нисходишъ,
И свѣтишъ въ солнечныхъ лучахъ.

Когдабъ въ однихъ громахъ съ эфира
Творецъ являлъ намъ власть свою,
Мы видѣли бъ владыку міра,
Иль грознаго въ немъ судію;
Но Бога, но отца твореній
Еще тогда не зрѣли бъ въ немъ....

Стада ли наши тучны, сильны,
Злашятся ль классами поля,
Иль наши житницы обильны?
Благотворительность! тебя
Благословимъ за даръ природы:
Дары ея—дары твои.

Тамъ странникъ міра утомленный
Зришъ надъ собою горы тучъ,
И внемлетъ бури разъяренны....
Но твой явился кроткій лучъ —
И радуга отрадъ сіяетъ
На темныхъ облакахъ скорбей.

Что власть, гдѣ нѣтъ тебя? лишь бремя,
Подъ коимъ стонетъ правота.

Что острый умъ?—разврата сѣмя;
И мудрость мудрыхъ?—слѣпота;
И сила сильныхъ?—бичъ для слабыхъ,
И вѣра вѣрнаго?—мертва.

При дремлющей уже лампадѣ,
Во мракѣ, тишинѣ ночной,
О благѣ царствъ, о ихъ оградѣ
Цари бесѣдуютъ съ тобой:
Они не спятъ—чтобъ спалъ спокойно
Въ странѣ ихъ и послѣдній рабъ....

Луна спѣшитъ на своды темны,
Чтобъ воскресить умершій день!
Ты—къ узникамъ въ затворъ подземный,
Чтобъ оживить ихъ мрачну тѣнь....
И день росы еще не сниметъ,
Уже отрешь ты много слезъ.

Тебѣ хвала, благодаренье
И въ сердцѣ и въ устахъ моихъ!
Мнѣ жизнь моя есть наслажденье
Безчисленныхъ даровъ твоихъ:
Мнѣ въ смерти на тебя надежда,
И смерть моя—уже не зло.

Ленкевичъ.

Показавъ примѣры, заключимъ статью сію слѣдующими замѣчаніями: 1) что *Имны* должны быть самое высокое стихотвореніе изъ всѣхъ лирическихъ: ибо что можетъ быть выше чувствія истиннаго благоговѣнія къ Божеству? 2) что при всемъ ихъ пареніи должны они поражать естественною простотою: поелику искреность несовмѣстна съ высокопарностію, отзывающеюся искуствомъ, которое можетъ произвести твореніе весьма обработанное, но хладное, и 3) что сверхъ произведеній піитическихъ, древнихъ и новыхъ, для лучшаго успѣха въ сочиненіяхъ сего рода, надлежитъ читать и перечитывать Божественнаго Псалмопѣвца Давида;—тамъ повсюду найдете *и высокое въ изображеніяхъ* и *высокое въ чувствованіяхъ.*

ГИМНОПЕДІЯ или Имнопедія.—Такъ называлась у Грековъ пѣснь, которую пѣли во время игранія мячемъ и борьбы.

ГИПЕРБОЛА или Ипербола. Риторическая фигура. Состоитъ: 1) *auxesis*; *въ увеличиваніи* вещей даже до невѣроятности, на пр: бѣгъ скорѣйшій вѣтра и молніи; звѣздъ касающійся атлантъ; 2) *tapinosis*

или *meiosis*; *въ уменьшеніи* оныхъ такимъ же образомъ, на пр: какъ тѣнь шатается, вм. весьма истощалъ; съ голоду умираетъ вм. очень бѣденъ.

Бываютъ *Иперболы* въ одномъ рѣченіи, на пр: когда большаго роста человѣкъ называется Гигантомъ, или малорослый Пигмеемъ; но онѣ чаще заключаются въ цѣломъ предложеніи, иногда и въ нѣсколькихъ періодахъ. Въ первомъ случаѣ *Иперболу* можно назвать фигурою *рѣченій*, а во второмъ фигурою *предложеній*.

Сію фигуру приличнѣе употреблять въ изображеніи пылкихъ страстей, а особливо радости, ненависти, гнѣва. *Иперболы* также очень позволительны въ комическихъ сочиненіяхъ, и весьма способны смѣшить; но въ важныхъ описаніяхъ должно употреблять ихъ съ разборомъ, потому что онѣ сами по себѣ обыкновенно бываютъ противоположны истинѣ.

Примѣры:

Коликой славой днесь блистаетъ
Сей градъ въ прибытіи твоемъ!
Онъ всей отрады не вмѣщаетъ
Въ пространномъ зданіи своемъ;

Но воздухъ наполняетъ плескомъ
И нощи тьму отъемлетъ блескомъ.
Ахъ! еслибъ нынѣ Россовъ всѣхъ
Къ тебѣ горяща мысль открылась,
То бъ мрачна ночь отъ сихъ утѣхъ
На вѣчный день перемѣнилась.

Ломоносовъ.

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сѣдитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ,
Веселый взоръ свой обращаетъ,
И вдругъ довольства изчисляетъ
Возлегши локтемъ нъ Кавказъ.

Ломоносовъ.

Вихрь полуночный летитъ богатырь!
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль,
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды—бездны кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ и пр.

Державинъ.

Онъ же въ стихахъ подъ названіемъ *Колесница*, говоритъ о коняхъ:

Ужъ дымъ съ ихъ жаркихъ мордъ валитъ,
Со ребръ ліется потъ рѣками,
Со браздъ кровава пѣна клубомъ
И волны отъ копытъ текутъ.

Иперболу долженъ чувствовать тотъ, кто слушаетъ, а не тотъ кто говоритъ. Поэтъ объясняется по своимъ чувствамъ: ему кажется, что онъ ничего не увеличиваетъ, онъ слѣдуетъ влеченію своего воображенія; и чтобы разсудить такимъ образомъ, надлежитъ представить себя на его мѣстѣ—въ восторгѣ, въ изступленіи.

Иперболы умягчаются иногда рѣченіями *якобы* или *будто бы*, *почти*, *едва не* и нѣкоторыми другими.

Едва отъ ужаса сей камень *не* дрожитъ:
Полночный Александръ сокрытъ подъ нимъ
лежитъ, *и пр.*

Сумароковъ. Епит. Карлу XII.

Ипербола есть слово Греческое: ὑπερβολὴ, превышеніе, увеличеніе; отъ глагола ὑπερβάλλειν, превосходить.

ГИПЕРКАТАЛЕКТИЧЕСКІЙ, или Иперкаталектическій. — Слово Греческое: *ὑπερκαταλεκτίκος* составлено изъ *ὑπερ* надъ, и *καταλέγω*, умножаю, прибавляю, т. е. *надбавленный*.

Греческіе и Латинскіе стихи раздѣляются на четыре рода: стихъ *акаталектическій* есть тотъ, у котораго на концѣ нѣтъ никакого недостатка; *каталектическій*, у котораго на концѣ не достаетъ одного слога; *брахикаталектическій*, у котораго нѣтъ на концѣ одной стопы, и *иперкаталектическій*, который заключаетъ одинъ или два слога болѣе противъ надлежащаго размѣра. Послѣдній называется иначе *иперметрб*.—См. упомянутые здѣсь слова.

ГИПЕРМЕТРЪ или Иперметръ. См. *Гиперкаталектическій*. Слово сіе составлено изъ *ὑπερ*, надъ, и *μέτρον*, мѣра: сверхмѣрный, чрезмѣрный.

ГИПОТИПОЗИСЪ или Ипотипозисъ. См. Описаніе.

Примѣч. Въ показанныхъ здѣсь статьяхъ всѣ Греческія имена, начинающіяся съ буквы И, но въ Латинскомъ языкѣ обыкновенно принимающія предъ оною Г, (H) помѣщены съ сей послѣдней буквы для удобнѣй-

шаго прiисканiя начинающими упражняться въ словесности; ибо во всѣхъ почти нашихъ Пiитикахъ и Риторикахъ, и вообще во всѣхъ Латинскихъ, они находятъ ихъ также съ Г (Н) написанными. Впрочемъ писать сiи слова безъ Г правильнѣе, потому что сей буквы нѣтъ въ коренныхъ Греческихъ словахъ. Слова сiи означены также и съ буквы И.

ГЛИКОНОВЪ стихъ: употребляемъ былъ въ Греческой и Латинской поэзiи.

Скалигеръ говоритъ, что Гликоновъ стихъ состоитъ изъ двухъ стопъ и одного слога, и что назывался онъ Еврипидовымъ стихомъ.

Другiе полагаютъ *Гликоновъ* стихъ состоящимъ изъ трехъ стопъ: изъ спондея и двухъ дактилей, или, что все равно, изъ спондея, хорiямба и пиррихiя. — Слѣдующiй стихъ: *Sic te diva potens Cypri,* есть Гликоновъ

Новѣйшiе подражатели замѣщаютъ спондей хореемъ:

— ᵕ — ᵕ ᵕ — ᵕ ᵕ

Мельпо|мена без|смертная

или

Въ Капитолiю шествуетъ.

См. *Асклепiадовъ* стихъ.

ГОРАЦIАНСКIЙ. Размѣръ сего названiя есть тотъже самый, что *Алкейскiй* (см. сiе слово), а названъ такъ потому

что Горацій весьма часто употреблялъ его въ своихъ одахъ съ нѣкоторыми перемѣнами.

Строфы сего размѣра состоятъ всегда изъ четырехъ стиховъ, и чаще заключаютъ слѣдующія стопы:

Въ первомъ и второмъ стихахъ: два хорея, въ которыхъ помѣщается иногда пиррихій, потомъ слогъ долгій, дѣлающій пресѣченіе, и наконецъ два дактиля:

— ◡ | — ◡ | — || — ◡ ◡ | — ◡ ◡

Въ третьемъ стихѣ четыре ямба съ однимъ краткимъ на концѣ слогомъ:

◡ — | ◡ — | ◡ — | ◡ — | ◡

Въ четвертомъ два дактиля, потомъ хорей или пиррихій, и на концѣ непремѣнно хорей:

— ◡ ◡ | — ◡ ◡ | — ◡ | — ◡

или

— ◡ ◡ | — ◡ ◡ | ◡ ◡ | — ◡

На примѣръ:

Кедры | не все | гда || вихремъ ло | маются |
Листьевъ | не все | гда || рощи ли | шаются |
И ве | дро по | слѣ тучъ | быва | етъ,
Лѣтомъ и | дерево | процвѣ | таетъ.

Иногда же сей размѣръ вмѣсто двухъ хореевъ въ началѣ двухъ первыхъ сти-

ховъ принимаетъ два ямба и краткій слогъ. Г. Востоковъ въ переведенной изъ Горація одѣ *Похвала Вакху* показалъ сему примѣръ:

Когда| Гиган|ты|| горды воздвигнулись,
Тогда| защит|никъ|| отчаго царствія,
Вонзилъ ты львины когти въ Рета,
Лютымъ его отразилъ ударомъ.

Впрочемъ и самъ Горацій чаще употреблялъ сей размѣръ, полагая въ первой стопѣ первыхъ двухъ стиховъ *ямбъ*, либо *спондей*—и по большей части послѣдній;—во второй непремѣнно ямбъ, послѣдуемый долгимъ слогомъ, дѣлающимъ пресѣченіе, и наконецъ два дактиля; какъ въ сихъ стихахъ:

Nondum| suba|cta|| ferre ju|gum valet|
Cervi|ce, non|dum|| munia| comparis.|

Д

ДАКТИЛИЧЕСКІЙ. Заключающій стопу *дактиль*. Латинскіе дактилическіе стихи потому такъ называются, что на концѣ имѣютъ стопу дактиль. Слѣдующій стихъ изъ Виргиліевой Енеиды есть *дактилическій*.

Bis patriae cecidere manus, quin protinus *omnia*
Perlegerent oculis.

ДАКТИЛЬ. Стопа Греческой и Латинской поэзіи, употребляемая и въ Россійскомъ стихосложеніи; состоитъ изъ трехъ слоговъ, одного долгаго и двухъ краткихъ; изображается такъ: — ◡ ◡. По сему слова *Господи*, *мужество*, *славная*, *радостный*, *Ἄγγελος*, *carmine*, суть дактили.

Слово сіе, какъ увѣряютъ, происходитъ отъ *δάκτυλος*, палецъ, будто бы потому, что пальцы раздѣлены такимъ образомъ, что одинъ долгій имѣетъ подлѣ себя два кратчайшихъ; но такое словопроизведеніе не можетъ показаться удовлетворительнымъ. Говорятъ еще, что стопа сія изобрѣтена Вакхомъ, который прежде Аполлона пророчествовалъ въ Дель-

фахъ стихами сего размѣра. Греки иначе называли сію стопу πολιτικὸς. — Diom. 3. стр. 474.

У насъ чаще употребляется *дактиль* вмѣстѣ съ *хореемъ*, почему и стихъ называется *дактило-хореическимъ*.

Расположеніе дактило - хореическаго *шестистопнаго* стиха есть слѣдующее: въ первыхъ четырехъ стопахъ могутъ быть или все дактили, или все хореи, или наконецъ дактили и хореи смѣшанно, не наблюдая порядка; въ пятой стопѣ непремѣнно долженъ быть дактиль; въ шестой въ женскомъ стихѣ хорей, а въ мужескомъ одинъ только долгій слогъ.

Пятистопный дактило - хореическій стихъ въ первыхъ двухъ стопахъ долженъ имѣть дактиля или хорея, и еще слогъ долгій, дѣлающій пресѣченіе, а въ двухъ слѣдующихъ его стопахъ всегда должны быть дактили, и сверхъ того одинъ слогъ долгій, который съ долгимъ слогомъ пресѣченія составляетъ пятую стопу. По сему стихъ оный есть мужескій, а женскій вмѣсто одного на концѣ слога принимаетъ хорей.—Шестистопные пресѣченія не имѣютъ:

Примѣры.

I. *Шестистопнаго* дактило - хореическаго стиха.

A.—*Пять дактилей и одинъ хорей:*

Женскій

Я выжи|маю пло|ды густо|лиственныхъ| лозъ вино|града.

Мужескій:

Царь въ сладо|страстьи жи|вущій воз|можешь ли| славу о|брѣсть.

B. —*Пять хореевъ и дактиль:*

Волны| моря| съ ревомъ| страшнымъ| къ брегу стре|мятся.

C.—*Четыре хорея и два дактиля.:*

Быстро| кони| полемъ| прахъ возды|мая не-|сутся.

D.—*Четыре дактиля и два хорея:*

Гнѣвъ, бо|гиня, вос|пой Ахил|леса Пе|леева| сына,

E.—*Три дактиля и три хорея:*

Кони по|слушные| быстро| мчатся| съ грознымъ воз|ницей.

Примѣч. Въ статьѣ о *Екзаметрѣ* можно видѣть болѣе измѣненій сего размѣра.

II. *Пятистопнаго* дактило - хореическаго стиха.

Мужескій

Видѣнъ лишь| молніи| блескъ,|| громъ безу-|
молку гре|митъ.

Женскій

Вся ужа|снулася| тварь,|| вся содро|гнулась
при|рода.

Можно писать стихи дактилическимъ размѣромъ и безъ хорея, также какъ анапестомъ безъ ямба (см. анапестъ), сохраняя слѣдующій порядокъ:

Пусть въ шестистопномъ стихѣ всѣ стопы будутъ дактили и по окончаніи третьей пресѣченіе; въ пятистопномъ же пресѣченіе по окончаніи второй стопы; а прочіе стихи, какъ то, четырестопный, тристопный и двустопный должны быть безъ пресѣченія:

Шестистопный.

Скоро ли| вѣтры пре|станете|? волны го|ра-
ми взды|маются!

Ломоносовъ написалъ такой стихъ безъ пресѣченія:

Вьется кру|гами змі|я по тра|вѣ обно|вившись въ раз|сѣлинѣ.

Пятистопный.

Скроемся| въ хижину,|| искры отъ| молніи| сыплются.

Впрочемъ сіи стихи непремѣнно требуютъ *сочетанія* съ другими дактилическими стихами, съ четырестопными или съ тристопными—дабы удалить отъ нихъ скучную монотонію.

Примѣч. дактило-хореическіе шестистопные стихи писаны были древними вмѣстѣ съ пятистопными черезъ стихъ —и таковыя двустишія въ совокупности назывались *геро-елегическими* стихами. — Рифмы въ сихъ стихахъ никогда употребляемо не было.

Четырестопные дактило - хореическіе стихи пресѣченій не имѣютъ, также какъ *тристопные* и *двустопные*, только то замѣтить надобно, что въ четырестопномъ четвертою стопою, въ тристопномъ третьею, въ двустопномъ второю,

(когда не оканчиваются стихи чистымъ дактилемъ) долженъ быть въ женскомъ стихѣ хорей, а въ мужескомъ долгій слогъ.

Примѣромъ дактило - хореическихъ четырестопныхъ стиховъ могутъ служить слѣдующіе Державина:

Ступитъ на| горы|, горы тре|щатъ, } муж.
Ляжетъ на| море|, бездны ки|пятъ,

Граду ко|снется|, градъ упа|даетъ, } жен.
Башни ру|кою за| облакъ бросаетъ....

И сіи написанные къ Державину Дмитріевымъ:

Бардъ безъи|мянный! тебяль не у|знаю?
Орлій из|давна зна|комъ мнѣ по|летъ,
Я не въ от|чизнѣ, въ Мо|сквѣ оби|таю и пр.

Примѣры чистаго четырестопнаго дактиля:

Господи!| будь мнѣ все|гда покро|вителемъ!

или

Мысли пе|чальны во| время о|сеннее.

—*тристопнаго дактило-хореическаго стиха:*

Звонко прі|ятная| лира! } женс.
Въ древни зла|тые дни| міра

Сладкою| силой тво|ей, } муж.
Ты и бо|говъ и ца|рей,

Ты и на|роды плѣ|няла....

——*чистаго тристопнаго дактиля:*

Духи и| злые вол|шебники
Скройтесь въ пе|щеры под|земныя.

Примѣръ дактило-хореическихъ четырестопныхъ женскихъ съ такими же тристопными.

Гдѣ ты прекрасная, гдѣ обитаешь?
Тамъ ли, гдѣ пѣсни поетъ Филомела,
Крошкая ночи пѣвица,
Сидя на миртовой вѣтви?
Тамъ ли, гдѣ съ тихимъ журчаньемъ стремится
Чистый ручей по зеленому лугу,
Душу мою призывая
Къ сладкой дремотѣ покоя? и пр.

Карамзинъ.

——*двустопныхъ дактило-хореическихъ стиховъ:*

Гласъ ея| страшный — женс.
Двигнулъ весь| адъ; — муж.
Громы у|жасны — женс.
Глухо гре|мятъ — муж.
и пр.

или

Пчелка златая
Что ты жужжишь?

Все вкругъ летая
Прочь не летишь?....

Державинъ.

Пр. дактило-хореическихъ тристопныхъ женскихъ вмѣстѣ съ такими же двустопными.

Вѣютъ осенніе вѣтры
В мрачной дубравѣ,
Съ шумомъ на землю валятся
Желтые листья.
Поле и садъ опустѣли,
Сѣтуютъ холмы,
Пѣніе въ рощахъ умолкло,
Скрылися птички и пр.

Карамзинъ.

——*чистаго двустопнаго дактиля.*

Грудь лѣбе|диная,
Поступь па|влиная.

Есть еще особенный родъ дактило-хореическихъ четырестопныхъ стиховъ, состоящій изъ трехъ хореевъ съ однимъ дактилемъ на концѣ. Примѣры можно видѣть въ старинныхъ пѣсняхъ:

Отста|вала| лѣбедь| бѣлая
Прочь отъ| стада| лѣбе|динова....
Во слезахъ я слово молвила...

Перекатно красно солнышко....
Ты звѣзда ль моя восточная....

Г. Карамзинъ написалъ симъ размѣромъ прекрасную сказку *Илья Муромецъ*. Вотъ начало ея:

Не хочу съ поэтомъ Греціи
Звучнымъ гласомъ Калліопинымъ
Пѣть вражды Агамемноновой
Съ храбрымъ правнукомъ Юпитера,
Плыть отъ Трои раззоренныя
Съ хитрымъ сыномъ Афродитинымъ
Къ злачнымъ берегамъ Италіи и пр.

Повѣсть Г. Востокова *Пѣвисладъ* и *Зора* писана такими же стихами:

Собирайтесь люди Кіевски
Передъ холмъ священный Боричевъ
Поклонитися богамъ своимъ
И почтить святую силу ихъ
Благочестнымъ приношеніемъ,
Пированіемъ и тризнищемъ! —
Такъ взывалъ Баяновъ громкій хоръ,
Съ холма поле озираючи,
Въ звонки гусли ударяючи. и пр.

Какъ стихи сіи не имѣютъ ни сочетанія, ни другихъ какихъ либо измѣненій,

то написанное ими сочиненіе, особливо продолжительное, должно замѣнять такую единообразность, легко могущую навести скуку, всѣми прелестями поэзіи. Сей размѣръ выбирается по большой части для повѣстей о старинныхъ Рускихъ происшествіяхъ, почему весьма пріятно встрѣчать въ оныхъ кстати помѣщенныя старинныя слова и выраженія, даже изрѣдка и рифмы, какъ бы нечаянно родившіяся.

ДВУСТИШІЕ: два стиха, заключающіе въ себѣ полный смыслъ. На пр:

Для сильныхъ на земли долгъ первой, знаменитой,
Невинныхъ охранять и слабыхъ быть защитой.

Озеровъ.

Тотъ мудръ воистинну, кто все чрезъ опытъ знаетъ,
И кто, начавъ дѣла, на ихъ конецъ взираетъ.

Голенищевъ-Кутузовъ.

Поэма вздорная, нелѣпо пѣснопѣнье
Герою и пѣвцу есть вмѣстѣ посрамленье.

Милоновъ.

Въ Греческой и Латинской поэзіи называются симъ именемъ два стиха, изъ коихъ первый екзаметръ, а вторый пентаметръ. — У Виргилія на случай даннаго Августомъ празднества:

Nocte pluit tota, redeunt spectacula mane;

Divisum imperium cum Jove Caesar habet.

Почти всѣ Елегіи древнихъ писаны такими двустишіями, также какъ и всѣ Овидіевы сочиненія, выключая *Превращеній.*

ДВУСТОПНЫЙ. Стихъ, имѣющій двѣ какія либо стопы. Составленіе и примѣры можно видѣть въ описаніи стопъ анапеста, дактиля, хорея и ямба.

ДЕВИЗЪ. См. *Емблемма.*

ДІАСИРМЪ. Родъ Ироніи: самая злобная насмѣшка на счетъ какого нибудь лица.

Генригъ IV, Король Французскій, споривъ нѣкогда съ Испанскимъ Посланникомъ, сказалъ съ гнѣвомъ: я пойду до Мадрита. *Для чего же не такъ, Ваше Величество,* возразилъ хладнокровно Посланникъ, *Францискъ I. также былъ въ Мадритѣ.* — Чрезъ

сей Діасирмъ Посланникъ напомнилъ о заточеніи Франциска I. въ Испаніи, и далъ замѣтить, что и съ Генригомъ тоже послѣдовать можетъ.

Διασυρμὸς происходитъ, по мнѣнію Бозе, отъ *διὰ*, изъ, и *συρίζω*, свищу, и соотвѣтствуетъ отчасти Французскому *Persifflage*; но въ Лексиконѣ Шревелія *διασυρμὸς* переведено *detractio, obtrectatio*, поношеніе, ругательство, и произведено отъ *διασύρω*, *distraho, lacero, detraho, obtrecto*, разрываю, поношу, ругаю, составленнаго изъ частицы *διὰ* и глагола *σύρω*, traho, влеку. Сей переводъ и производство слова *διασυρμὸς* сходственнѣе съ тѣмъ значеніемъ, какое даетъ оному Лонгинъ, гл. XXXI, въ переводѣ Буало: *Le diasyrme*, qui est une espece d'hyperbole, n'est à le bien prendre, que *l'exagération d'une chose basse et ridicule*—увеличеніе вещи низкой и смѣшной.

ДИДАКТИЧЕСКІЙ. Слово сіе, взятое изъ Греческаго языка и происходящее отъ глагола *διδάσκω*, учу, значитъ *поучительный*; оно придается тѣмъ сочиненіямъ въ стихахъ, кои имѣютъ пред-

метомъ просвѣщеніе ума. Таковыя сочиненія называются *дидактическими*, т. е. поучительными.

Должно думать, что *дидактическое* стихотворство, выключая *лирическое* (см. сіе слово) существовало прежде всѣхъ другихъ родовъ поэзіи, потому что законы, бытописаніе и нравственныя поученія были сочиняемы стихами. Гезіодова поэма *О Земледѣліи* показалась нѣсколькими годами прежде Иліады. Емпедоклъ написалъ въ стихахъ Физику. Феогнидъ, Никандръ, Парменидъ, Аратъ, сочинили въ стихахъ множество разсужденій о разныхъ ученыхъ матеріяхъ. У Римлянъ Горацій, Виргилій, Лукрецій, Овидій, съ успѣхомъ упражнялись въ *дидактической* поэзіи.

Въ поэмѣ *дидактической* не надобно искать такой учености, такихъ подробностей, какія могли бы написаны быть въ трактатѣ прозаическомъ, ибо сего не терпитъ поэзія: Піитъ, подобно пчелѣ, собирающей съ цвѣтовъ самое пріятнѣйшее, выбираетъ изъ своего предмета только то, что будучи полезно, можетъ соединено быть съ прелестями его искусства; онъ долженъ только наблюдать нѣкоторый порядокъ въ главныхъ частяхъ.

Полезнѣйшими для поэзіи *дидактической* украшеніями могутъ служить вводныя повѣсти (*Епизоды*. См. сіе слово), ибо когда онѣ хорошо помѣщены, когда привлекательны, то вознаграждаютъ читателя за скуку при чтеніи правилъ; но надлежитъ стараться, чтобы сіи *Епизоды* не были слишкомъ часты, для того, чтобы нечасто отвлекаемо было чрезъ нихъ вниманіе читателя отъ главнаго содержанія поэмы.

Расположеніе *дидактической* поэмы зависитъ отъ произвола автора. Онъ можетъ ее сдѣлать повѣствовательною, либо драматическою, влагая поученія свои въ уста извѣстныхъ философовъ, или законодателей; можетъ даже прибѣгать къ помощи баснословныхъ боговъ, Музъ, и дѣлать обращенія, или призыванія по примѣру поэмъ епическихъ.

Для показанія хода и расположенія поэмы *дидактической* предлагается здѣсь описаніе Виргиліевыхъ Георгикъ:

Виргилій, желая преподать правила для всѣхъ сельскихъ работъ, начинаетъ поэму яснымъ изложеніемъ своего предмета, который раздѣляетъ онъ на четыре части. Оныя суть: 1) Обработка земель

въ отношеніи къ хлѣбнымъ произрастѣніямъ. 2) Смотрѣніе за деревьями и виноградомъ. 3) Попеченіе о большихъ и малыхъ стадахъ, и 4) Воспитаніе пчелъ. Наблюдая рачительно сіе раздѣленіе, поэтъ никогда не мѣшаетъ одной *части* съ другою, и говоритъ только о предметахъ, имѣющихъ къ каждой изъ нихъ особенное отношеніе.

Въ первой показываетъ онъ разные способы къ обработыванію поля, смотря по почвѣ земли; говоритъ о началѣ земледѣлія; описываетъ употребляемыя при ономъ орудія; означаетъ какое годовое время прилично каждой сельской работѣ; и упоминаетъ о предзнаменованіяхъ дурной погоды.

Во второй разсуждаетъ о разныхъ родахъ деревъ и показываетъ правила къ ихъ сохраненію, назначая между тѣмъ, какая почва для какаго рода пригодна; наконецъ говоритъ о смотрѣніи за виноградомъ и оливковыми деревьями.

Въ третьей упоминаетъ о животныхъ, употребляемыхъ къ воздѣлыванію земли, какъ то, о лошадяхъ, волахъ, коровахъ; потомъ о стадахъ козьихъ и овечьихъ, и о стрегущихъ оныя собакахъ; напослѣ-

докъ о болѣзняхъ, какимъ подвержены сіи животныя.

Въ четвертой описываетъ жилище пчелъ, ихъ пищу, ихъ рои, случающіяся между ними сраженія; о порядкѣ или подчиненности пчелъ; о времени, въ которомъ производятъ онѣ медъ; о ихъ болѣзняхъ и о средствѣ возобновлять ульи, когда переведутся пчелы.

Виргилій украсилъ поэму свою изящнѣйшими *Епизодами*, каковы суть: *въ первой части*, описаніе царствованія Юпитера, разсужденіе о необходимости работы, о смерти Цезаря при разсказѣ о предзнаменованіяхъ дурной погоды; *во второй* прекраснѣйшее описаніе равнинъ Италіи при означеніи произрастѣнія деревъ по климатамъ, и о счастливой жизни земледѣльцевъ; *въ третьей*, о изобрѣтеніи колесницъ, о бѣгѣ лошадей, и заразительномъ повѣтріи, истребившемъ множество стадъ; наконецъ *въ четвертой*, при показаніи средствъ какъ возобновлять ульи, встрѣчается прекрасная Басня объ Аристеи, и повѣствованіе объ Орфеѣ и Еврндикѣ. — Изъ сего можно замѣтить, съ какимъ искусствомъ Піитъ *удалялся* отъ своего предмета, никогда не выпуская его изъ виду.

Поэма дидактическая, имѣющая предметомъ нравоученіе, или какую либо науку, требуетъ точнѣйшаго порядка, нежели та, въ которой описываются художества и потому въ первомъ случаѣ, поэтъ долженъ болѣе размышлять, разбирать, изслѣдовать свою матерію--стараться, чтобы все клонилось къ поученію и къ убѣжденію. Правила должны быть изложены съ совершенною ясностію, доказательства—самыя избранныя и расположенныя въ надлежащемъ порядкѣ, такъ чтобы заключеніе казалось неизобрѣтеннымъ, но происходящимъ какъ бы само собою изъ описанныхъ обстоятельствъ; словомъ, всѣ части должны быть такъ между собою связаны, чтобы читатель никогда не могъ уклониться отъ стези, по которой поэтъ провождаетъ его.

Всѣ сіи достоинства находятся въ поэмѣ *Вѣра* (La Religion), написанной младшимъ Расиномъ (Racine le fils). Мы воспользуемся разсужденіями знаменитаго Ж. Б. Руссо, который ее разсматривалъ. Поэма сія основана на слѣдующей мысли Паскаля:—*Отвергающимъ Религію должно сначала показать, что она не противоположна здравому разсудку; потомъ, что она достойна*

уваженія; послѣ сего надлежитъ представить ее въ прелестнѣйшемъ видѣ, и заставить пожелать, чтобъ она была истинна; наконецъ доказать, что она дѣйствительно истинна, пріятна, утѣшительна. Всѣ пѣсни соотвѣтствуютъ сему плану и, такъ сказать, одна изъ другой проистекаютъ.

Не можно, говоритъ Ж. Б. Руссо, не можно предположить твердѣйшихъ доказательствъ о необходимости Религіи иначе, какъ чрезъ доказательства о бытіи Божіемъ. Сіе исполнилъ авторъ *въ первой пѣсни*, гдѣ все то, что можетъ физика сообщить поэзіи и метафизика разуму (où tout ce que la physique peut fournir à la poësie et la métaphysique à la raison) описано и изложено въ видѣ самомъ величественномъ и разительномъ.

Сіи доказательства естественно ведутъ за собою различіе двухъ сущностей: союзъ ихъ въ продолженіи жизни, и разрывъ при смерти; отсюда происходитъ доказательство безсмертія души. Разныя мнѣнія и споры о семъ предметѣ философовъ ведутъ къ необходимости Откровенія. Въ семъ состоитъ содержаніе *второй пѣсни.*

Въ третьей пѣсни продолжается предложеніе, начатое при концѣ предыдущей, гдѣ доказано, посредствомъ Исторіи всеобщей и особенно Еврейской, что Откровеніе или Слово Божіе находится въ однѣхъ только книгахъ Еврейскихъ, изъ чего извлекается достовѣрность и истина религіи, возвѣщенной Пророками, утвержденной чудесами, и признанной самимъ Магометомъ, величайшимъ врагомъ ея.

Четвертая пѣснь совершенно соединена съ третьею удивительнымъ описаніемъ начала вѣры Христіанской, чудесъ Виновника ея, стремительнаго распространенія Евангелія, и утвержденія онаго посреди мукъ и гоненій. Тутъ видны: народы, озаренные симъ Божественнымъ свѣтомъ; приведенный въ смятеніе умъ человѣческій; крестъ, торжествующій надъ мудростію міра, и наконецъ Римъ, средоточіе язычества, наказанный подобно Іерусалиму, но возставленный, дабы содѣлался до конца вѣковъ средоточіемъ вѣры Христовой.

Въ пятой пѣсни можно видѣть, до какой степени простирается невѣжество человѣка и сколько трудностей встрѣчаетъ Деистъ при отвѣтствованіи на

шакіе вопросы, разрѣшеніе коихъ Христіанинъ легко находитъ въ Откровеніи.

Вь шестой пѣсни говорится о нравственности. Здѣсь представлено читателю сравненіе, равно ученое и остроумное, нравоученія поэтовъ языческихъ съ Христіанскими.

Сія мысль, продолжаетъ Ж. Б. Руссо, что религія не требуетъ отъ насъ ничего противоположнаго здравому разсудку, и что путь предназначаемый Евангеліемъ нисколько не затруднительнѣе пути, предлагаемаго простою философіею и обязанностями добродѣтельнаго человѣка, сія мысль выражена превосходно. За симъ автору слѣдовало показать преимущество нравственности Христіанской предъ всякою другою нравственностію! Сіе преимущество состоитъ въ узаконеніи благотворенія—пріятнѣйшаго изъ всѣхъ узаконеній! всѣ прочія принадлежатъ уму, но сіе касается самаго сердца, и сей-то добродѣтели Богъ особенно отъ насъ требуетъ! и поелику она составляетъ вѣнецъ всѣхъ добродѣтелей Христіанскихъ, то авторъ не могъ лучше кончить своего творенія, какъ показаніемъ всей цѣны и

необходимости ея—и все сіе исполнилъ съ удивительнымъ искуствомъ.„

*

Дидактическія стихотворенія, по причинѣ различнаго ихъ содержанія, раздѣляются нѣкоторыми литтераторами на разные роды. Однѣ изъ нихъ называются историческими (иногда циклическими), другія философскими, а третьи собственно поучительными или наставительными. Первыя повѣствуютъ о явленіяхъ въ природѣ, и происшествіяхъ между людьми; вторыя, избравъ себѣ предметомъ какую либо истину изъ числа тѣхъ, кои бываютъ изобрѣтаемы разумомъ, входятъ въ основаніе и подробности оной, изъясняютъ причины вещей, выводятъ изъ того умозаключенія и проч. а послѣднія предлагаютъ правила какой либо науки, художества, или ремесла. Какъ сіи три рода познаній имѣютъ весьма тѣсную между собою связь, на примѣръ познаніе причинъ, то есть философское, обыкновенно бываетъ предшествуемо познаніемъ настоящаго состоянія вещей, то есть историческимъ, а сіе послѣднее нерѣдко бываетъ недостаточно безъ присовоку-

пленія къ нему перваго, правила же наукъ, художествъ и рукодѣлій суть не иное что, какъ умозаключенія, извлеченныя на основаніи вкуса изъ познаній историческаго и философскаго: по сей причинѣ не возможно, чтобы сіи три рода поучительныхъ стихотвореній не заимствовали одинъ отъ другаго взаимной помощи, то есть, или силы для убѣжденія, или разнообразія для развлеченія разума, или красотъ для возхищенія воображенія. Впрочемъ каждый изъ нихъ имѣетъ нѣчто особенно ему свойственное. — Образцами историческаго стихотворенія почитаются: Луканова *Фарсальская битва*, Сильвія Италика *Пуническая война*, а отъ нѣкоторыхъ и Вольтерова *Генріада*.—Для философскихъ стихотвореній примѣромъ могутъ служить Лукреціево сочиненіе *О естествѣ вещей*, и *Опытъ о человѣкѣ* Англинскаго писателя Попе.—Къ собственно-дидактическимъ произведеніямъ принадлежатъ: Виргиліевы *Георгики*, Гораціева *Наука о стихотворствѣ*, которой подражалъ Буало, Гезіодова поэма *Работы*, Опытъ *о критикѣ* Попе, Делилева поэма *Сады*, и проч.

Родъ слога, приличный дидактическимъ стихотвореніямъ, безъ сомнѣнія,

должень соотвѣтствовать роду мыслей и главной цѣли сочиненія. Впрочемъ къ качествамъ поучительнаго въ прозѣ слова прибавьте, чѣмъ стихотворство, почти не выходя изъ предѣловъ онаго, можетъ сдѣлать его красивѣе и приятнѣе: вотъ понятіе, какое должно имѣть о слогѣ поучительныхъ стихотвореній, такъ, что онъ почти никогда не можетъ быть выше средственнаго, а тѣмъ еще менѣе тавимъ, какой бываетъ въ Епическихъ поэмахъ, ироическихъ одахъ или трагедіяхъ. Мармонтель говоритъ о семъ слѣдующее: Буало не одною краткостію, точностію и рачительнымъ составомъ стиховъ заставилъ насъ читать съ удовольствіемъ правила уже давно извѣстныя; онъ употребилъ все, что мѣлкія стихотворенія имѣютъ пріятнаго и красиваго. Вотъ по моему мнѣнію, продолжаетъ Мармонтель, тотъ путь, которымъ должны идти всѣ наши поучительные стихотворцы; и чѣмъ предметъ ихъ будетъ менѣе важенъ и любопытенъ, тѣмъ болѣе нужны имъ красоты воображенія и сторонния убранства. Впрочемъ кратко можно сказать, что слогъ дидактическихъ произведеній долженъ быть умѣренный: ибо дидактиче-

скій писатель представляетъ лице хладнокровнаго мудреца, дѣлающаго поученіе; почему и не можетъ и не долженъ быть въ большомъ Ентузіасмѣ; одни только Епизоды, какъ повѣсти посторонныя, сіе принимать могутъ.

На Русскомъ языкѣ къ *Дидактическому* роду принадлежатъ: посланіе Ломоносова къ Шувалову *О пользѣ стекла*, поэма Хераскова *О пользѣ наукъ*, переводъ Голенищева-Кутузова Гезіодовой поэмы *Работы*, переводъ Мерзлякова Горацієвой *Науки о стихотворствѣ*, при перевода *Науки о стихотворствѣ Буало*: Тредіаковскаго, Графа Хвостова и Госпожи Буниной; переводъ Воейкова Делилевой поэмы *Сады* и Виргиліевыхъ *Георгикъ*; переводъ Спаневича *Ландшафтовъ* Марнезія; переводъ Князя Шихматова *Опыта о критикѣ* Попе; поэма *Притчи*, написанная Графомъ Хвостовымъ, поэма Воейкова *Искуства и науки*, Норова *Разсужденіе объ Астрономіи*, и проч.

Примѣромъ слога дидактическаго могутъ служить слѣдующіе отрывки:

1. *Изъ посланія* Горація *къ Пизо-*

намъ, извѣстнаго подъ названіемъ *Науки о стихотворствѣ.*

Когда маляръ, въ жару, потѣя надъ картиной,
Напишетъ женскій видъ на шеѣ лошадиной,
Всю кожу перьями и шерстью распеститъ,
И части всѣхъ родовъ въ урода помѣститъ;—
Начавъ красавицей чудесное творенье,
Окончитъ рыбою, себѣ на прославленье:
Пизоны!—можете ль, скрѣпя свои сердца,
Не осмѣять сего безумнаго творца?

.

Начала пышныя не рѣдко обольщаютъ:
Ждемъ важнаго!—и чтожь?—на рубищѣ мелькаютъ
Кое-гдѣ пурпуры блестящей лоскутки:
По бархатнымъ лугамъ струятся ручейки;
Шумитъ дремучій лѣсъ; тамъ башня въ прудъ глядится;
Тамъ радуга блеститъ, тамъ Реинъ серебрится!....
Къ чему сей пышный вздоръ?—я дѣло знать спѣшилъ.
Положимъ: кипарисъ ты въ краскахъ оживилъ;—
Но кстати ль это здѣсь, гдѣ буря, треволненье,

Разбиты корабли, и въ смертномъ утомленьѣ
Бѣднякъ, съ котораго ты деньги взялъ за трудъ?....
Положимъ: на заказъ работаешь сосудъ!
Мнѣ страшной бочкою казался онъ сначала:
Но ты вертѣлъ, вертѣлъ: изъ бочки кружка стала!—
Намъ правило дано природою самой:
Да царствуетъ вездѣ единство съ простотой.

.....

Друзья! вы знаете, я самъ люблю Сатиру,
Но чтобъ ее явить въ приличномъ видѣ міру,
Убранства для нее жалѣть я не хотѣлъ,
И грубымъ голосомъ кричать ей не велѣлъ!
Ей чуждо томное величье Мельпомены;—
Но должно сохранить всѣ слога перемѣны:
Въ ней Питія дерзка, рабъ низокъ, ухищренъ,
Забавенъ съ простотой другъ Бахуса, Силенъ.—
Я общій взялъ языкъ и новый составляю;
Пишите, думайте—успѣха всѣмъ желаю!
Иной трудится день, трудится ночь.... но что?
Тѣ жъ мысли, тѣ жъ слова; однако все не то!
Порядокъ словъ и связь: вотъ таинство искуства!
По мнѣнью моему — безъ утонченья чувства,

Сатиръ, дитя лѣсовъ, не долженъ такъ вѣщать,
Какъ наша говоритъ блистательная знать....

.

Теспись, пріявый свѣтъ съ Парнасской высоты,
Открылъ Трагедіи начальныя черты. —
При немъ явилися смѣшныя колесницы,
Актеровъ и пѣвцовъ намазанныя лицы! —
Есхилу здравый вкусъ вдали уже блисталъ,
Онъ важность мантіи, личины сценѣ далъ.
Съ помоста гордаго, открытаго для взоровъ,
Явилъ котурны онъ и пышность разговоровъ.
Комедія потомъ въ Елладѣ процвѣла;
Но вольность дерзкая ей гибельна была;
Орудье злыхъ людей, коварнаго забава,
Закономъ лишена гражданственнаго права:
Не въ силахъ бывъ язвить, со срамомъ хоръ упалъ.
И Римлянинъ-поэтъ путь трудный испыталъ!
Стремясь въ слѣдъ Еллиновъ, стремясь тропою новой,
Вездѣ срѣталъ онъ честь съ наградою готовой. —
Не съ чуждыхъ, но родныхъ полей собравъ цвѣты,

Препексшъ и шогъ явилъ изящны красошы.
Ахъ! еслибъ менѣе пѣвцы себѣ ввѣрялись,
Съ шерпѣньемъ исправляшь шруды свои сша-
рались,
Тогдабъ великій Римъ могъ смѣло приложишь
Къ вѣнцу своихъ побѣдъ вѣнецъ ошъ Піеридъ
и пр.

Мерзляковъ.

2. **Изъ поэмы *Сады, или Искуство украшать сельскіе виды.* —**

Желаешь ли земли успѣшной для шрудовъ?
Бѣги сихъ плоскихъ мѣсшъ, и вымоинъ, и рвовъ!
Пріяшны высошы, гдѣ холмъ негорделивый
Надъ доломъ скашисшымъ возносишъ верьхъ
красивый,
Гдѣ плодоносный кряжъ земли не каменисшъ,
И сухъ, а не пещанъ; высокъ, а не горисшъ;
Идешь—и горизоншъ просшершъ великолѣпно;
Земля склоняешся, иль всходишъ непримѣшно;
Раздасшся, сдвинешся: на каждомъ шагѣ шушъ
Явленья новыя пріяшно развлекушъ.

Пусшь грубый землемѣръ компасомъ вооруженный,
Идешъ въ свой кабинешъ, ошъ сада удаленный,

Соразмѣряя все, премудрый планъ чертитъ,
И пусть по правиламъ хорошій портитъ видъ;
А ты иди въ свой садъ; на бѣлый листъ бумаги
Снимай тамъ сколки съ мѣстъ, видъ въ даль, холмы, овраги,
Всѣ затрудненія умѣй предузнавать,
Предвидѣть способы и средства пріискать;
Чудотворенія изъ трудностей родятся.

Безплодный самый кряжъ готовъ повиноваться;
Безплодный самый кряжъ узнаетъ красоту.
Онъ нагъ—одѣнь лѣскомъ, кустами наготу;
Дремучь — съ сѣкирою вступай ты въ лѣсъ дремучій;
Болотистъ—выкопай каналъ, иль прудъ текучій;
Посредствомъ твоего полезнаго труда
Очистится земля и воздухъ и вода.
Онъ сухъ—ищи ключей; нѣтъ способа инова;
Быть можетъ, выступитъ уже вода готова,
и проч.

.

Желаешь ли ты глазъ сильнѣй очаровать?
Движенью надобно свободный видъ придать:

Не означать нигдѣ границы точной саду;
Сломать или закрыть отъ насъ его ограду.
Очарованіе съ надеждою живетъ,
И предъ оградою прекрасныхъ мѣстъ умретъ.
Стѣна вселяетъ грусть и даже раздражаетъ.
Уже гуляющій въ саду воображаетъ,
Что скрыла новыя явленія она,
Что живописнѣй тамъ природа быть должна;
И негодуетъ умъ на цѣпь, которой скованъ,
И опечаленный мой взоръ разочарованъ.

.

Лѣса всѣ образы готовы принимать;
Но украшая ихъ, страшитесь искажать.
Смотрите, тамъ древа раскинулись шатрами;
Тамъ блѣдные лучи прокрались межъ листами;
Тутъ свѣтъ сражается съ пріятной темнотой;
Здѣсь челами древа склонились надъ водой;
Здѣсь разбрелись они, вѣтьвями помаваютъ,
Какъ будто издали другъ друга призываютъ;
Вотъ вмѣстѣ, вотъ они другъ съ другомъ обня-
лись
И вдругъ какъ будто врозь опять ужъ разошлись.
Природа намъ урокъ прекрасный и великій!
Но образуя лѣсъ природно-мрачный, дикій,
Всѣ сильныя черты потщитесь сохранить

И мѣлочныхъ убранствъ нигдѣ не помѣстить.
Единство, полнота, да будутъ свято чтимы,
Да будетъ простъ, великъ сей лѣсъ необозри-
мый!
Потщитесь хитростью своею удержать
На немъ величія высокую печать.
Люблю сѣдые пни; хочу, чтобъ воды яры,
Шумя по рытвинамъ, свергались въ крутояры;
Оставьте по лѣсамъ глубокіе слѣды
И времени, и бурь, и вѣтровъ, и воды.
Пускай меня страшитъ видъ грозный скалъ
висящихъ!
Оставьте! пусть въ мѣстахъ, величіемъ бле-
стящихъ
Все дышетъ дикою и гордой красотой.
Но что—мракъ пустыни намъ ужасовъ виной?
Вотъ признакъ тайнаго жить въ обществѣ
влеченья!
Воздвигните въ лѣсу вы храмъ благотворенья:
Недужный въ немъ елей, бездомный кровъ
найдетъ,
И пустыня какъ рай предъ вами разцвѣтетъ.

.

Гумно, богатство селъ, надежда земледѣльца,
Убранства скромнаго желаетъ отъ владѣльца.

Да не похвалятся чертоги передъ нимъ,
Столь низкіе при немъ достоинствомъ своимъ,
Сколь низокъ хитрый взглядъ Армиды горде-
ливой
Передъ улыбкою невинности стыдливой!
При имени гумна—лугъ, овцы, вѣкъ златой,
Всѣ блага чистыя предстанутъ предо мной,
Которыхъ милое въ стихахъ изображенье
Плѣняло дѣтское мое воображенье;
Ахъ, возрастъ золотой есть возрастъ дѣт-
скихъ лѣтъ!
Предстанутъ — и мой духъ съ предмета на
предметъ
Подъ кущи пастырей переносится мечтаньемъ.
Спѣши! привѣтствуютъ насъ птицы возкли-
цаньемъ!
Уже я слышу скрыпъ навьюченныхъ возовъ,
И отзывъ по токамъ стучащихъ въ ладъ цѣ-
повъ......

Воейковъ.

3. Изъ дидактическаго *Опыта объ Астрономіи.*—Коперникъ и его система.
(*Предъ симъ изложены нѣкоторыя ложныя системы древнихъ.*)

......

Но всѣ мечты сіи Коперникомъ затмились,

Предъ геніемъ его поля небесъ разкрылись:
Въ уединеніи, забытый отъ людей,
Онъ мыслію парилъ въ далекій Емпирей:
Тамъ мужа славнаго недремлющія очи
Блюли движенья звѣздъ въ священный часъ
полночи,
И часто онъ въ мечтахъ, какъ шумъ суетъ
стихалъ,
Гармоніи міровъ катящихся внималъ,
Иль въ думу углубясь близь трепетной лам-
пады,
Передвигалъ, какъ Богъ, небесныхъ тѣлъ гро-
мады
И факелъ истины въ наукѣ засвѣтилъ!
Но трудъ великій свой онъ цѣлый вѣкъ таилъ
И славу пріобрѣсть столь поздно онъ рѣшился,
Что смерти грозный духъ надъ нимъ уже но-
сился,
Когда вселенная узнала въ первый разъ
Систему мудреца:—но онъ уже погасъ! — *)
„Въ бездонной пустотѣ, исполненной Эфира,
„Богъ солнце утвердилъ Царемъ и окомъ міра;

*) Копернику, уже умирающему, принесены были первые оттиски напечатанной его системы, которую онъ скрывалъ 36 лѣтъ.

„Вкругъ пламенной оси своею тягошой
„Вращается оно и міръ живитъ собой;
„Всечасно изъ него токъ пламенный клубится,
„Но силою иной опять въ свой центръ стре-
мится;
„Оно направило отъ вѣка ходъ планетъ:
„*Меркурій* здѣсь летитъ, за нимъ *Венера* въ
слѣдъ;
„Тутъ зрится *Шаръ земной*, страна людей
родная;
„Вотъ грозный *Марсъ* течетъ быстрѣе въ
путь дерзая;
„*Юпитеръ* шествуетъ медлительной стопой;
„Отецъ его *Сатурнъ*, одѣтый тайной мглой,
„За синей далью тамъ, край видимому міру,
„Чуть катитъ тусклый шаръ по льдистому
эфиру. *)
„Но солнце въ центрѣ ихъ, отъ горней вы-
шины,
„Жаръ жизненный ліетъ въ планетны глубины;
„Съ любовью мещетъ свѣтъ, когда часы днев-
ные
„Влекутъ вокругъ него двѣ стороны *земныя*

*) Во время Коперника извѣстны были только сіи шесть планетъ.

„И наклоненная въ созвѣдіяхъ своихъ
„Земля, средь перемѣнъ вратится годовыхъ...

Норовъ.

Къ поучительнымъ стихотвореніямъ нѣкоторые не безъ основанія причисляютъ Сатиру.—См. *Сатира.*

ДІЕРЕЗИСЪ. Симъ именемъ назывался у древнихъ нѣкоторый родъ стихотворческой вольности, (licentia), посредствомъ коей поэтъ, имѣющій нужду *въ слогѣ* для составленія полнаго стиха, раздѣляетъ на два слога буквы, дѣлающія въ обыкновенномъ нарѣчіи одинъ только слогъ. — Такимъ образомъ Горацій сдѣлалъ изъ двухсложнаго слова *silvae* три слога въ слѣдующихъ стихахъ:

Aurorum et *si-lu-ae* metu

Od. XXIII. кн. I.

Nunc mare, nunc *si-lu-ae*
Threicio aquilone sonant.

Od. XIII. кн. V.

Плавтъ изъ односложнаго *jam* сдѣлалъ два слога:

Hoc agite, sultis, spectatores nunc *i-am.*

И это также Діерезисъ, когда употребляется *aulai* вмѣсто aulae, *vitai* вм. vitae;

у Тибулла *dissoluenda* вм. dissolvenda.

Слово Діерезисъ взято съ Греческаго: διαίρεσις значитъ раздѣленіе, отъ διαιρέω дѣлю, раздѣляю.—*Діерезисъ* принадлежитъ къ *Метаплазму*. См. сіе слово.

ДИМЕТРЪ. Въ Греческомъ и Латинскомъ стихосложеніи называются симъ именемъ Ямбическіе-четырестопные стихи отъ того, что древніе раздѣляли ямбическій стихъ по мѣрамъ или метрамъ, а каждый метръ заключалъ двѣ стопы.— С. *Ямбическій*.

Сей Гораціевъ стихъ есть диметръ:
Magisve rhombus aut scari.

ДИПИРРИХІЙ, двойный пиррихій. Стопа, заключающая два пиррихія, т. е. четыре краткихъ слога, какъ то въ словахъ animula, adimere, reficio; изображается: ◡ ◡ ◡ ◡.—Сію стопу иначе называютъ *прокелевсматическою*.

ДИСПОНДЕЙ, двойный спондей. Въ древней поэзіи стопа, заключающая четыре долгихъ слога. На пр. въ словахъ: incrementum, delectantes. Знакъ ея: — — — —.

ДИСТИХЪ, distichus.—См. двустишіе. Слово Греческое: изъ δὶς и στίχος.

ДИТРОХЕЙ, двойный трохей, или хорей. Терминъ Греческой и Латинской поэзіи; означаетъ стопу, состоящую изъ двухъ хореевъ, какъ то въ словахъ: cantilena, comprobare, continenter, *слабоумный*, *содержащій*, *состоящій* и пр. знакъ ея: — ◡ — ◡.

ДИФИРАМВЪ. Имнъ, пѣтый Греками въ честь Бахуса. Обряды служенія сему богу, по словамъ Страбона, принесены Фригіянами на островъ Наксосъ, откуда распространились они по всему Архипелагу и достигли наконецъ до Фивъ. Народъ Фивскій сдѣлался ревностнѣйшимъ обожателемъ Бахуса, почему и пристрастился къ Дифирамвамъ болѣе, нежели къ другимъ родамъ поэзіи. Сосѣди скоро начали подражать Фивянамъ и въ непродолжительномъ времени вся Греція наполнилась поэтами дифирамвическими. Римляне, народъ не столько сладострастный и болѣе Грековъ приверженный къ строгой нравственности, не полюбили сей поэзіи, хотя впрочемъ *Галліамбическіе* ихъ стихи,

воспѣваемые жрецами Цибелы, во многомъ сходствовали съ дифирамвомъ.

Цетцесъ (Tzetzes) основательно замѣчаетъ, что дифирамвическіе поэты отличались отъ лирическихъ тѣмъ только, что имѣли болѣе смѣлости и возвышенности.—Сіе замѣчаніе образуетъ истинное свойство *дифирамва.* Сіе родъ поэзіи требуетъ изображеній новыхъ, неожидаемыхъ, высокихъ, чудесныхъ; чувствованій сильныхъ; словомъ сказать, Піитъ долженъ быть или по крайней мѣрѣ казаться вдохновеннымъ.

Никакой опредѣленной формы *дифирамвы* не имѣютъ; чѣмъ будутъ они не принужденнѣе, тѣмъ болѣе могутъ понравиться. — Въ *дифирамвахъ*, посвящаемыхъ Бахусу, употребляются слова *Еванъ*, *Евое*, означающія сего бога.

На Рускомъ языкѣ очень мало *дифирамвовъ.* Слѣдующій, взятый изъ ежемѣсячнаго изданія *Цвѣтникъ* (1809. N. 3.) можетъ служить примѣромъ: въ немъ видны и подвиги Бахуса.

Возвращеніе Бахуса изъ Индіи.

Соч. Вилламова, вольный пер. съ Нѣмецкаго.

Хоръ Сатировъ.

Еванъ, Евое! побѣдитель!
Зевеса златорогій сынъ!
Тебѣ послушны бурны воды,
Покоренъ Тартаръ и Олимпъ.
Столкнемъ наполненныя чаши
Пѣнистымъ Нектаромъ, столкнемъ!
Евое! весело запляшемъ,
Твои побѣды воспоемъ!

Хоръ Менадъ.

Еванъ! Евое! побѣдитель!
Рожденъ подъ грохотомъ громовъ,
Младыми Нимфами взлелѣянъ
Въ священной темнотѣ пещеръ!
Увьемъ, увьемъ цвѣтами чаши
И развѣвающи власы,
Евое! весело запляшемъ,
Твои побѣды воспоемъ.

Силенъ.

Такъ, вѣрны ратники ироя!
Споспѣшники великихъ дѣлъ!

Пляшите, пусть земля трепещет
Подъ рѣзво-скачущей стопой!
Вѣнчанны розами и свѣжимъ
Зубчатолиственнымъ плющемъ,
Плящите, восклицайте съ громомъ
Кимваловъ, бубновъ и цѣвницъ!
Евое! славный побѣдитель
Грядетъ за вами въ торжествѣ.
Се онъ подъ пурпурнымъ наметомъ
Грядетъ шатаясь на слонѣ,
На сынѣ дебрей Аравійскихъ....
Се! гибкій тирсъ его свиститъ!
Я зрѣлъ, какъ онъ еще младенцемъ
Извлекъ для васъ изъ тирса медъ —
О чудо!—но предъ чудесами,
Которыя владыка нашъ
Явилъ при Гангѣ крутобрегомъ
На глинистыхъ холмахъ — ничто.
Онъ повелѣлъ — и на безплодной
Землѣ родился виноградъ;
Онъ рекъ — и на песчаныхъ нивахъ
Возникло бѣлое пшено.
На гласъ его народы дики,
Скитавшися въ пещерахъ горъ,
Или подъ кокосовой тѣнью,

Иль живши въ низкихъ шалашахъ
И почернѣлые отъ солнца —
Пришли селиться въ городахъ,
Стѣной высокой обнесенныхъ,
Пришли—онъ ихъ образовалъ
И далъ премудрые законы. —
Но громовержца грозный сынъ
Былъ встрѣченъ дерзостной толпою
Чудовищныхъ людей;—смѣясь
Надъ Легіонами Сатировъ
И возклицающихъ Менадъ
Предстали Калистрійцы, съ лаемъ (1)
Енотокеты, (2) и кругомъ
Въ власахъ заросшіе Пигмеи.
Тогда-то раздраженный богъ
Далъ къ битвѣ знакъ своей десницей!
Взревѣлъ мой тигръ, сей вѣрный звѣрь,
Готовясь къ кроволитной брани,
И гибель возвѣстилъ врагамъ.
Объяты бѣшенствомъ Фіады
Напали съ лютостью на нихъ;
И вдругъ Тирсъ каждый превратился

(1) Люди съ собачьими головами, живущіе, по свидѣтельству Ктезія, на нѣкоторыхъ горахъ въ Индіи.
(2) Люди съ чрезвычайно длинными ушами. См. Страбона, кн. XV.

Во смертоносное копье —
О брань, исполненная славы!
Познали дерзкіе враги
Устройство Вакха ратоборцевъ
И мощь Сатировъ и Менадъ.
Мы рынулись — и трепетъ съ страхомъ
Всѣхъ супостатовъ обуялъ.
Слоны побѣгли столпоносны,
Побѣгли смѣлые враги —
Изчезла храбрость ихъ и сила,
Смерть алчная предъ нами шла
И злыхъ чудовищь пожирала,
Свергая тысящами въ адъ.
Надменныя! съ стыдомъ погибли!
Изкорененъ ихъ гнусный родъ
Непобѣдимыми полками
Владыки страшнаго врагамъ.

Хоръ Сатировъ.

Евое! грозный тирсоносецъ!
Богоотступныхъ чадъ земли
Смиривый львиными когтями,
И виноградною лозой
Ударъ смертельный Амфисвенѣ
Нанесшій въ ядовиту пасть.

Еванъ! Евое! кто посмѣетъ
Тебя, ужасный, раздражить?

Хоръ Менадъ.

Евое! грозный тирсоносецъ!
Ты гнусный видъ полнощныхъ птицъ
Далъ нечестивымъ Минеидамъ; (3)
Ты повелѣлъ намъ отомстить —
И се Пенфей высоковыйный (4)
Растерзанъ, плаваетъ въ крови!
Еванъ! Евое! кто посмѣетъ
Тебя, ужасный, раздражить?

Силенъ.

О Фавны, Нимфы и Фіады,
Вы, упоенные виномъ;
Кружитесь около ироя —
И все послѣдіе кружись!
Да легки, радостные скоки
Повсюду видитъ славный Вакхъ!
Ликуйте! подъ его защитой

(3) Дочери Минія, превращенныя въ летучихъ мышей.— Овид. Превр. кн. IV.

(4) Пенфей, внукъ Кадма, за насмѣшки надъ Бахусомъ, лишенъ былъ жизни. Ов. Пр. кн. III.

Остались невредимы вы
Отъ острыхъ стрѣлъ и ядовитыхъ,
Которыми при студенцахъ
Многолѣсистаго Мероса
Быстрогубящій Аполлонъ
На васъ, какъ частымъ градомъ, сыпалъ.
Далекомещущій на гнѣвъ
Противъ Ироя Діониза
Склоненъ Царицею боговъ.
Она, питая къ Вакху злобу,
Озлобила противъ его
Медоточивыми словами
Властителя Парнасскихъ дѣвъ.
И вдругъ лучи огнисты Феба
Излили зной и моръ на васъ.
Тогда Юпитеръ, воспріявши
Видъ кривогогаго овна (5),
Явился и къ ключамъ прохладнымъ
Томимыхъ жаждою привелъ.
Спасенны вы отъ лютой смерти!
Порфирные столпы, плющемъ
И свѣжимъ гроздіемъ обвиты,
Вѣкамъ позднѣйшимъ возвѣстятъ

(5) Когда Бакусъ искалъ воды на песчаныхъ степяхъ и не могъ найти, то явился Овенъ и указалъ ему ключъ.

О чудахъ, сотворенныхъ Вакхомъ.
Они повѣдаютъ на брегѣ,
На брегѣ дальня Океана
Велики Бахуса дѣла.
Сіи столпы священны будутъ!
Изъ жертвенныхъ агатныхъ чашъ
Мы вкупѣ съ Вакхомъ возліяли
На нихъ игривое вино.
Рекутъ и грады всѣ и веси,
Чрезъ кои шли мы по цвѣтамъ
Между рядовъ златыхъ кадильницъ,
Курящихъ мирру, ароматъ —
Чрезъ кои шли сквозь винограды,
Плющемъ поростшія врата,
Веселымъ гласомъ восклицая:
Да здравствуетъ нашъ Бассарей!
Всѣ, всѣ рекутъ: здѣсь шли со славой
Ирои Вакха въ торжествѣ!
Ликуйте жъ славны ратоборцы,
Споспѣшники великихъ дѣлъ!
Пляшите! пусть земля трепещетъ,
Подъ рѣзвоскачущей стопой; —
Вѣнчанны розами, и свѣжимъ
Зубчатолиственнымъ плющемъ
Пляшите! возклицайте съ громомъ
Кимваловъ, бубновъ и цѣвницъ!

Хоръ Сатировъ.

Евое! мощный Вакхъ, Евое!
Мы пьемъ твой нектаръ изъ мѣховъ
Глубокодонныхъ и пространныхъ —
О восхититель! врагъ скорбей!
Непобѣдимый! благодатный!
Пиролюбивый! Князь утѣхъ!
Исполненны тобой, Евое!
Твое мы славимъ торжество.

Хоръ Менадъ.

Евое! мощный Вакхъ, Евое!
Мы пьемъ вино твое изъ чашъ
Увитыхъ свѣжими цвѣтами —
О пѣстунъ дружбы и любви!
О миротворецъ! жизнодавецъ!
Отецъ и другъ и царь и богъ!
Исполненны тобой, Евое!
Твое мы славимъ торжество!

А. Бенитцки.

Скалигеръ о *Дифирамвѣ* пишетъ слѣдующее: Дифирамвомъ называли Греки Бахуса, или отъ того, что онъ воспитанъ былъ въ пещерѣ, имѣвшей два отверзтія (отъ слова δις дважды и θύρα дверь), или

отъ того, что онъ, по словамъ преданія, два раза родился, изъ бедра Юпитера и отъ Семелеи. Въ послѣдствіи Дифирамвомъ стали называть родъ Имновъ, воспѣваемыхъ въ честь Бахуса. Нѣкоторые писатели думали, что Дифирамвъ получилъ названіе отъ какого-то Дифирамвія, уроженца Фивскаго, и что сей Фивянинъ былъ онаго изобрѣтателемъ; но если бы сіе истинно было, то Гомеръ, столь много восхвалявшій свою страну, не забылъ бы о томъ сказать, а напротивъ сей поэтъ приписываетъ изобрѣтеніе Дифирамвовъ Коринфянамъ; Геродотъ же отдаетъ сію честь Аріону, жителю острова Лесбоса. Сей родъ поэзіи былъ столько воленъ и безчиненъ, что казался болѣе изобрѣтеннымъ людьми пьяными, бѣснующимися въ Бахическомъ изступленіи. Scal. Poet. Lib. I.

ДИХОРЕЙ см. *Дитрохей.*

ДІЯМБЪ, двойный ямбъ. Въ Латинской и Греческой поэзіи такъ называлась стопа, состоящая изъ двухъ ямбовъ, или четырехъ слоговъ, изъ коихъ первый и третій краткіе, а вторый и четвертый долгіе, какъ на пр. въ словахъ *amenitas*, непо-

стижимъ, *всталъ и рекъ.* Знакъ сей стопы: ◡ — ◡ —.

ДРАМА. Драмою называется всякое вообще сочиненіе, написанное для театра. Слово, взятое съ Греческаго, значитъ *дѣйствіе*, ибо сочиненія театральныя не иное что суть, какъ дѣйствія или подражанія дѣйствій.

Древніе разумѣли подъ именемъ *драмы* трагедію, комедію, и сатиру, которая была также театральное представленіе, важное и вмѣстѣ шуточное; новѣйшіе *драмою* почитаютъ трагедію, комедію, оперу и фарсу.

Во всякой *драмѣ*, или въ которомъ либо изъ упомянутыхъ театральныхъ представленій, надлежитъ наблюдать: 1. *Единство происшествія или дѣйствія*, *единство времени* и *единство мѣста.*

Единство происшествія состоитъ въ томъ, чтобы всякое обстоятельство споспѣшествовало принятой авторомъ цѣли; чтобы, не взирая на различіе сихъ обстоятельствъ, каждое изъ нихъ связано было неразрывною цѣпью съ главнымъ узломъ драматическаго происшествія, ибо отъ множества разныхъ происшествій

развлекаются вниманіе и чувства слушателей.

Единство времени. Надлежитъ наблюдать, чтобы представляемое на театрѣ происшествіе непродолжительнѣе было однѣхъ сутокъ; но чѣмъ менѣе заключать оно будетъ времени, тѣмъ ближе подойдетъ къ своему совершенству. А какъ *представленіе* происшествія безъ сомнѣнія требовало бы столько же времени, сколько нужно онаго для совершенія самаго *происшествія*, то для избѣжанія сего (ибо возможно ли просидѣть въ театрѣ цѣлыя сутки) изобрѣли способъ скрывать время между актами. Зрители полагаютъ, что въ каждое изъ междудѣйствій (антрактовъ) прошло по нѣскольку часовъ, и не требуютъ отъ автора такой строгой точности, какой бы требовалъ естественный порядокъ происшествія.

Единство мѣста. Сіе правило требуетъ, чтобы происшествіе непремѣнно тамъ продолжалось и кончилось, гдѣ началось.

Изъ сихъ правилъ *единства* изключаются только волшебныя оперы, гдѣ авторъ, имѣя предметомъ представленіе происше-

ствій въ самомъ дѣлѣ несбыточныхъ, пользуется всякою свободою.— См. *Опера*.

*

Вольтеръ въ опровержение мнѣнія Г. Де ла Мотта, который старался изгнать единство дѣйствія, мѣста и времени, написалъ въ предисловіи къ трагедіи своей Едипъ, слѣдующее разсужденіе о *трехъ единствахъ:*

„Г. Де ла Моттъ хочетъ изгнать единство дѣйствія, мѣста и времени! — Между новѣйшими народами Французы первые возстановили сіи благоразумныя правила театра; другіе народы долгое время противились сему игу, ибо оно казалось для нихъ слишкомъ тягостнымъ: но какъ такое иго было справедливо, и какъ разумъ надъ всемъ торжествуетъ, то въ послѣдствіи было оно всѣми принято. Могли ли мы подумать, чтобы въ наше время Французъ сталъ трудиться всѣмъ своимъ умомъ для возвращенія насъ къ прежнему невѣжеству?„

„Если бы и не могъ я ничего сказать Г. Де ла Мотту кромѣ того, что Корнель, Расинъ, Мольеръ, Аддиссонъ, Конгревъ, Маффей, соблюдали законы театра, то

и сего было бы достаточно для удержанія желающихъ оныя нарушить; но Г. Де ла Моттъ заслуживаетъ, чтобъ опровергали его болѣе доводами, нежели примѣрами.„

„Что есть театральное представленіе? изображеніе одного какого либо дѣйствія. Почему одного, а не двухъ или трехъ? потому, что умъ человѣческій не можетъ вдругъ стремиться ко многимъ предметамъ; потому, что раздѣляемое участіе скоро уничтожается; потому, что двухъ происшествій непріятно видѣть даже въ картинѣ; потому наконецъ, что сіе правило внушила сама природа, слѣдственно оно должно быть постоянно.

„По той же самой причинѣ единство мѣста необходимо нужно, ибо одно дѣйствіе или происшествіе не можетъ въ одно время быть въ разныхъ мѣстахъ. Ежели въ первомъ актѣ вижу я какого нибудь героя въ Афинахъ, то во второмъ актѣ могу ли встрѣтиться съ нимъ въ Персіи? написалъ ли Лебрюнъ Александра въ Арбеллахъ и въ Индіи на одной картинѣ? — Я не удивился бы, говоритъ Ла Моттъ, когда бы благоразумный, но менѣе приверженный къ правиламъ народъ,

съ пріятностію, смотрѣлъ на Коріолана, осуждаемаго въ продолженіи перваго акта въ Римѣ, въ третьемъ принимаемаго у Волсковъ, и въ четвертомъ осаждающаго Римъ. — Во первыхъ я не понимаю, какъ умный и просвѣщенный народъ не былъ бы приверженъ къ правиламъ, почерпнутымъ изъ здраваго разсудка и сохраняемымъ для собственнаго его удовольствія; во вторыхъ, кто не почувствуетъ, что въ сказанныхъ Ла Моттомъ словахъ находятся цѣлыя три трагедіи?„

„Единство времени естественно соединяется съ двумя первыми. Вотъ, по мнѣнію моему, довольно убѣдительное доказательство: я смотрю на трагедію, то есть, смотрю на представленіе дѣйствія; предметъ состоитъ въ совершеніи сего единственнаго дѣйствія. Въ Римѣ дѣлается противъ Августа заговоръ; мнѣ хочется знать, что будетъ съ Августомъ и съ возмутителями. Ежели стихотворецъ продолжаетъ дѣйствіе двѣ недѣли, то долженъ дать мнѣ отчетъ во всемъ, что происходитъ въ сіи двѣ недѣли, ибо я хочу обо всемъ знать, а притомъ тутъ ничего не должно быть ненужнаго. И такъ, если онъ представитъ мнѣ двухъ-

недѣльное происшествіе, то изъ сего произойдетъ по числу дней по крайней мѣрѣ четырнадцать разныхъ дѣйствій, какъ бы онѣ малы ни были. Ето не будетъ уже совершеніе заговора, къ чему единственно надлежало бы, такъ сказать, вести меня сколь возможно поспѣшнѣе: изъ сего произойдетъ длинная исторія, которая не плѣнитъ меня, а только утомитъ, потому что не скоро дождусь я желаемаго конца. Я не за тѣмъ пришелъ въ театръ, чтобы слушать исторію героя, но чтобы видѣть одно происшествіе, случившееся въ его жизни. Къ тому же зритель находится въ театрѣ не болѣе трехъ часовъ: Цинна, Андромаха, Баязетъ, Едипъ Корнеля, Едипъ самаго Ла Мотта, и даже написанный мною, не долѣе продолжаются.—Сія вольность, то есть несоблюденіе единства времени, можетъ прощена быть только за другія красоты, но чѣмъ она ощутительнѣе, тѣмъ болѣе дѣлается погрѣшностію. Однакожъ часто единство времени простирается до двадцати четырехъ часовъ, а единство мѣста заключается въ окружности за́мка или дворца. Бо́льшая строгость сдѣлала бы прекраснѣйшія происшествія неспособными къ те-

атральному сочиненію, а бо́льшая свобода подала бы поводъ къ величайшимъ злоупотребленіямъ. Ибо если бы однажды позволено было театральному дѣйствію продолжаться два дни, то скоро какой нибудь писатель воспользовался бы двумя недѣлями, другой двумя годами; а не ограничивъ мѣста извѣстнымъ пространствомъ, скоро бы увидѣли мы сочиненія, подобныя старинному Английскому *Юлію Цезарю*, гдѣ въ первомъ актѣ Брутъ и Кассій находятся въ Римѣ, а въ пятомъ являются въ Фессаліи. — И такъ, заключаетъ Вольтеръ, будемъ придерживаться, какъ дѣлалъ великій Корнель, *трехъ единствъ!* въ нихъ содержатся всѣ другія правила, составляющія красоту театральныхъ сочиненій.,,

*

2.) Въ драматическихъ сочиненіяхъ необходимы еще *узелъ* и *развязка*.

Узелъ или *завязка* (интрига) составляетъ всю занимательность драматическаго творенія. Онъ состоитъ въ препятствіяхъ, отдаляющихъ окончаніе дѣйствія; въ опасностяхъ, которыхъ надлежитъ избѣгать; въ усиліяхъ, въ хитро-

стяхъ, которыя употребить должно для достиженія своей цѣли. *Узелъ* происходитъ или отъ того, что дѣйствующее лице не знаетъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, какъ на примѣръ Ифигенія приготовляется къ принесенію въ жертву Ореста, не почитая его своимъ братомъ; или отъ слабости дѣйствующаго лица, когда, на примѣръ, въ трагедіи Гофолія видимъ жреца съ одними Левитами своими желающаго отнять престолъ у могущественной Гофоліи для воцаренія младаго Іоаса. —*Узелъ* въ поэмѣ драматической не долженъ быть ни слишкомъ запутанъ множествомъ препятствій, ни слишкомъ простъ, лишеніемъ оныхъ. Надобно въ особенности наблюдать, чтобы сіи препятствія проистекали изъ самаго содержанія поэмы, и чтобы сколь возможно естественнѣе скрывали отъ зрителя развязку.

Развязка есть преодолѣніе всѣхъ препятствій, какія имѣло главное лице, или *развязкою* называется такое обстоятельство, которое бываетъ причиною конца представляемаго происшествія. *Развяска* должна быть столько же естественна, какъ и узелъ.

Развязка бываетъ двоякая: чрезъ узнаніе (reconnaissance) и чрезъ переворотъ (revolution, перипетія). Когда узелъ, происшедшій отъ того, что дѣйствующее лице не знало нѣкоторыхъ обстоятельствъ, разрушается наконецъ тѣмъ, что оныя стали ему извѣстны, тогда развязка дѣлается *чрезъ узнаніе*. Такъ Ифигенія, узнавши въ Орестѣ своего брата, спасаетъ его. Когда же узелъ, происшедшій отъ слабости дѣйствующаго лица, разрушается уничтоженіемъ противной силы, тогда *развязка* дѣлается чрезъ *перипетію* или *переворотъ*. Такъ въ трагедіи *Гофолія* верховный жрецъ находитъ средство погубить Гофолію и возвести на престолъ Израильскій Іоаса. — Развязка равномѣрно называется *перипетическою*, успѣваетъ ли дѣйствующее лице въ своемъ предпріятіи, или стремясь къ совершенію онаго погибаетъ; ибо въ обоихъ случаяхъ происходитъ *переворотъ* счастливый, или несчастный.

3.) Всякое драматическое сочиненіе раздѣляется на *отдѣленія*, или *дѣйствія* (акты), а сіи раздѣляются на *явленія* (сцены).

Актъ долженъ заключать въ себѣ осо-

бенный случай, составляющій часть главнаго происшествія, во всемъ отъ него зависящую и служащую средствомъ къ достиженію предназначенной цѣли. Послѣ каждаго акта всѣ дѣйствующія лица (актеры) сходятъ со сцены, то есть съ мѣста представленія.

Акты или *дѣйствія* имѣютъ также свои законы. Въ первомъ изъ оныхъ заключается приступъ къ тому происшествію, которое сочинитель представить намѣренъ; во второмъ изложеніе происшествія; въ третьемъ препятствія и неудобства; въ четвертомъ приступъ къ окончанію; въ пятомъ окончаніе или развязка, которая чѣмъ нечаяннѣе и правдоподобнѣе бываетъ, тѣмъ болѣе нравится. Узелъ можетъ начинаться и съ перваго дѣйствія, возрастая постепенно до четвертаго, даже до пятаго. Тогда развязка должна быть самая разительная.

Драматическое сочиненіе можетъ состоять также изъ трехъ и изъ одного дѣйствія (акта); впрочемъ сей порядокъ не есть непремѣнное правило: бываютъ театральныя представленія и въ двухъ и въ четырехъ актахъ, но только болѣе пяти не должны онѣ имѣть. Горацій го-

воритъ однакожъ, что не должно быть и менѣе пяти актовъ:

Neve minor, neve sit quinto productior actu
Fabula . . .

Явленіе есть часть дѣйствія, или акта; въ немъ отъ одного до нѣсколькихъ лицъ быть могутъ. Явленіе начинается тогда, когда одно или нѣсколько лицъ придутъ на сцену (мѣсто представленія) или уйдутъ съ оной.

* * *

Нынѣ по большей части даютъ названіе *драмы* нѣкоторому роду трагедіи, въ коей описываются несчастныя приключенія людей средняго и даже низкаго состоянія; разность ея съ трагедіею состоитъ въ томъ, что оканчивается она всегда благополучіемъ главныхъ лицъ.

Изобрѣтеніе предмета, возбуждающаго жалость и нравоучительнаго, общенароднаго, однакожъ не низкаго, благопристойнаго и при всемъ томъ правдоподобнаго; слогъ простой, но сильный и правильный, соотвѣтствующій лицамъ и предмету: суть качества необходимыя для составленія хорошей драмы.

Драма въ семъ случаѣ называется иначе *слезною комедіею*, comédie larmoyante.

Вольтеръ, имѣвшій безъ всякаго противорѣчія хорошій вкусъ, очень худо отзывался о такихъ сочиненіяхъ. Въ письмѣ къ Александру Петровичу Сумарокову такъ онъ объясняется:,, писатели, неспособные выдумать порядочной шутки, захотѣли сочинять для театра единственно изъ денегъ; но какъ у нихъ недоставало ума для трагедій, ни веселости для комедій, то они стали смѣшивать приключенія трагическія съ простонародными т. е. съ комическими..... я никогда не могъ читать ихъ.... Сіи незаконнорожденныя твари не суть ни трагедіи, ни комедіи. — Но чтожъ дѣлать! безъ лошадей и лошаки возятъ.,, — *Соч. Сумарокова часть IV*.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ. Симъ именемъ называется сочиненіе, въ которомъ соблюдены свойства и правила *драмы* (см. драма). По сему и поэзія или поэма, представляющая чудесныя, героическія или простонародныя происшествія со введеніемъ рѣчей дѣйствующихъ лицъ, называется *драматическою*.

Всѣ народы, даже самые дикіе, имѣютъ позорища: вообще всѣ люди ими плѣняются. Поэзія *драматическая* нравится имъ болѣе прочихъ піитическихъ твореній по тому, что *представляетъ* глазамъ бывшія или выдуманныя происшествія. Въ ней соединяется все, что можетъ очаровать душу и чувства. Однакожъ она не ограничивается однѣмъ доставленіемъ пріятности: поученіе составляетъ главную цѣль ея и къ сему-то единственно избираетъ она всѣ возможныя средства.

Обыкновенно поэму драматическую такъ опредѣляютъ: *подражаніе дѣйствію чрезъ дѣйствіе*, что значитъ *представленіе дѣйствія*. Мы видимъ сіе подражаемое дѣйствіе такъ, какъ бы оно истинно предъ нами происходило: помѣщаемыя въ ономъ лица дѣйствуютъ въ глазахъ нашихъ, мы слышимъ взаимные ихъ разговоры. Но часто случаются въ семъ дѣйствіи такія обстоятельства, которыхъ не показываютъ на мѣстѣ представленія, т. е. на сценѣ, и о которыхъ мы узнаёмъ только чрезъ повѣствованіе, дѣлаемое однимъ акторомъ другому. Въ такомъ случаѣ съ поэзіею драматическою соединяется *Епическая* или повѣствовательная. Обстоя-

тельства *представляемыя* принадлежатъ къ первой, а обстоятельства *повѣствуемыя* къ послѣдней.

Дѣйствіе *драматическое* бываетъ или простонародное и веселое, или героическое и величественное. Отсюда два рода драмы: *комическая* и *трагическая*.

Всѣ правила, какихъ требуетъ вообще *драматическое* искуство, помѣщены въ статьѣ о драмѣ; статьи о комедіи и трагедіи заключаютъ все то, чего въ особенности каждая изъ нихъ требуетъ. Здѣсь скажемъ нѣчто о лицахъ и нравахъ *драматическихъ*.

Дѣйствующія лица или актеры въ произведеніи *драматическомъ*, обращаютъ на себя главное вниманіе зрителя. Онъ нѣкоторымъ образомъ соединяетъ участь ихъ съ своею участію, живо ощущая ихъ благополучіе и несчастіе, слѣдовательно поэтъ, заставляя ихъ дѣйствовать, необходимо долженъ представить такими, какими должны они быть. Изъ нихъ всегда одно есть *главное* лице, для котораго всѣ прочіе на сценѣ показываются: оно одно рѣшается на какое либо предпріятіе, или всѣ другіе противъ него одного дѣйствуютъ. Вся занимательность происхо-

дитъ отъ сего главнаго лица, слѣдовательно оно должно быть изображено разительнѣе прочихъ. Примѣромъ сему служить могутъ всѣ хорошія театральныя произведенія, какъ древнія такъ и новыя.

Стихотворецъ не иначе можетъ познакомить насъ съ дѣиствующими лицами, какъ показаніемъ ихъ *нравовъ* или *характеровъ.* Сіи нравы или характеры суть склонности и привычки — вредныя и полезныя.

Характеры бываютъ общіе и частные. *Общіе* принадлежатъ каждому народу, какъ образованному, такъ и находящемуся въ невѣжествѣ. Тутъ же заключаются характеры разныхъ возрастовъ и состояній. *Частные* характеры принадлежатъ въ особенности каждому лицу, какъ историческому, такъ и вымышленному. Надлежитъ наблюдать, чтобы дѣйствующее лице имѣло характеръ своей націи, чтобы герой Греціи не былъ представленъ въ одинаковомъ видѣ съ гражданиномъ Римскимъ, Афинянинъ въ образѣ Спартанца, житель деревенской въ видѣ жителя столицы.—Буало говоритъ:

Gardez donc de donner, ainsi que dans Clélie;
L'air ni l'ésprit français à l'antique Jtalie,

Et sous des noms Romains, faisant notre portrait,
Peindre Caton galant, et Brutus dameret.

Art. poët. ch. III.

Каждое лице должно имѣть свой собственный характеръ, и показывать оный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, рѣчахъ, чувствованіяхъ—имѣть характеръ, отличающій его отъ прочихъ.

Аристотель, и всѣ писавшіе послѣ него объ искуствѣ *драматическомъ*, желаютъ, чтобы характеры, какъ общіе, такъ и частные, имѣли еще слѣдующія четыре качества: чтобъ они были *добры*, *приличны*, *сходственны* и *равны* или *постоянны*. Аристотель не истолковалъ перваго качества, и по сему случаю явилось множество коментаторовъ, которые наконецъ утвердили, что онъ подъ симъ словомъ разумѣлъ *доброту* (достоинство) піитическую, состоящую въ сообразности поступковъ и рѣчей дѣйствующаго лица съ тѣмъ мнѣніемъ, какое всѣ объ немъ имѣютъ.—Характеръ бываетъ *приличнымъ*, когда заставляютъ лице дѣйствовать и говорить прилично его возрасту, полу, странѣ, вѣку, званію и проч.—Характеръ *сходственный* состоитъ въ томъ, когда

дѣйствующее лице описано совершенно такимъ, какъ описываетъ его исторія или мифологія. По сему смѣшно было бы представить Улисса великимъ воиномъ, или Ахиллеса человѣкомъ краснорѣчивымъ — *Катона щеголемъ и Брута волокитой!* Однѣмъ только лицамъ вымышленнымъ можетъ стихотворецъ придавать характеръ, какой угодно.—Наконецъ *равные* или *постоянные* характеры суть тѣ, которые въ продолженіи всего сочиненія *постоянно* выдержаны бываютъ, то есть какими показаны въ началѣ, такими же являются и при концѣ сочиненія.

Къ сему присовокупимъ, что большою погрѣшностію въ драматическомъ твореніи почитается, когда многія лица имѣютъ одни и тѣже *частные* характеры. — Характеры должны быть противоположны одинъ другому, или по крайней мѣрѣ различны, дабы чрезъ сіе могли они болѣе другъ друга *выказывать*. Если же необходимо долженъ быть у многихъ одинъ характеръ, то старайтесь придать каждому особенную оттѣнку, которая непремѣнно бы отличала его отъ прочихъ. Прекраснѣйшимъ для сего правила образцемъ служатъ въ Иліадѣ Ахиллесъ, Аяксъ и Гек-

шоръ. Главный характеръ ихъ есть храбрость; но Ахиллесъ пылокъ, Аяксъ жестокъ, Гекторъ кротокъ.....

О слогѣ драматическомъ. Каждое лице должно говорить сообразно своему состоянію, возрасту, сообразно своей странѣ и тому положенію, въ которомъ находится. Само собою разумѣется, что Царь не такъ изъясняется, какъ его придворный, и что языкъ человѣка знатнаго отличенъ отъ языка простаго мѣщанина. Богъ (такъ выражается Горацій) говоритъ отлично отъ Героя, старикъ отъ молодаго, знатная барыня отъ служанки, купецъ отъ крестьянина, Колхидецъ отъ Ассиріянина, Фивянинъ отъ жителя Аргосскаго. Ежели всѣ сіи разныя лица заговорятъ у васъ на одинъ тонъ, то и простый народъ и знатные люди не удержатся отъ смѣха.

Извѣстно также, что радость, печаль, любовь, гнѣвъ, гордость, словомъ каждое чувствіе, каждая страсть, имѣютъ свой особенный языкъ. Слѣдовательно поэту надлежитъ, такъ сказать, превращаться въ каждое лице, и заставлять его говорить прилично настоящему положенію, и точно такъ, какъ бы оно само говорило. Самъ поэтъ никогда не долженъ

показываться. Посему все то, что собственно принадлежитъ искуству — фигуры ораторскія, избранныя сравненія, порывы лирическіе—совершенно изгнаны изъ театральныхъ сочиненій, даже изъ имѣющихъ содержаніе самое величественное. Слогъ въ нихъ долженъ быть простоты благородной; витіеватыя выраженія тогда только бываютъ позволительны, когда ихъ истинно внушаетъ какая либо страсть. — Изрѣченія поучительныя или обыкновенныя нравственныя мысли также нетерпимы, когда проистекаютъ не отъ естественнаго положенія лица, а отъ ума писателя. — Озеровъ можетъ намъ служить во многихъ мѣстахъ трагедій своихъ образцемъ *драматическаго* слога.

О разговорѣ и *монологѣ*. Когда два или многія драматическія лица разговариваютъ между собою, сіе называется *разговоромъ* (діалогъ); когда же актеръ говоритъ одинъ, самъ съ собою, сія рѣчь его есть *монологъ*. Въ разговорѣ не должно быть ничего такого, что не клонилось бы къ цѣли и не имѣло бы отношенія къ общему дѣйствію. Одинъ писатель сказалъ, что когда дѣйствующее лице, уклоняясь отъ предмета, старается только говорить

витіевато, тогда уподобляется оно той матери, которая, искавъ дитя свое въ поляхъ, забавлялась собираніемъ цвѣтовъ. Особенно наблюдать должно, чтобы одно дѣйствующее лице отвѣчало точно то, о чемъ спрашиваетъ или говоритъ другое лице; отсюда происходитъ та связь мыслей, та логика сокрытая, которая составляетъ душу каждаго разговора. Бываютъ однакожъ обстоятельства, въ которыхъ правило сіе не сохраняется—именно при сильномъ дѣйствіи какой либо страсти, или при величайшемъ огорченіи. Тогда душа, будучи, такъ сказать, обращена единственно къ самой себѣ, не можетъ имѣть вниманія къ тому, что говорятъ другіе. Въ такомъ случаѣ дѣйствующее лице или совсѣмъ не отвѣчаетъ — (какъ въ V актѣ траг: Озерова *Поликсена*, Агамемнонъ ничего не отвѣтствуетъ на вопросъ Нестора: дерзнешь ли ты возстать и на законъ судьбины?)—или отвѣчаетъ согласно только съ мыслію, его занимающею. Тогда-то, говоритъ Вольтеръ, *прекрасно отвѣчать худо*, il est beau de ne pas bien repondre. Но слѣдуетъ замѣтить, что хотя сіе лице, колеблемое сильною страстію, и не точно отвѣчаетъ на сказанныя ему слова,

однакожъ все имъ произносимое должно имѣть отношеніе къ цѣлому дѣйствію; и по сему, даже въ означенныхъ обстоятельствахъ, разговоръ всегда клонится къ своей цѣли.

Въ *Монологѣ* актеръ говоритъ одинъ.— Греки и Римляне употребляли Монологи для разсказа о какомъ либо происшествіи, или для предваренія зрителей о томъ, что долженствуетъ случиться; но сіе изгнано изъ новѣйшаго театра. Зрителей нѣтъ для актера: онъ долженъ предполагать, что дѣйствительно одинъ находится на сценѣ; и такъ кому же будетъ онъ разсказывать? Монологи позволительны только въ изліяніи самой сильной страсти,—слѣдовательно должны быть кратки, ибо страсть не терпитъ медленныхъ и продолжительныхъ разсказовъ. Огорченный человѣкъ любитъ говорить о своемъ несчастіи—но хочетъ видѣть другое лице, участвующее въ его положеніи, и ему сообщать свою горесть, а разсуждать вслухъ, долго, одинъ самъ съ собою, не можетъ и не долженъ. Монологъ естественнѣе бываетъ, когда произносящій его обращается къ Высочайшему Существу, или другому какому либо предмету — и

сіе отъ того, что Божество, или тотъ предметъ, почитаются тогда присутствующими, и какъ будто составляютъ другое лице. Таковъ Монологъ Пирра въ трагедіи Озерова *Поликсена*. Пирръ, одинъ близь могильнаго холма, оперщись о гробовой камень, говоритъ:

О тѣнь родителя, Ахилла грозна тѣнь,
Смири свой правый гнѣвъ! въ наставшій нынѣ день,
Доколь блестящій Фебъ въ моря лучей не скроешъ,
Троянки кровь твой холмъ, могильный холмъ омоетъ,
И праха твоего здѣсь жажду утолитъ.
Когда Троянскихъ стѣнъ окрестъ развалинъ видъ
Еще твоей, Ахиллъ, не насыщаетъ мести;
Коль жертвы требуешь, верховной гробу чести;
Клянуся въ томъ тобой, чьей славой полонъ свѣтъ,
И сына твоего услышитъ пусть обѣтъ
Великій Юпитеръ, Олимпа обладатель,
Клятвопреступниковъ безжалостный каратель и проч.

Таковъ и слѣдующій въ тойже трагедіи: Гекуба, по отшествіи Агамемнона, оставаясь одна, произноситъ сіи слова:

Куда стремится онъ? о вы, могущи боги!
Иль не престанете къ несчастливой быть строги?
Иль старость тяжкую составивъ мнѣ изъ бѣдъ,
Ихъ всюду проливать за мной хотите въ слѣдъ?
Едва я здѣсь—и зрю вокругъ себя измѣну.

Впрочемъ, кажется, весьма бы не худо было для драматическаго искуства, ежели бы *Монологи*, особенно нѣсколько продолжительные, совершенно вышли изъ употребленія: самыя лучшія трагедіи и комедіи весьма часто получаютъ жестокіе удары отъ сего камня преткновенія. Безспорно, что они во многомъ облегчаютъ трудъ автора, ибо замѣняютъ *дѣйствіе словами*, но развѣ позволительно жертвовать легкости естественностію и правдоподобіемъ?—Естественъ ли, на примѣръ, слѣдующій Монологъ въ трагедіи тогоже автора *Едипъ въ Афинахъ*?

Дѣйствіе IV. явл. I. Антигона одна:

Сраженная тоской съ родителемъ въ разлукѣ
Какъ медленно часы къ моей проходятъ мукѣ!
День радости есть мигъ, печали день есть вѣкъ;
И умирающій несчастный человѣкъ,
Сей оставляетъ міръ, какъ путникъ утомленный.
Подобно смерти ждетъ мой нынѣ духъ смущенный!
Народная молва здѣсь ею мнѣ грозитъ,
Здѣсь жертвы требуетъ гласъ страшныхъ Евменидъ;
И къ смертнымъ въ ярости въ сей болѣ день жестоки,
Онѣ велятъ пролить не козлищъ кровны токи,—
Такая жертва имъ обычная мала!
Но чтобъ рука жреца кровь царску пролила.
Меня на жертву имъ народъ опредѣляетъ,
И надъ главой моей смерть страшная зіяетъ.
О нѣжный мой отецъ! единый ты предметъ,
О коемъ плачу я сей оставляя свѣтъ.
Какъ возвратитъ тебя Тезей великодушный,
Ты здѣсь найдешь мой прахъ холодный и бездушный!

Скорбь новая твой духъ, какъ туча, омрачитъ,
И горести твоей никто не облегчитъ....
Свирѣпой смертію удержанна въ неволѣ,
Печаль твою дѣлить не возмогу я болѣ!
Уже твой стонъ ко мнѣ до сердца не дойдетъ,
Нестертая слеза на землю упадетъ.
Ужасна ты, о смерть! коль узы разрываешь,
Когда чувствительность во хладность премѣняешь,
И дружбу и любовь коль истребляешь въ насъ...
Я слышу страшный шумъ... насталъ мой лютый часъ....
Увы!....

Прилично ли человѣку съ разсудкомъ здравымъ произносить такую продолжительную рѣчь—для одного себя? Антигону никто не слушалъ. И всѣ ея философическія изрѣченія, сравненія, описанія, обращенія то къ отцу, то къ смерти — обращенія, не отъ сильнаго душевнаго движенія, но отъ весьма спокойнаго размышленія происходящія — могли только послужить доказательствомъ неудобства подобныхъ Монологовъ.

Въ сторону.—Есть еще одно обстоятельство, весьма часто встрѣчающееся

въ драматическихъ произведеніяхъ, но требующее великой осторожности—именно то, когда актеръ говоритъ въ сторону. Множество примѣровъ видимъ какъ въ трагедіяхъ, такъ и въ комедіяхъ; и это бываетъ: или 1.) Въ такомъ случаѣ, когда актеръ обнаруживаетъ скрываемыя отъ другихъ дѣйствующихъ лицъ намѣренія, или 2.) Когда увѣдомляетъ о такомъ происшествіи, которое неизвѣстно дѣйствующимъ лицамъ.—Аббатъ Маллетъ говоритъ, что произносимыя такимъ образомъ слова должны быть весьма кратки, и совѣтуетъ употреблять ихъ тогда только, когда дѣйствіе, исполненное страсти, заставляетъ забываться и актера и зрителя.

Однакожъ въ какомъ бы положеніи ни было дѣйствующее лице, но слова, произносимыя имъ *въ сторону*, при всей краткости, будутъ всегда казаться разборчивому наблюдателю несообразными съ правилами правдоподобія; ибо возможно ли предполагать въ другихъ содѣйствующихъ лицахъ такую глухоту, чтобъ не слышали они того, что можетъ быть услышано зрителями на довольно великомъ пространствѣ?—Сверхъ того долженъ ли ак-

теръ воображать, что находится передъ зрителями?—Онъ обязанъ почитать себя дѣйствительно тѣмъ лицемъ, которое собою представляетъ; дѣйствительно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было истинное происшествіе; дѣйствительно только съ тѣми людьми, которые въ то время находятся съ нимъ на сценѣ. Слѣдственно, какъ сказано въ статьѣ о *Монологѣ*, зрителей нѣтъ для актера. И такъ, для кого же онъ говоритъ *въ сторону?* — Безъ сомнѣнія, не для другихъ актеровъ, потому что, отворачиваясь отъ нихъ, старается, чтобъ они не услышали его; для одного же себя самаго не имѣетъ нужды говорить вслухъ, ибо для себя довольно и думать. Словомъ сказать: во всякомъ случаѣ представляется очевидная несообразность съ правдоподобіемъ.

Слѣдующій примѣръ можетъ подтвердить сказанное:

Въ трагедіи *Гамлетъ*, дѣйст. III. явл. 4, говоритъ Клавдій

Гамлету.

Въ сей часъ вся Данія къ ногамъ твоимъ
склоненна.
Вельможи и народъ во храмѣ предстоятъ,

Къ тебѣ усердіемъ и ревностью горяшъ.
Иди ко олтарямъ и воспріявъ корону
Сверши торжественно возшествіе ко трону.

Въ сторону.

Не тронъ найдешь . . . но гробъ, пойдешь во
храмъ на смерть.

Гамлету.

Отчаянье твое всегда ли будемъ зрѣть? *и пр.*

Теперь разсмотрите, для кого Клавдій произносилъ показанный стихъ *въ сторону*—и естественно ли, чтобы Гамлетъ, Офелія, Гертруда, спокойно на него смотрѣвшіе, не увидѣли, какъ онъ отъ нихъ отворотился и что-то говорилъ *про себя:* это должно было возродить въ нихъ подозрѣніе. Потомъ, съ какимъ намѣреніемъ произносилъ онъ сіи слова, которыя могли быть причиною большаго переворота во всемъ дѣйствіи (actio) трагедіи, ибо явно обнаруживали умыслъ его противъ Гамлета? Онъ долженъ былъ всячески стараться, чтобы лица находящіяся съ нимъ на сценѣ, его не слыхали по означенной причинѣ, то есть, чтобы не возродить подозрѣнія и не обнаружить своего умысла: слѣдовательно говорилъ или для

себя, или для зрителей; но для себя, какъ сказано выше, *довольно и думать*. Если же для зрителей (оставимъ уже на сей разъ несообразность такого предположенія съ правдоподобіемъ!) то могли ли слышать его зрители, когда не слыхали тѣ, которые съ нимъ вмѣстѣ стояли, и на оборотъ, могли ли не слышать стоявшіе съ нимъ, когда слышали зрители?

ДУО, дуэтъ, duo, duetto. Когда въ операхъ два лица вмѣстѣ или попеременно поютъ, то сіе пѣніе называется *дуо* или *дуэтъ*. —Duetto: canto a due voci; двугласное пѣніе.— *Дуо* на Италіанскомъ языкѣ значитъ *два*, и какъ оперы взяты съ Италіанскаго театра, то по сей причинѣ и слово *дуо* сдѣлалось техническимъ.

ДѢЙСТВІЕ или актъ. См. *Драма*. — Весьма бы полезно было, особливо для обучающихся словесности, если бы въ драматическихъ сочиненіяхъ вмѣсто слова *дѣйствіе*, означающаго *актъ*, употребляемо было другое слово, какъ то: *отдѣленіе*, *отдѣлъ*, *часть* и проч. сіе было бы гораздо яснѣе.—Теперь ученикъ, выслушавъ отъ наставника, что *дѣйствіе* въ трагедіи,

какъ и во всякомъ другомъ драматическомъ твореніи, должно быть *единственное*, легко можетъ спросить: отъ чего же въ трагедіи Озерова *Едипѣ* пять дѣйствій?— Безъ сомнѣнія такой смѣшный вопросъ долженъ быть сопровождаемъ и отвѣтомъ смѣшнымъ. Учитель долженъ говорить: сіи дѣйствія означаютъ не то дѣйствіе, которое должно быть *единственнымъ*; онѣ суть не иное что, какъ отдѣленія, части . . . или Рускому человѣку долженъ будетъ по необходимости изъяснять разность на какомъ либо языкѣ иностранномъ! для чего не сказать: въ этой комедіи пять отдѣленій; въ этой трагедіи третіе отдѣленіе, или третій отдѣлъ, лучше втораго и т. п.?

Дѣйствіемъ (actio) называется также все то, что составляетъ предметъ или матерію какого-либо сочиненія: Баснь, Содержаніе.—Трагедія, Комедія, Опера, Епопея, Еклога, Басня, имѣютъ собственно принадлежащее имъ дѣйствіе, и правила особенныя, подверженныя однакожъ правиламъ общимъ.

Первый долгъ сочинителя есть выборъ дѣйствія или происшествія; потомъ онъ обязанъ имѣть въ виду вѣроятность

его, расположеніе, ходъ или движеніе; наконецъ слогъ, составляющій наружность дѣйствія.

Дѣйствіе вообще бываетъ *естественное*, либо *сверхъестественное*. Естественное дѣйствіе раздѣляется на *истинное* и *вымышленное*. Истинное представляетъ происшествія и людей въ настоящемъ ихъ видѣ; а вымышленное представляетъ людей и происшествія такими, какими могли бы они быть. Часто случается также, что *дѣйствіе* или *баснь* бываютъ только истинны въ основѣ и вымышлены въ обстоятельствахъ. Такъ, на примѣръ, въ трагедіи Озерова *Димитрій Донской* основаніе есть дѣйствительно историческое, а прочія обстоятельства, заключающія завязку и развязку, суть вымышленныя. Иногда *дѣйствія*, взятыя изъ исторіи, измѣняются и въ основаніи и въ обстоятельствахъ: существенностію историческою остаются однѣ только имена героевъ и героинь. Таковыя *содержанія* лучше выбирать изъ временъ отдаленныхъ; тогда мы удовлетворяемся, если соблюдены въ нихъ бываютъ хотя главныя приличія и характеры, относящіеся къ описываемому вѣку и народу. Къ сему прина-

длежатъ трагедіи: *Селимъ* Ломоносова, *Хоревъ* Сумарокова и пр. Наконецъ и то случается въ трагедіяхъ и особливо въ комедіяхъ, что все въ нихъ бываетъ вымышлено: имена, обстоятельства, мѣсто и время. Примѣромъ могутъ служить *Заира* Вольтерова, *Владисанъ* Княжнина, *Бригадиръ* Фонъ Визина и пр.

Сверхъестестеенное или *чудесное* дѣйствіе есть то, когда происшествія представляемы бываютъ въ видахъ аллегорическихъ, кои употребляются для подражанія дѣйствіямъ *истиннымъ*. Воображеніе поэта, сжатое, такъ сказать, въ границахъ природы, стремится для обогащенія своихъ произведеній въ безпредѣльность вещей *возможныхъ* и творитъ по своему произволенію существа и происшествія новыя, сохраняя только во всякомъ случаѣ правила *правдоподобія*.

Дѣйствіе можетъ быть *сложнымъ* т. е. представлять смѣсь происшествій истинныхъ съ чудесными, и людей съ существами вымышленными.

Вообще всякое дѣйствіе долженствуетъ быть *единственнымъ*, *полнымъ*, *правдоподобнымъ* и *привлекательнымъ*.

1. Каждый писатель имѣетъ въ виду поученіе или увеселеніе читателя, а иногда то и другое вмѣстѣ. *Единство* дѣйствія для сего необходимо нужно, ибо чѣмъ менѣе чувствованія развлечены бываютъ, тѣмъ дѣлаются сильнѣе. По сему всякое сочиненіе, заключающее множество *дѣйствій*, производитъ въ душѣ читателя одинъ только безпорядокъ. Ежели представляемыя ему разныя *дѣйствія* равно его привлекаютъ, то онѣ взаимно одно другое затмѣваютъ; и еще хуже, ежели оныя неравны между собою въ пріятности. Менѣе нравящееся дѣйствіе безъ сомнѣнія охладитъ сочиненіе и произведетъ скуку.—

2. Дѣйствіе должно быть *полное*, т. е. имѣть начало, средину и конецъ. Авторъ обязанъ начать и кончить свое сочиненіе въ надлежащихъ мѣстахъ, и въ продолженіи повѣствованія поступать съ читателемъ такимъ образомъ, чтобы ему нетрудно было находить причину представляемыхъ происшествій; онъ обязанъ также давать отчетъ во всемъ, что непосредственно способствуетъ къ *узлу* и *развязкѣ* сочиненія. При семъ онъ долженъ ясно показать свойства (характеры) лицъ,

участвующихъ въ его произведенiи. — О характерахъ см. въ статьяхъ *Драматическiй* и *Епическiй*.

3. Дѣйствiе должно быть *вѣроятно* или *правдоподобно*. Всякой писатель имѣетъ цѣлiю удостовѣрить читателей даже и въ томъ, что *вымышлено*, а въ семъ не иначе успѣть можетъ, какъ приспособляя вымыслы къ тѣмъ понятiямъ, какiя мы имѣемъ о предметахъ, имъ подражаемыхъ. —Вообще дѣйствiе должно быть избрано, ведено и кончено съ *вѣроятностiю*.

4. Дѣйствiе должно быть *привлекательно*. Оно можетъ быть таковымъ двояко: чрезъ происшествiя и свойства лицъ, либо чрезъ нравственную цѣль. Сочиненiе, заключающее въ себѣ оба сiи качества, никогда не потеряетъ своего достоинства, и всегда будетъ нравиться.

Е

ЕВФЕМИЗМЪ. — εὐφημισμὸς, происходитъ отъ εὐ, хорошо, прилично, и отъ Φημὴ, говорю. *Евфемизмъ* есть тропъ, потому что употребляемыя въ ономъ слова принимаются не въ собственномъ ихъ смыслѣ; но лучше можно назвать оный просто *уловкою* писателя, который не желая помѣстить словъ неблагопристойныхъ или непріятныхъ на счетъ какого либо лица, употребляетъ такія выраженія, кои неиначе какъ по нѣкоторомъ размышленіи производятъ желаемое понятіе.—

ЕВХАРИСТИЧЕСКІЙ. Евхаристическою называется поэма, которою благодарность за милости приносится. — Слово сіе употреблено въ означенномъ смыслѣ у одного только *Аполлоса* въ прав. піит.

ЕДИНОЗНАМЕНОВАНІЕ, sinonimya. Фигура рѣченій: есть соединеніе словъ, то же или сродное и близкое знаменованіе имѣющихъ, на пр: не снесу, не стерплю, не попущу.

ЕДИНОНАЧАТІЕ, anaphora. Фигура рѣченій; состоитъ въ томъ, когда нѣсколько краткихъ періодовъ (или нѣсколько стиховъ) начинаются съ одного слова.

Сія фигура не иное что есть, какъ часть фигуры *Повтореніе*.—См. сіе слово.

ЕДИНСТВО. См. *Драма* и *дѣйствіе*, actio, также *Епическій*.

ЕКЗАМЕТРЪ. Такъ назывался у древнихъ состоящій изъ дактилей и спондеевъ шестистопный стихъ. Слово *ἑξάμετρον* составлено изъ *ἕξ*, шесть, и *μέτρον*, мѣра или стопа. Таковы слѣдующіе стихи Виргилія:

Discite| justiti|am moni|ti et non|temnere| divos|

или

Tityre, tu patulae recubans sub tegmine fagi...

Екзаметръ почитается совершеннѣйшею изъ всѣхъ существующихъ формъ поэзіи, ибо заключаетъ въ себѣ главнѣйшую прелесть гармоніи—разнообразіе: онъ

способенъ къ 32 измѣненіямъ въ порядкѣ и количествѣ слоговъ, не выходя изъ мѣры музыкальныхъ временъ (темповъ), коихъ имѣетъ всегда шесть, слоговъ же отъ 12 до 18.—

Измѣненія сіи можно удобнѣе видѣть въ слѣдующемъ начертаніи:

стопы	1.	2.	3.	4.	5.	6.
5 дактилей и 1 спондей -	— ∪ ∪	— ∪ ∪	— ∪ ∪	— ∪ ∪	пятая стопа непремѣнно дактиль. —	шестая стопа непремѣнно спондей. —
4 дактиля и 2 спондея -	— ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — —	— ∪ ∪ — ∪ ∪ — — — ∪ ∪	— ∪ ∪ — — — ∪ ∪ — ∪ ∪	— — — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪		
3 дактиля и 3 спондея -	— ∪ ∪ — — — ∪ ∪ — — — ∪ ∪ — —	— ∪ ∪ — — — — — ∪ ∪ — — — ∪ ∪	— — — ∪ ∪ — ∪ ∪ — — — — — ∪ ∪	— — — ∪ ∪ — — — ∪ ∪ — ∪ ∪ — —		
4 спондея и 2 дактиля	— ∪ ∪ — — — — — —	— — — ∪ ∪ — — — —	— — — — — ∪ ∪ — —	— — — — — — — ∪ ∪		
5 спондеевъ и 1 дактиль	— —	— —	— —	— —		

Вотъ 16 варіацій или измѣненій въ одномъ только дактилическомъ екзаметрѣ, то есть, въ такомъ, въ которомъ пятою стопою остается непремѣнно дактиль; съ перемѣною же онаго на спондея, что въ Греческой поэзіи чаще бываетъ нежели въ Латинской, прибавится новыхъ 16 варіацій, и того 32.

Поэмы, Идилліи, посланія и другія повѣствовательнаго и описательнаго рода стихотворенія древнихъ писаны симъ размѣромъ.

О составленіи Русскаго Екзаметра.

(Выписка изъ книги Г. Востокова *Опытъ о Русскомъ стихосложеніи*)

Въ 1813 году Н. И. Гнѣдичъ по совѣту С. С. Уварова началъ прелагать екзаметрами Иліаду, и первый опытъ сего перевода напечатанъ въ 13-й кн. *Чтенія въ Бесѣдѣ любителей Русскаго слова.* Сей примѣръ былъ, какъ кажется, сильнѣе всѣхъ предшествовавшихъ, ибо возродилъ подражателей и оспоривателей. С. С. Уваровъ въ отвѣтѣ своемъ В. В. К-сту, на предложеніе его писать поэмы *Русскими стихами*, имѣющими непремѣняемый порядокъ

ударенія, справедливо возразилъ тѣмъ, что,, каждый размѣръ, въ которомъ удареніе опредѣлено и однообразно, долженъ наконецъ отягопить слухъ нашъ. Кто могъ бы выслушать рапсодію писанную прекраснымъ впрочемъ Алкейскимъ или Сафическимъ стихомъ?,, — Что касается до мнѣнія В. В. К-ста о недостаткѣ у насъ спондеевъ, и о жесткости и принужденности, какую они имѣютъ для нашего слуха (ежели мы непремѣнно захотимъ составлять ихъ сближеніемъ двухъ удареній), то объ этомъ и не могло быть спору; но изъ сего не слѣдуетъ, чтобъ намъ должно было, или совсѣмъ отказаться отъ екзаметра, или непремѣнно оканчивать оный спондеемъ, на зло нашей просодіи. Конечно, за недостаткомъ сей стопы екзаметръ нашъ всегда останется весьма несовершеннымъ подобіемъ Греческаго и Римскаго; но ежели и въ семъ несовершенномъ подобіи онъ для Епическаго стихотворца несравненно выгоднѣе ямбическаго или другаго какого размѣра, то за чѣмъ не присвоить намъ его и въ такомъ видѣ, то есть, замѣняя спондеи хореями? Дальнѣйшій навыкъ стихотворцевъ нашихъ приведетъ конечно новый

сей размѣръ у насъ въ возможное совершенство. Между тѣмъ осмѣлюсь предложить здѣсь нѣкоторыя замѣчанія мои о правилахъ, по какимъ сочиняется *Екзаметръ Латинскій и Нѣмецкій*, и по какимъ долженъ сочиняться *Русской Екзаметръ.*— Правила сіи не могутъ быть для всѣхъ языковъ одинаковы, ибо стихосложеніе каждаго языка сохраняетъ свои особенности даже и тогда, когда подражаетъ чужимъ размѣрамъ. Такъ на примѣръ, ямбическіе и хореическіе стихи въ Русскомъ языкѣ всегда перемѣшаны съ пиррихіями, кои сообщаютъ имъ бо́льшую противъ Нѣмецкихъ ямбовъ и хореевъ разнообразность. Но когда мы захотимъ составлять на подобіе древнихъ екзаметръ изъ дактилей и хореевъ, употребляя послѣднюю сію стопу вмѣсто недостающаго у насъ спондея, тогда должны, какъ мнѣ кажется, съ большею строгостію наблюдать чистоту хореевъ, дабы чрезъ оную, хотя отчасти, подойти къ полнозвучности спондеической, коей совершенно противоположенъ беззвучный пиррихій. Если однако необходимость заставитъ насъ быть снисходительнѣе на счетъ употребленія сей стопы въ екзаметрѣ, потому что

трудно избѣжать ее въ языкѣ Русскомъ, то въ такомъ случаѣ непремѣнно нужно придавать пиррихію условную долготу или силу на первомъ слогѣ и превращать оный въ хорея. На пр:

— ᴗ — ᴗ ᴗ — ᴗ ᴗ — ᴗ ᴗ — ᴗ
И Пріамъ и народъ знаменитаго въ браняхъ
ᴗ — ᴗ
Пріама

Иначе не будетъ выдержанъ дактило-хореическій шестистопный размѣръ, а выдетъ вмѣсто онаго анапестическій пятистопный

ᴗ ᴗ — ᴗ ᴗ —
И Пріамъ и народъ и пр.

Не столь нужно сіе краткаго слога протяженіе, когда употреблены три таковыхъ слога т. е. трибрахій вмѣсто дактиля; ибо въ семъ случаѣ недостатокъ ударенія замѣняется большимъ количествомъ краткихъ слоговъ, предшествующихъ долгому, и служащихъ оному достаточнымъ перевѣсомъ для поддержанія мѣры. На пр.

ᴗ ᴗ ᴗ — ᴗ ᴗ
Но не толико меня сокрушаетъ судьба Иліона

Гнѣдичъ.

— ᴗ ᴗ — ᴗ ᴗ — ᴗ ᴗ ᴗ ᴗ — ᴗ ᴗ
Чаще молись принося умилостивительны
— ᴗ
жертвы.

Воейковъ.

По таковому же условному снисхожденію, какого мы требуемъ при превращеніи пиррихіевъ въ хореи, можно составлять вмѣсто хореевъ искуственные спондеи, сближеніемъ двухъ удареній, на пр. рѣзкій *трескъ трубъ* бранныхъ послышалъ, кипитъ и трепещетъ, или, видишь ли? *знакъ данъ!* вырвавшись вонъ изъ ограды помчались сто колесницъ и пр. (Воейковъ). Но таковые искуственные спондеи должны быть употребляемы съ великою разборчивостію, къ выраженію, такъ какъ здѣсь, какого нибудь звукоподражанія или картины; въ другихъже случаяхъ напрасно ими дѣлать насиліе ударенію Русскому, а лучше стараться о употребленіи чистыхъ хореевъ и дактилей, отъ коихъ наиболѣе зависитъ плавность нашего *Екзаметра*. Нечистыми дактилями называю я такіе, въ которыхъ слогъ съ удареніемъ поставленъ на мѣстѣ краткаго слога, на пр.

Шлемъ пробило на сквозь и чело и въ *глубь* кости проникло
Мѣдное жало и вѣчная тьма *его* очи покрыла.

или

Токъ ли желаешь имѣть на гумнѣ: уравняй *сперва* мѣсто.—

Тамъ наконецъ двѣ морскія побѣды и въ двухъ

частяхъ свѣта.

Здѣсь слова: *глубь*, *его*, *сперва*, *частяхъ*, для составленія дактиля лишены удареній. Таковые дактили всего менѣе могутъ быть терпимы въ екзаметрѣ; сей размѣръ позволяетъ по нуждѣ краткіе слоги превращать на долгіе, но не на оборотъ; въ чемъ законы его совершенно противны законамъ ямбическаго размѣра, который позволяетъ долгіе слоги ставить вмѣсто краткихъ, но никогда послѣднимъ симъ не сообщаетъ протяженія. Словомъ сказать, при екзаметрѣ болѣе нежели при какомъ другомъ размѣрѣ важно вѣрное наблюденіе надъ словами удареній.

Скажемъ еще нѣчто о предпочтительномъ употребленіи той либо другой стопы екзаметра. Въ Латинскомъ екзаметрѣ красотою почитается, когда въ немъ болѣе дактилей нежели спондеевъ. Нѣмцы напротивъ стараются въ своемъ екзаметрѣ дѣлать спондей господствующею стопою (хотя по скудости своей въ спондеяхъ должны по большей части замѣнять оные хореями, такъ какъ и Русскіе).

Отъ чего такая разность? очевидно отъ того, что Латинскій языкъ изобильнѣе спондеями нежели дактилями; въ Нѣмецкомъ же несравненно болѣе послѣднихъ, нежели первыхъ. И такъ для разнообразія тому нужны дактили, сему спондеи. Теперь посмотримъ, которая изъ двухъ стопъ екзаметра заслуживаетъ наибольшаго въ немъ употребленія, дактиль или хорей? языкъ нашъ тою и другою стопою равно обиленъ, и потому мы не имѣемъ причины подобно Римлянамъ почитать за достоинство въ екзаметрѣ, когда въ немъ больше дактилей. Неумѣренный наборъ сей стопы сдѣлаетъ екзаметръ нашъ скачущимъ и мало соотвѣтственнымъ важному и спокойному разсказу Епопеи. Для сего надлежитъ намъ чаще перемежать дактили хореями, и даже сей послѣдней стопѣ давать преимущество, ибо потвореніе четырехъ хореевъ (а болѣе ихъ сряду въ екзаметрѣ быть не можетъ) гораздо менѣе утомительно для слуха, нежели повтореніе четырехъ и даже трехъ дактилей: но ихъ часто бываетъ по пяти сряду! — Г. Гнѣдичь въ письмѣ своемъ къ С. С. Уварову изчисляя виды или измѣненія екзаметра полагаетъ

главнымъ размѣромъ 5 дактилей и 1 хорей. На пр:

Гнѣвъ, о богиня, воспой Ахиллеса Пелеева
сына.

Но ежели предыдущія замѣчанія мои справедливы, то приличнѣе постановить главнымъ размѣромъ 5 хореевъ при 1 дактилѣ. На пр:

— ᴗ — ᴗ — ᴗ — ᴗ — ᴗ ᴗ
Волны моря вставши съ ревомъ хлещутся въ
— ᴗ
берегъ.

Пятидактильный же екзаметръ употреблять рѣже всѣхъ другихъ видовъ, сберегая оный единственно для выраженія скорыхъ и живыхъ движеній.

*

Помѣщаемъ здѣсь и выписку изъ упомянутаго въ сей статьѣ письма С. С. Уварова къ Н. И. Гнѣдичу, и изъ отвѣта сего послѣдняго:

Отдаленные отрывки нашей отечественной поэзіи доказываютъ, что нашъ языкъ вмѣщаетъ всѣ оттѣнки *систематической просодіи.* Первые памятники нашего стихотворенія представляютъ особенный характеръ, основанный на весьма

опредѣленномъ произношеніи *долгихъ* и *краткихъ* слоговъ. Сіе стопосложеніе тѣмъ болѣе соглашается съ Геніемъ нашего языка, что мы находимъ и до нынѣ въ немъ большую наклонность къ *напѣву* и къ *музыкѣ*; но вмѣсто того, чтобъ сему слѣдовать и постепенно усовершенствовать Русскую просодію, первые и лучшіе стихотворцы отступили во все отъ сего правила. Исторія нашей поэзіи доказываетъ намъ то слѣпое подражаніе, съ какимъ мы приняли нетолько иноземныя *идеи*, но даже иноземныя формы. Предразсудокъ въ пользу Французскихъ писателей былъ такъ силенъ, что славный Ломоносовъ, который далъ истинное бытіе нашей поэзіи, слѣдовалъ самъ общему примѣру. Онъ сталъ подражать Французамъ и писать Епопею *Александрійскими* стихами (см. *Александрійскій*), между тѣмъ какъ самъ же почиталъ за наилучшую и великолѣпнѣйшую форму стиховъ екзаметръ изъ анапестовъ и ямбовъ *) состоящій, а также изъ хореевъ и дактилей, какъ способнѣйшій къ изображенію сильныхъ и слабыхъ, скорыхъ и тихихъ

*) У Ломоносова по ошибкѣ напечатано *хореевъ*.

дѣйствій, которымъ составилъ и примѣръ въ письмѣ своемъ о правилахъ Россійскаго стихотворства; однакожъ онъ былъ увлеченъ общимъ предубѣжденіемъ и эпоха сія рѣшила судьбу Русской поэзіи. Съ тѣхъ поръ подражаніе иноземному овладѣло всѣми родами словесности

Одна изъ величайшихъ красотъ Греческой поэзіи есть богатое и систематическое ея стопосложеніе. Тутъ каждый родъ поэзіи имѣетъ свой *размѣръ*, и каждой не только свои законы и правила, но такъ сказать, свой геній и свой языкъ. *Екзаметръ* (шестистопный героическій стихъ) предоставленъ Епопеѣ. Сей размѣръ весьма способенъ къ сему роду поэзіи. При величайшей ясности, онъ имѣетъ удивительное изобиліе въ оборотахъ, важную и плѣнительную гармонію.—

Когда же Римляне захотѣли образовать свой жесткой и Греческому генію противный языкъ, то они употребили первое стараніе на изобрѣтеніе метрическихъ формъ. Римляне заимствовали всѣ оныя у Грековъ потому, что они ихъ признавали совершеннѣйшими и что Латинскій языкъ былъ весьма мало свойственъ для поэзіи. Всѣ знатоки согласны въ

шомъ, что Лашинской поэзіи удалось присвоишь себѣ екзамешръ лучше всѣхъ другихъ частей мешрической сисшемы Грековъ. Никогда Римляне не рѣшались писашь Епопею иначе, какъ екзамешромъ...

Александрійскій сшихъ по исшиннѣ весьма недосшашоченъ; нешолько моношонія его шягосшна слуху, но онъ своею сухосшію, крашкосшію и невольнымъ удареніемъ на полусшишіе, заслужилъ хулу самихъ Французовъ Прилично ли намъ Русскимъ, имѣющимъ къ счасшію изобильной, мешрической просодіею наполненной языкъ, слѣдовашь сшоль слѣпому предразсудку? прилично ли намъ, имѣющимъ въ языкѣ сіи превосходныя качесшва, заимсшвовашь у иноземцовъ бѣднѣйшую часшь языка ихъ, просодію, совершенно намъ несвойсшвенную? Если Нѣмцы, владѣя языкомъ весьма непокорнымъ, досшигли до шого, чшо имѣюшъ хорошіе и вѣрные мешрическіе переводы, за чѣмъ намъ Русскимъ не имѣшь наконецъ перевода Омира екзамешрами? не забудьше Шлецера, кошорый говоришъ, чшо переводъ Омира на Славяно-Русскомъ языкѣ долженъ превосходишь всѣ прочіе переводы: Ein

Homer Slavonisch übersetzt, müsste aller andern übersetzungen die palme entreissen.

Г. Гнѣдичь при отвѣтѣ своемъ изложилъ формы измѣненій екзаметрическихъ:

Главный размѣръ.

Пять дактилей и одинъ хорей.

Гнѣвъ, о бо|гиня, вос|пой Ахил|леса Пе|леева|
сына.

Измѣненія.

Четыре дактиля и два хорея.

Гнѣвъ, бо|гиня, во|спой Ахил|леса Пе|леева|
сына.—
Дій же о|тецъ отъ О|лимпа| громы низ|вергнулъ на| землю.

Три дактиля и три хорея.

Кони по|слушные| быстро| мчатся| съ грознымъ воз|ницей.—
Онъ васъ| съ свѣтлаго| неба| въ тартаръ
низ|ринетъ глу|бокій.

Два дактиля и четыре хорея.

Легкіе| кони| скачутъ| быстро|рвы преле|тая.—
Быстро| кони| полемъ| прахъ возды|мая не|сутся

Одинъ дактиль и пять хореевъ.

Волны| моря| вставши| съ ревомъ| хлещутся|
въ берегъ.

Поелику всѣ односложныя частицы, говоритъ Г. Гнѣдичъ, по свойству ихъ всегда почти короткія, а особливо союзъ *и*, въ первую стопу дактиля входятъ съ непріятностію для слуха, — въ избѣжаніе сего, я лучшимъ почелъ средствомъ употреблять одно изъ измѣненій въ тѣхъ стихахъ, которые начинаются односложными частицами:

Но Адраста живымъ уловилъ Менелей ратоборный.
И на быстромъ бѣгу колесницу —
И Пріамъ и народъ знаменитаго во браняхъ Пріама и пр.

Стихи сіи въ чтеніи хотя покажутся анапестическими, но по правиламъ размѣра они совершенно дактило-хореическіе; ибо первая стопа хорей, а прочія дактили:

Но Ад|раста жи|вымъ уло|вилъ —
И на| быстромъ бѣ|гу колес|ницу —
И Прі|амъ и на|родъ знаме|нитаго —,,

Объ Екзаметрахъ. — Выписка изъ разсужденія А. Ф. Воейкова.—Екзаметръ или древній Епическій стихъ есть полнѣйшій, разнообразнѣйшій, дѣлимѣйшій и способнѣйшій къ звукоподражанію.

Полнота сего стиха состоитъ: 1) въ томъ, что онъ заключаетъ семнадцать, шестнадцать, пятнадцать, четырнадцать и никогда не мѣньше тринадцати слоговъ, и 2) въ томъ, что въ составъ его входятъ три стопы: дактиль, спондей и хорей.

Разнообразность есть свойство, отличающее Екзаметръ отъ всѣхъ другихъ стихотворныхъ размѣровъ, и ему дающее предъ ними великое преимущество.—Разнообразію обязанъ Екзаметръ великолѣпіемъ, свободою, складностью, живостью, смѣлостью, свѣжестью и дѣлимостью. — (Сіе свойство можно видѣть въ приведенныхъ выше примѣрахъ и въ таблицѣ).

Не нужно распространяться о *дѣлимости* Екзаметра, которая столь благотворна для разнообразія, и о томъ, что Александрійскій стихъ, состоящій изъ двѣнадцати слоговъ, не можетъ быть столько дѣлимъ, какъ древній Епическій стихъ, имѣющій семнадцать слоговъ.

Вразсужденіи *звукоподражанія* также бесполезно доказывать, что двѣнадцати-сложный стихъ изъ однихъ ямбовъ составленный, не можетъ заключать въ себѣ столько переходовъ снизу вверхъ и сверху внизъ по лѣстницѣ звуковъ, сколько семнадцати-сложный изъ дактилей, спондеевъ и хореевъ.

Вещи въ природѣ безконечно разнообразны и движенія неизчислимо разнозвучны и разновременны.

Неоспоримо, что семнадцатью слогами лучше, нежели двѣнадцатью, выразить скорость, мѣдленность, легкость, тяжелость, тихость, громкость, шароховатость, сладкость, твердость, мягкость, грубость, плавность, нѣжность, протяженность, краткость и проч. Особливо если захотимъ изобразить для слуха картину звуковъ съ ихъ тончайшими переходами, разновременностями и оттѣнками, на примѣръ: картину сраженія, бури съ громами, вихрями, молніями, дождемъ и градомъ, бури на морѣ съ кораблекрушеніемъ; ада съ его ужасами и муками; землетрясенія, работы Циклоповъ, молотьбы, скрыпа телѣги, стрекочущей стрекозы, скачущаго коня, шепчущаго вѣтерка, раз-

дробленной горы, журчащаго ручья, шипящаго змія, свистящаго соловья, ревущаго водопада, хохочущаго эха, каркающаго врана, воркованья горлицы, стонающаго въ глуши глухаго гула и проч.

О цезурѣ. Главныхъ цезуръ древній Епическій стихъ имѣетъ двѣ, а именно: цезура въ *ареѣ*, то есть, окончательное повышеніе голоса и раздѣленіе стиха на долгомъ слогѣ—и цезура въ *фезѣ*, то есть, окончательное пониженіе голоса и раздѣленіе стиха на краткомъ слогѣ.

Въ Екзаметрѣ бываетъ или одна цезура, (въ ареѣ или фезѣ, до сего нѣтъ дѣла) на первой половинѣ третьей стопы; или вмѣсто того, двѣ цезуры, изъ коихъ одна на первой половинѣ второй стопы, а другая на первой же половинѣ четвертой стопы. — Въ первой и пятой стопѣ цезуры никогда не бываетъ. Всѣхъ же видовъ цезуръ насчитываютъ до шестнадцати, и каждая изъ нихъ, давая Екзаметру еще большее разнообразіе, имѣетъ различныя красоты и свойства, и одна другой непревосходнѣе.

У Гомера чаще встрѣчаются цезуры въ *фезѣ*; у Виргилія въ *ареѣ*; однакожъ и у Латинскаго поэта нерѣдко находимъ

цезуру на короткомъ, у Греческаго на долгомъ слогѣ. Знаменитый Германецъ Фоссъ, (переведшій на Нѣмецкій языкъ всѣхъ Греческихъ и Римскихъ классическихъ поэтовъ: Гомера, Гезіода, Виргилія, Горація, Овидія и другихъ) употребляетъ обѣ цезуры, не предпочитая одну другой.

О нѣкоторыхъ особенныхъ правилахъ, кои наблюдаемы были древними при составленіи Екзаметра.

1. Древніе, также какъ и новые ихъ послѣдователи, отнимали иногда у двусложныхъ словъ удареніе, и употребляли ихъ, какъ имѣющихъ количество, равное двумъ краткимъ слогамъ:

Ō dĕcŭs, ō famae merito
N̄on mĭhĭ si lingue

Virg. Georg.

2. У нихъ были иногда между Екзаметрами стихи изъ шести стопъ и одного слога; они назывались Гиперметронами (См. сіе слово), и могли имѣть мѣсто только тогда, когда слѣдующій стихъ начинался съ гласной, или съ литеры Н. на прим.

Navigiis pinos, domibus cadrumque cupressumque
Hinc radios.

Virg. Georg.

3. Слово, которое оканчивается на цезурѣ стиха, не должно было рифмовать съ словомъ, которымъ стихъ оканчивается. На пр:

Per risum *multum* debes cognoscere *stultum*.
Quod coelum *stellas*, tot habet tua Roma *puellas*.

4. Очень дурными почитались Екзаметры, въ которыхъ слова вмѣстѣ съ каждою стопою оканчивались. На пр:

Urbem| fortem| nuper| cepit| fortior| hostis.

5. Непріятными также для слуха почитались стихи изъ словъ многосложныхъ составленные.

6. Самыми складными почитались тѣ Екзаметры, въ коихъ немногосложныя слова, окончиваясь на половинѣ стопы, дѣлали болѣе цезуръ, нежели какъ обыкновенно требовалось.

О Русскихъ Екзаметрахъ. Изъ всего вышеприведеннаго слѣдуетъ, что писать шестистопными стихами, въ которыхъ пять стопъ дактилей и на концѣ одна стопа хорей, не значитъ писать Екзаметрами; что стихи, въ которыхъ употреблены другіе виды Екзаметра, въ которыхъ пятая стопа никогда не перемѣняется, а спондеи совсѣмъ неупотребляются, утомительнѣе *Александрійскихъ*, (ибо

пиррихій дѣлаетъ наши ямбическіе стихи разнообразными), и что если не пользоваться правомъ измѣненія стопъ: то намъ нельзя похвалиться своимъ Екзаметромъ передъ Германцами.

Утѣшимся тѣмъ, что нѣтъ ничего новаго, чтобы было вдругъ и ново и совершенно. Всѣ нынѣшніе наши опыты можно сравнить съ робкими попытками Клейста. Клопштоковы Екзаметры смѣлѣе, складнѣе и разнообразнѣе; но все еще далеки отъ того совершенства, до котораго полвѣка спустя доведены они.

Явился Фоссъ — и доказалъ, что на Нѣмецкомъ языкѣ можно писать Екзаметры во всемъ подобные Гомеровымъ и Виргиліевымъ.

Но спросятъ: можно ли на Русскомъ языкѣ составлять Екзаметры въ настоящемъ и полномъ смыслѣ сего слова?—Сей вопросъ предварительно требуетъ рѣшенія слѣдующихъ вопросовъ: 1) можно ли намъ *по условію* искусства, или *по вольности* переносить ударенія въ словѣ съ мѣста на мѣсто?—2) позволительно ли односложные слова употреблять *за долгіе и короткіе* по произволенію? — 3) есть ли въ Русскомъ языкѣ двусложныя слова объ

двухъ удареніяхъ? — 4) есть ли у насъ спондеи?

1. *Объ удареніяхъ въ многосложныхъ словахъ.*

Гомеръ, Виргилій и Фоссъ протягиваютъ короткіе и сокращаютъ долгіе слоги. Поэты Русскіе съ незапамятныхъ временъ пользуются симъ драгоцѣннымъ правомъ. Вотъ нѣсколько словъ, употребленныхъ съ разными удареніями у извѣстныхъ нашихъ писателей:

Вѣ́тровъ, Вѣтро́въ.

Сильнѣйшій горъ, огня, *вѣтро́въ*

Ломонос.

Не такъ способныхъ *вѣ́тровъ* ждетъ

Онъ же.

Отъ премѣняемыхъ *вѣтро́въ*

Держав.

Громо́вый, Громово́й.

Не слыша *громова́го* треску

Держ.

Тамъ кролика постигъ ружья ударъ *громо́вой.*

Дмитр.

Зе́фиръ, Зефи́ръ.

Какой пріятный *Зе́фиръ* вѣетъ?

Ломонос.

Колеблетъ вѣтви тихъ *Зефиръ.*

Онъ же.

Красны, Красны.

Красны какъ пришли денёчки

Шишковъ.

Собой они *красны,* собой они велики.

Ломонос.

Лѣсы, Лѣса.

Листами увѣнчаетъ *лѣсы.*

Ломонос.

Поля, стада, *лѣса* даютъ вездѣ надежду.

Онъ же.

Правы, Права, Права.

Гдѣ права естества, гдѣ Божески законы?

Ломонос.

Она даетъ *права* сильнѣе всѣхъ властей.

Кн. Долгор.

Талантамъ возвратились *правы*

Дмитр.

Державу, *права,* мечъ, союзы.

Ломонос.

Права на милости имѣетъ и злодѣй.

Счастливъ, Счастливъ.

Россія! коль *счастлива* ты!

Ломоносовъ.

Былъ бы *счастливъ* только онъ.

Держав.

Счастлйвыхъ вымысловъ краса всегда младая.

Востоковъ.

Россіи *счастливой* богиня просвѣщенна.

Ломон.

Защйтитъ, Защитйтъ.

И Ангелъ твой да не *защйтитъ*

Ломонос.

Кто *защитйтъ* меня отъ бѣдъ?

Онъ же.

Превзойдетъ, Превзойдетъ.

Превзойдешь ты его дѣлами

Ломонос.

Да *превзойдетъ* его лѣтами

Онъ же.

Г. Воейковъ приводитъ еще множество подобныхъ словъ, употребленныхъ съ разными удареніями.

2.) *О правѣ употреблять односложныя слова за долгіе и короткіе по произволенію.*

Самые осторожные, самые разборчивые наши писатели произвольно употребляютъ односложныя слова за долгіе и короткіе. Здѣсь все зависитъ отъ искусна-

го расположенія словъ и тонкаго вкуса писателя.

Примѣры:

При шумѣ зимнихъ вьюгъ, *подъ* сѣнью безопасной....

Какъ ландышъ *подъ* серпомъ убійственнымъ жнеца.

Тотъ носитъ на челѣ изъ свѣжихъ розъ вѣнокъ.

И *тотъ*, кого постигъ....

——Гдѣ вьется плющъ *по* лѣстницѣ крутой...

Месалла! безъ меня ты мчишься *по* волнамъ....

Мнѣ всѣ *ихъ* имена почтенны,

И истуканы *ихъ* священны....

Мужъ праведный *сталъ дубъ*, Бавкида липой стала.....

и проч. и проч.

3.) *О томъ, что въ Россійскомъ языкѣ есть двусложныя слова объ двухъ удареніяхъ.*

Древніе Греки и Римляне, и новые Германцы, имѣютъ двоесложныя (спондеи), троесложныя (молоссы) и четвеpосложныя (диспондеи) слова, въ коихъ всѣ слоги длинные; намъ Россіянамъ до сихъ поръ не дозволялось имѣть не только четвеpосложныхъ и троесложныхъ, но даже и двоесложныхъ съ двумя долгими слогами.

Я осмѣливаюсь однакожъ утверждать, говоритъ Г. Воейковъ, что мы имѣемъ двоесложныя слова о двухъ удареніяхъ или о двухъ рѣшительно долгихъ слогахъ.

Примѣры:

Бездна, взмахнулъ, доплылъ, вздрогнулъ, взревѣлъ, поднялъ, привѣтъ, хлѣбъ-соль, царь-левъ, предвозвѣщаетъ, полнеба, полслово, прижать, призракъ, призвалъ, презрѣлъ, признакъ, тотчасъ, приступъ, полночь, предъидетъ, полдень, предметъ, вступилъ, предлогъ и проч.

Два слога вышеприведенныхъ словъ, будучи написаны порознь, *безъ-дна*, *полъ-ночь*, *предъ-логъ*, *тотъ-часъ*, каждое, по законамъ нашей просодіи, имѣетъ особенное свое удареніе: гдѣ же право, по которому, будучи слиты въ одно слово, (яснѣе: написаны безъ промежутка), одинъ изъ сихъ слоговъ теряетъ свое удареніе, и который именно?—Лучшіе наши стихотворцы пишутъ: *прíступъ* и *приступъ*, *пóлночь*, и *полнóчь*, *тóтчасъ* и *тотчáсъ*.

4.) *О спондеяхъ.* — Даже у стихотворцевъ, писавшихъ *ямбами*, находимъ чистые *спондеи*, конечно неумышленно вставь-

ленные, но не меньше того доказывающіе, что спондеи есть въ языкѣ Русскомъ.

Отъ солнца какъ бѣжитъ нощь, тьма и мгла,
Такъ отъ тебя печаль, брань, смерть ушла.....
Кончать день золъ днемъ золъ другихъ......
Вотъ грусть, вотъ скорбь, вотъ смерть придетъ.....
Всѣхъ звѣздъ, всѣхъ лунъ, всѣхъ солнцевъ видъ...
Неправый судъ, огнь, гладъ, бунтъ, моръ....
Въ поляхъ ли брань? ты тмишь сводъ звѣздный.....
На васъ всѣхъ мысль, на васъ всѣхъ взоры...
О Россы! нѣтъ вамъ, нѣтъ примѣру.....
Безъ силъ, безъ чувствъ, полмертвы, блѣдны...
Его Царь—долгъ, его Богъ—правда.....

Державинъ.

Стой, стой, онъ гаркаетъ сверкаючи очьми...
Изъ тучи ливный дождь, градъ, вихрь....
Я! я — да кто, могу ли знать? —
Я та, которая тебѣ повелѣваетъ
Скорѣе отперетъ....

Дмитріевъ.

И вихрь сшибъ съ древа плодъ....

Востоковъ.

Онъ Богъ! онъ Богъ былъ твой, Россіи!

Ломоносовъ.

Въ заключеніе Г. Воейковъ пишетъ, что онъ предаетъ мысли свои по сему предмету суду просвѣщенныхъ любителей отечественнаго слова и ожидаетъ ихъ приговора. Я не влюбленъ, продолжаетъ онъ съ свойственною хорошимъ писателямъ скромностію, я не влюбленъ въ свои мнѣнія и готовъ отъ нихъ отступиться, какъ скоро докажутъ мнѣ, что я ошибаюсь.—*Симъ разсужденіемъ обязанъ издатель самому А. Ф. Воейкову, ибо оно нигдѣ еще не напечатано.*

Образцы Екзаметра.

1. Изъ Иліады, переводимой Г. Гнѣдичемъ:—Андромаха приближась къ Гектору

Къ персямъ приникла и сжавъ его руку, вѣщать ему стала:
Мужъ благородный! тебя твое сердце великое губитъ!
Нѣтъ въ тебѣ жалости къ сыну младенцу, ко мнѣ злополучной.
Скоро я буду вдовицею! скоро сразятъ тебя Греки

Всею напавшіе силой! и мнѣ, разлученной съ тобою,
Лучше въ могилу сокрыться! не будетъ мнѣ въ свѣтѣ отрады!
Если умрешь ты, одна я останусь на вѣчную горесть! и пр.

Сіи стихи могутъ служить доказательствомъ, сколько Екзаметръ приличенъ изображенію любви и нѣжныхъ чувствованій; а слѣдующіе стремительнымъ паденіемъ своимъ совершенно изображаютъ описываемое въ нихъ дѣйствіе:

Бурный бѣжитъ по полямъ поражая копытами землю;
Жаждущій плавать въ потокѣ, катящемъ прохладныя воды,
Пышетъ, подъемлетъ главу, по пречамъ его грива играетъ и пр.

2. Изъ отрывка переведеннаго Г. Жуковскимъ изъ Мессіяды:

Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземнаго трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ Серафимъ Аббадона; печальной

Мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ; грозно вдали передъ взоромъ,
Смутнымъ, потухшимъ отъ тайныя скорби, являлись
Мука на мукѣ, темная вѣчности бездна; онъ вспомнилъ
Прежнее время, какъ онъ, невинный, былъ другъ Абдіила,
Свѣтлое дѣло свершившаго въ день возмущенья предъ Богомъ:
Къ трону Владыки одинъ Абдіилъ, непрельщенъ, возвратился.
Другомъ влекомъ, ужъ почти улетѣлъ отъ враговъ Аббадона;
Вдругъ сатана ихъ настигъ, въ колесницѣ гремя и блистая....
.....Бѣшенъ, кипя нетерпѣньемъ, внималъ сатана Аббадонѣ,
Хочетъ съ престола въ него онъ ударить огромной скалою —
Гнѣвъ обезсилилъ грозно подъятую съ камнемъ десницу *и проч.*

*

Оканчивая статью сію, напомнимъ читателямъ, что *Екзаметръ* вводимъ былъ въ Русской языкъ Тредіаковскимъ, который

перевелъ онымъ странствованіе Телемака, и назвалъ переводъ свой *Тилемахидою;* послѣ Тредіаковскаго размѣръ сей оставленъ былъ въ совершенномъ забвеніи, и появился опять въ началѣ текущаго столѣтія. Не утверждая, ни отвергая здѣсь достоинства Екзаметра, котораго самое составленіе, какъ видно изъ показанныхъ выше разсужденій, не приведено еще въ надлежащія правила, скажемъ, что онъ можетъ быть весьма пріятенъ и особенно полезенъ для переводовъ съ древнихъ языковъ, ибо въ немъ удобнѣе, нежели въ краткихъ ямбическихъ стихахъ, *умѣщаются* мысли подлинныхъ твореній, писанныхъ симъ размѣромъ.

ЕКЛОГА. Слово *Еклога* есть Греческое: *ἐκλόγη* значитъ *выборъ;* симъ именемъ назывались прежде всѣ *лучшія*, избранныя сочиненія.

Поэзія Буколическая, Пасторальная т. е. Пастушеская, Идиллія, Еклога, суть именованія, означающія одно и тоже: описаніе сельскихъ нравовъ, или происшествій между поселянами.—См. *Идиллія* и *Пастушескій.*

Лицами, дѣйствующими въ сей поэмѣ, бываютъ пастухи и земледѣльцы. Мѣстомъ, на которомъ должно происходить дѣйствіе — поля, горы, лѣса. Однакожъ, хотя поэзія Буколическая имѣетъ предметомъ подражаніе тому, что происходитъ и говорится между пастухами; но она не должна ограничивать себя однимъ только простымъ представленіемъ дѣйствительныхъ происшествій, ибо такая истина не можетъ нравиться; ей надлежитъ *украшать* происходящее въ самой природѣ и доводить оное до совершенства: *она должна представлять состояніе самое счастливое, какимъ только могутъ люди наслаждаться, и какимъ наслаждались они, судя по преданіямъ, въ золотомъ вѣкѣ.*

„Мечтая о золотомъ вѣкѣ, говоритъ Г. Мерзляковъ (чт. 5. въ общ. люб. словесн.) мы чувствуемъ такое томное наслажденіе, какое посѣщаетъ насъ при воспоминаніи о миломъ другѣ или братѣ, который давно умеръ, но въ которомъ находили мы счастіе—такое же наслажденіе, съ которымъ смотритъ нѣжный супругъ на портретъ любезнѣйшей супруги, съ которою разлучили его жестокіе люди и судьбы непостижимыя. Сколь бы далеко ни увле-

чены мы были вихремъ страстей и нуждъ, чувствуемъ, что простота есть что-то *родное* наше: на поля и на лѣса смотримъ какъ на колыбель, въ которой покоилась невинность нашего младенчества. Въ деревнѣ отдыхаемъ отъ тяжелаго дыма городскаго, подобно бѣднымъ узникамъ, изведеннымъ изъ мрака темницъ на свѣжій воздухъ—подобно людямъ, которые, будучи заперты въ одномъ покоѣ, выходятъ иногда на балконъ прохладиться. — Вотъ *занимательность* пастушеской поэзіи!„

Въ *Еклогѣ* можно представить одного или двухъ пастуховъ, третій вводится иногда въ видѣ судіи. Такимъ образомъ писали Буколическія сочиненія Феокритъ и Виргилій. Они знали, что бо́льшее число пастуховъ не могло быть вмѣстѣ, ибо каждый изъ нихъ имѣлъ многочисленное стадо.

Но о чемъ могутъ разговаривать пастухи? безъ сомнѣнія, о вещахъ къ нимъ ближайшихъ, о дѣлахъ сельскихъ, о полевыхъ работахъ и тому подобномъ, а первое достоинство ихъ должно состоять въ пѣсняхъ. Любовь служитъ главнѣйшимъ содержаніемъ ихъ пѣсенъ, но сія любовь должна быть тихая, безъ сильныхъ поры-

вовъ, ибо Еклога не есть Трагедія. Впрочемъ не должно воображать и того, что счастіе пастуховъ было непоколебимо, и что не имѣли они беспокойствъ и горестей. Небо не всегда у нихъ было ясное; поля ихъ также могли терпѣть отъ града, отъ бури; плоды ихъ, огородные и полевые, могли быть повреждаемы морозомъ, зноемъ; стада истребляемы язвою. Иногда находили они пастушекъ нечувствительныхъ, видѣли счастливыхъ соперниковъ, получившихъ награду за одержаніе побѣды въ борьбѣ или пѣніи. Притомъ, хотя и пользовались они свободою въ уединенныхъ хижинахъ, не были однакожъ совершенно независимы, и потому должны были брать участіе и въ смерти Государей своихъ, и въ объявляемой или продолжаемой войнѣ, отъ которой и они могли претерпѣть бѣдствія. Изъ сего слѣдуетъ, что въ пѣсняхъ своихъ они также могли приносить на судьбу жалобы; а потому и не одна радость, не одно благоденствіе, могутъ быть предметомъ сего рода стихотвореній.

Еклога можетъ принимать разныя формы. Она бываетъ *Драматическая*, *Епическая* и *смѣшанная*; она можетъ имѣть

также видъ Оды, Елегіи, Епиталамы, пѣсни и пр.

Что касается до слога поэзіи Буколической, то онъ долженъ быть *простъ*, потому что пастухи не говорятъ витіевато; онъ долженъ быть нѣсколько *пространенъ*, *плодовитъ*, потому что пастухи, въ спокойной жизни своей, любятъ заниматься подробностями, какъ то описаніемъ работъ, праздниковъ, плясокъ, уборовъ, и особенно описаніемъ мѣстоположеній. Словомъ сказать, слогъ *Еклоги* долженъ имѣть простыя, но благородныя выраженія, непринужденные обороты и совершенно ясныя метафоры; онъ долженъ быть простъ, нѣженъ, пріятенъ. Въ одномъ только случаѣ, то есть тогда, какъ поэтъ самъ говоритъ, онъ можетъ быть нѣсколько возвышенъ.—Сверхъ сего надлежитъ замѣтить, что въ Еклогахъ встрѣчаются иногда такія обстоятельства, которыя принадлежатъ единственно той землѣ, гдѣ Еклога писана, и которыя въ другой землѣ могутъ показаться необыкновенными; такъ на примѣръ въ Русской Еклогѣ позволительно сказать *ходила по грибы*, но тамъ, гдѣ ихъ въ пищу не употребляютъ, сего бы сказать было не можно.

Отличіе *Еклоги* отъ *Идилліи* состоитъ въ томъ, что первая по большей части заключаетъ въ себѣ дѣйствіе, и что, какъ сказано выше, можетъ имѣть форму Драматическую и Епическую, то есть, состоятъ въ разговорѣ или повѣствованіи. Здѣсь сказано *по большей части* потому, что есть Еклоги, кои состоятъ въ изображеніи одной только чувствительности, каковы на примѣръ нѣкоторыя у Виргилія и у Геснера. Идиллія же можетъ имѣть дѣйствіе, и можетъ не имѣть онаго; ежели есть въ ней дѣйствіе, то необходимо требуется, чтобъ оно заключалось въ повѣствованіи: главнѣйшее свойство ея есть изліяніе сердечныхъ чувствій.

Въ *Еклогѣ* какъ и въ *Идилліи* всякой размѣръ употребленъ быть можетъ. При семъ нужно еще замѣтить, что какъ Еклога, такъ Идиллія, называются всегда именемъ главнаго въ нихъ упоминаемаго лица.

А. П. Сумароковъ первый началъ писать на Русскомъ языкѣ Еклоги, и не смотря на измѣненіе послѣ того времени въ слогѣ, находимъ у него пріятныя изобра-

женія. Такъ, на примѣръ, описываетъ онъ жалобу на несклонность:

Гдѣ я пасу овецъ, Исмены лугъ не видитъ;
Даю подарки ей, подарки ненавидитъ;
Намнясь изъ рукъ моихъ она цвѣты взяла,
Однако изъ цвѣтовъ вѣнка не соплела. . . и пр.

Или жалобу на разлуку:

О рощи! о луга! о холмики высоки!
Долины красныхъ мѣстъ и быстрые потоки!
Жилище прежнее возлюбленной моей!
Мѣста, гдѣ много разъ бывалъ я купно съ ней!
Гдѣ кроется теперь прекрасная, скажите,
И чѣмъ нибудь ее обратно привлеките!
Ольстите духъ ея, ольстите милый взоръ;
Умножь журчаніе вода, бѣгуща съ горъ;
Младыя древеса, вы отрасли пускайте;
Душистые цвѣты, долины покрывайте;
Земля, сладчайшіе плоды произрасти!
Или ничто ее не можетъ привести?
Приди назадъ, приди, драгая! возвратися,
Хотъ на немноги дни со стадомъ отпросися.
Не сказывай, что я въ печали здѣсь живу;
Скажи, что здѣшній лугъ сочнѣй даетъ траву,
Скажи, что здѣсь струи свѣжѣе протекаютъ
И волки никогда овецъ не похищаютъ . . . и пр.

Или радость свиданія:

Не отпускяла мать Климену прочь отъ стада,
Климена животу была тогда не рада!
Пусти меня, пусти, она просила мать,
На половину дня по рощамъ погулять.
Лишь выпросилася, къ любезному послала,
И чтобъ увидѣлся онъ съ нею, приказала,
Въ дубровѣ за рѣкой, гдѣ съ нею онъ бывалъ,
И много отъ нея пріятства получалъ,
Въ пріятномъ мѣстѣ томъ, гдѣ ею сталъ онъ плѣненъ,
И гдѣ ей клялся быть до смерти непремѣненъ;
Въ томъ мѣстѣ, глѣ ее онъ часто обнималъ
И гдѣ онъ въ первый разъ ее поцѣловалъ.
Пошелъ; душа его давно того желала.
Какая мысль его къ Клименѣ провожала!
Играло все тогда въ Дамоновыхъ глазахъ:
Прекраснѣе цвѣты казались на лугахъ,
Журчащіе струи быстрѣе протекали,
Въ свирѣли пастухи согласнѣе играли,
Казалася сочнѣй и зеленѣй трава,
Прямѣе древеса и мягче мурава.... и пр.

Безъ сомнѣнія, нынѣшніе писатели не употребили бы нѣкоторыхъ словъ, помѣщенныхъ Сумароковымъ въ приведенныхъ

здѣсь отрывкахъ, но въ оныхъ не Сумарокова, а время обвинять должно; впрочемъ, кажется, если бы онъ существовалъ нынѣ, то также бы въ свою очередь отвергъ многія слова и выраженія, употребляемыя новыми нашими стихотворцами, рабски слѣдующими Нѣмецкому или Французскому вкусу.

О мѣстоположеніи. Ешенбургъ говоритъ, что мѣстоположеніе всегда должно соотвѣтствовать содержанію стихотворенія: оно должно представлять видъ пріятный, когда описывается происшествіе веселое; въ противномъ же случаѣ и мѣсто дѣйствія должно быть мрачное—темные лѣса, обнаженныя скалы и пр. Сіе согласованіе мѣста съ содержаніемъ стихотворенія придаетъ не малую пріятность впечатлѣнію, производимому повѣствованіемъ, или дѣйствіемъ, подобно тому, какъ на театрахъ декораціи, соотвѣтствуя содержанію представленія, придаютъ оному болѣе правдоподобія. Случается правда, что стихотворцы скучнымъ какимъ нибудь повѣствованіямъ (происшествіямъ) назначаютъ красивыя и пріятныя мѣста: но тогда въ горести дѣйствующихъ принимаютъ участіе и самыя мѣста—тогда

все, что прежде утѣшало пастуха или пастушку, имъ несносно и больше ихъ обремѣняетъ.

Примѣры Еклогъ.

1. *Мелибей.*

Соч. *Виргилія*, переводъ *Мерзлякова.*

Еклога сія имѣетъ форму Драматическую. Коридонъ и Тирсисъ, два славные пѣвца, стараются превзойти другъ друга въ искуствѣ пѣнія. Дѣйствіе происходитъ въ присутствіи Дафниса и Мелибея, который призванъ для объявленія суда соперникамъ. Мѣсто избрано самое пріятное. Подъ тѣнію дуба, тихо колеблемаго вѣтромъ, при жужжаніи пчелъ, на берегу прекрасной рѣки—тамъ, гдѣ стада собираются на водопой.

По случаю въ тѣни, подъ говоромъ листовъ,
Нашъ Дафнисъ взялъ покой. — Узрѣвъ его съ холмовъ.
Тирсисъ и Коридонъ стада соединили;
(Сей козъ, а тотъ овецъ съ ягнятами водили)
Аркадцы родиной, цвѣтущихъ оба лѣтъ,
Пѣвцы, соперники, которымъ равныхъ нѣтъ.
Въ то время, какъ въ саду, исполненный заботы,

Я строилъ для деревъ прошивъ зимы оплоты,
И миршы нѣжные пѣнькою обвивалъ;—
Самъ стада вождь, козелъ, нечаянно отсталъ.—
Что дѣлать!—бросилъ трудъ,—въ смущеньи поспѣшаю
Искать его—и вдругъ я Дафниса встрѣчаю;
Увидѣлись...„ скорѣй, скорѣй, кричитъ, сюда!
Спокойся! твой козелъ и живъ и безъ вреда;
Вотъ онъ!... коль время есть, склонись подъ тѣнью съ нами;
Тельцы твои придутъ къ струямъ прохладнымъ сами:
Здѣсь Минцій берега травою богатитъ,
И съ дуба древняго рой сладостно шумитъ!—„
Представьте, какъ на зло, со мной нѣтъ провожатыхъ!
Кому отдать ягнятъ, отъ матери отъятыхъ?—
Но, Тирсисъ, Коридонъ!... но, слышать пѣснямъ судъ!...
О чтобы ни было, а я останусь тутъ:—
Аркадцы начали, поютъ попеременно.
Такое правило отъ Музъ постановленно.
Сначала Коридонъ, Тирсисъ давалъ отвѣтъ.

Коридонъ.

О Нимфы, о любовь моихъ блаженныхъ лѣтъ!

Внушите пѣсни мнѣ, какими отличался
Мой Кодръ — мой милой Кодръ чуть съ Фе-
бомъ не равнялся! —
Но ежели свирѣль, подруга тишины,
Покойся на вѣтвяхъ священныя сосны! . . .

Тирсисъ.

Вѣнчайте пастухи поэта молодаго,
Вѣнчайте лаврами къ досадѣ Кодра злаго,
Да чувства зависти грудь гордую тѣснятъ!
Но если онъ польститъ . . . хвала завистныхъ
ядъ . . .
Вѣнчайте пастуха волшебною гвоздикой. *)

Коридонъ.

О Делія! **) — Миконъ, ловецъ пустыни дикой,
Главу козла повергъ брадату предъ тобой,
И лани старой рогъ, извившійся дугой! —
Сверши мою мольбу, и образъ твой священный
Возблещетъ въ мраморѣ, въ котурны обу-
венный.

*) Между простымъ народомъ извѣстны выраженія: онъ сглазилъ, онъ имѣетъ дурной глазъ. Гвоздика употреблялась въ такомъ случаѣ, какъ предохранительное средство.

**) Діана, богиня ловли.

Тирсисъ.

Пріапъ! — досель тебѣ давалъ я каждой годъ
Лишь хлѣбъ и молоко: мой пустъ былъ огородъ.
Теперь онъ лучше сталъ: ты въ мраморъ облачился:
Ахъ! если бъ я скотомъ еще обогатился!...
Сверши мою мольбу: ты будешь золотой.—

Коридонъ.

Аминта!—долго ли мнѣ мучиться тоской? —
Ты слаще мнѣ сотовъ; ты лебедей бѣлѣе;
Ты розы молодой румянѣе, нѣжнѣе;
Когда моихъ быковъ къ загону приведу;
Когда я милой милъ: я тамъ тебя найду!...

Тирсисъ.

А я тебѣ кажусь полыни горькой злѣе,
Страшнѣй терновника, и поростовъ бѣднѣе,
Которые волной выносятся изъ водъ!—
Для любящихъ и день, какъ будто цѣлой годъ!—
Ну, овцы ко двору! еще ли вы не сыты!

Коридонъ.

Ключи прозрачные, кустарникомъ прикрыты,
И мягка мурава, душисто ложе сновъ,
И лозы гибкіе, тѣнистый птицъ покровъ,

Храните отдыхъ стадъ! разлился воздухъ
знойной.
Уже наполнились побѣги пальмы стройной!

Тирсисъ.

Здѣсь есть очагъ, огонь и ноша пылкихъ дровъ;
Чернѣетъ хижина отъ дымныхъ облаковъ.
Не страшенъ намъ борей, сѣдой предвѣстникъ хлада,
Какъ волку жадному не страшны крики стада,
Какъ буйственной рѣкѣ не страшны берега!

Коридонъ.

Здѣсь скачутъ весело тельцы, поднявъ рога;
Древа кудрявыми главами помаваютъ;
Въ тѣни лежатъ плоды и взоры привлекаютъ;
Все въ радости цвѣтетъ;—но если Нисы нѣтъ,
Все мертво: — самой ключъ какъ будто не
течетъ.

Тирсисъ.

Зной дышетъ на поляхъ, и травка погибаетъ,
Цвѣтокъ поблекъ, унылъ, головку преклоняетъ;
Семелинъ сынъ съ холмовъ похитилъ виноградъ; *)

*) т. е. Бахусъ лишилъ своего покровительства сады виноградные: древа посохли и не приносятъ плода своего.

Филлида возвратись—и горы возблестятъ,—
И снидетъ Юпитеръ въ росѣ полямъ отрад-
ной! *)

Коридонъ.

Тополь Алкиду милъ, гроздъ Вахху виноградной,
Венерѣ нѣжный миртъ, а Фебу лавръ прямой;
Аминта любитъ тѣнь орѣшины густой;
Когда тѣнь, зыбляся, любезную покоитъ:
Ни миртъ, ни лавръ моей орѣшины не стоитъ!

Тирсисъ.

Красива ель въ лѣсу, высокой дубъ въ садахъ,
Тополи при рѣкѣ, а липы на горахъ;
О Лицидъ, если ты обѣта не забудешь,
О другъ мой, если ты всегда мнѣ вѣрнымъ
будешь:
Тебѣ уступитъ дубъ и ель среди лѣсовъ.

Мелибей.

Вотъ пѣсни спорныя двухъ юныхъ пастуховъ.
Но Тирсисъ побѣжденъ питомцомъ Аполлона;
Съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ люблю младаго
Коридона.

*) Юпитеръ—Эмблема воздуха. Древніе Физики разумѣли подъ нимъ воздухъ верхній или Эфиръ; а въ образѣ Юноны воздухъ нижній, или атмосферу. Виргилій говоритъ здѣсь въ томъже смыслѣ.

2. *Милонъ.*

Соч. *Панаева.*

„Какъ я обрадую Филлиду дорогую!
Давно уже хотѣлось ей
Здѣсь бѣлыхъ насадить лилей:
Вотъ сколько ихъ теперь! срывай себѣ любую!„
Такъ юный говорилъ Милонъ,
Почти невидимъ межъ кустами,
Въ Филлидиномъ саду, куда до солнца онъ
Пришелъ съ нарытыми заранѣе цвѣтами,
И тамъ ихъ рядышкомъ по грядкѣ разсадилъ.
Милонъ хоть молодъ былъ, но онъ уже любилъ.
„Ты встанешь, продолжалъ, случишься у окошка
И вдругъ передъ тобой мелькнетъ
Цвѣточная дорожка!
Какой улыбкою взоръ милый твой блеснетъ!
О! ты конечно угадаешь
Кто здѣсь трудился для тебя;
Ахъ! вотъ ужъ ты бѣжишь ко мнѣ и обнимаешь,
Цѣлуешь, кажется, меня;
День, сердцу памятный: какъ буду веселъ я!„
Съ такою сладкою мечтою
Милонъ пошелъ домой, овецъ пересмотрѣть,
Чтобъ гнать ихъ къ водопою;
Увы! и позабылъ, беспечный, за собою

Калитку сада приперешь!
Блудливая коза тотчасъ въ нее вбѣжала
И новый цвѣтничокъ поѣла, потоптала.
Уже пастухъ спѣшилъ назадъ,
Въ надеждѣ встрѣтиться съ Филлидой;
Подходитъ, смотритъ въ садъ....
Что можетъ для него быть бо́льшею обидой?...
Онъ видитъ, какъ цвѣты коза-злодѣйка ѣстъ!
Милонъ хватаетъ шестъ,
Заноситъ на врага; но руки опустились,
И вмѣсто мщенія изъ глазъ
Ручьями слезы покатились.
Бѣднякъ! онъ веселъ былъ за часъ!
Въ такихъ слезахъ его Филлида тутъ застала;
Какъ утаить? она причину ихъ узнала
И пастушка̀ разцѣловала.
„Пусть нѣтъ, примолвила, цвѣтовъ;
Но вѣрь, равно довольна тѣмъ, что знаю
Цѣль милыхъ мнѣ твоихъ трудовъ!
Смотри: отъ радости я плакать начинаю.„

ЕКСПРОМПТЪ, exprom ptum, impromptu. Маленькое сочиненье въ стихахъ, написанное или сказанное безъ приготовленія, на какой нибудь незапной случай; оно можетъ быть Мадригаломъ, Епиграмою и пр.

смотря по тому, какія заключаетъ въ себѣ мысли — нѣжныя, печальныя, шутливыя или острыя. *Експромптъ* долженъ быть простъ, ежели не хочетъ сочинитель, чтобы почли его написаннымъ *на досугѣ*. Вотъ примѣры:

1. Г. *Дмитріева*, сказанный на игру Дица, въ то время, когда славный сей музыкантъ переспалъ совсѣмъ говорить, но не перастовалъ восхищать своею скрыпкою:

Что слышу, Дицъ! смычокъ, тобой одушевленный,
Поетъ и говоритъ и движетъ всѣхъ сердца!
О сынъ гармоніи! достоинъ ты вѣнца,
И можешь презирать языкъ обыкновенный.

2. Г. *Карамзина*, сказанный Графинѣ Р . . . которой въ одной святочной игрѣ досталось быть Королевою:

Напрасно говорятъ, что случай есть слѣпецъ:
Сію минуту онъ вручилъ тебѣ вѣнецъ,
Тебѣ рожденной быть Царицею сердецъ.
Сей выборъ доказалъ, что случай не слѣпецъ.

3. Кн: *Хованскаго*, сказанный одной дѣвицѣ:

Четыре мнѣ стиха ты сдѣлать приказала,

Что жъ, милая, могу я въ скорости сказать?
Скажу ли, что тебя всякъ долженъ обожать?
Давно и безъ меня сама ты это знала.

Для удовольствія читателей нашихъ помѣщаемъ слѣдующій анекдотъ, принадлежащій къ сей статьѣ:

Меленъ де Сент-Желе (Mélin de Saint-Gélais), бывшій въ 1494 году Ангулемскимъ Епископомъ—раздаватель милостыни, Библіотекарь, и другъ Франциска I, Короля Французскаго — часто разговаривалъ съ симъ Монархомъ на стихахъ. Иногда Король произносилъ одинъ или два стиха; Желе обязанъ былъ продолжать тѣмъ же размѣромъ съ подборомъ надлежащихъ рифмъ. Въ одинъ день Францискъ, садясь на лошадь, сказалъ:

Petit cheval, gentil cheval,
Bon à monter, bon à descendre.

С. Желе въ ту же минуту кончилъ стихи слѣдующимъ обрвзомъ:

Sans que tu sois un Bucéphal,
Tu portes plus grand qu' Alexandre.

Смыслъ такой:

Францискъ.

Любезная лошадка! на тебя ловко садиться, ловко и сходить съ тебя!

С. Желе.

Хотя ты и не Буцефалъ, а возишь того, кто славнѣе Александра.

Слово *Експромптъ* можно перевести Русскимъ словомъ *Наскоръ*, отъ нарѣчія *наскоро*, что означаетъ сей терминъ и на Латинскомъ языкѣ; но можетъ ли у насъ сіе переводное слово принято быть за техническое — предоставляется сужденію читателей.

ЕЛЕГІЯ. — 1. *О происхожденіи Елегіи.* Грамматики, обыкновенно не столько счастливые, сколько плодовитые въ Етимологическихъ изысканіяхъ, предлагаютъ разныя происхожденія слова *Елегія*. Діомедъ производитъ оное отъ εὐλογεῖν, хвалить 1), и основываетъ мнѣніе свое на первомъ употребленіи сей поэмы, состоящемъ, какъ онъ полагаетъ, въ похвалѣ умершимъ. Иные производятъ слово *Елегія* отъ глагола ἐλεγειρεῖν, быть въ безуміи, въ изступленіи 2); другіе отъ ἐλεεῖν, сострадать, сожалѣть; отъ ἔλεον λέγειν, жалобу говорить, жаловаться, или жалобою возбуждать сожалѣніе; отъ слова

1) Gram. L. 3. — 2) Marian victorin. Gram. L. 3. —

ἐλελεῦ 3), служившаго припѣвомъ для нѣжныхъ и жалобныхъ пѣсенъ любовниковъ; а иные, упоминаемые Скалигеромъ 4), производятъ сіе слово отъ ἐλεὸς, сова, по причинѣ печальнаго крика сей птицы.

Но лучше, кажется, вмѣстѣ съ Восеомъ 5) принять мнѣніе Дидима, который производитъ сіе слово отъ ἒ ἒ λέγειν, *увы говорить*, и думаетъ, что Елегію назвали такъ по употребленію въ ней сихъ жалобныхъ возклицаній. Овидій также полагалъ сіе происхожденіе; онъ всегда придавалъ Елегіи епитетъ *жалобная*, *печальная*, что видно изъ его возклицанія при оплакиваніи смерти Тибулла:,, ахъ, печальная Елегія! говоритъ онъ, никогда не принадлежало тебѣ съ такою справедливостію твое имя:

Ah! nimis ex vero nunc tibi nomen erit.

Теренціанъ Мавръ и Боецій имѣли такое же мнѣніе, какъ Овидій 6) и описывали Елегію съ нимъ согласно.

И такъ *Елегія*, слѣдуя истинному словопроизведенію, есть поэма, посвященная слезамъ и жалобамъ.

3) Gyrald. de Poet. I.—4) Poëtic. L. I.
5) Simplic. in Epictet. 6) Ars metric: consol. philos.—

Тотъ же приведенный выше Дидимъ называетъ Елегію *печальною пѣснію, которую поютъ съ флейтою*, θρῆνος ᾀδόμενος πρὸς αὐλόν. — Плутархъ удостовѣряетъ, что дѣйствительно было такое употребленіе первыхъ Елегій, и что сіе означено въ повседневныхъ запискахъ пифическихъ игръ 7). Сіе обстоятельство заставляетъ думать, что Елегія въ началѣ своемъ была не иное что, какъ причитаніе при похоронахъ, столь обыкновенное во всѣхъ временахъ и у всѣхъ народовъ. Римляне, по древнему закону, преданному намъ Цицерономъ 8) такоеже дѣлали изъ флейты употребленіе, что подтверждаетъ и бывшая у нихъ пословица *посылай за флейщиками* (jam licet ad tibicines mittas) для означенія, что въ больномъ нѣтъ надежды къ выздоровленію. Проклъ также ясно говоритъ, 9) что въ началѣ своемъ Елегія употребляема была только при похоронахъ. Можно однакожъ догадываться, что сіи похоронныя причитанія не имѣли той формы Елегіи, какую видимъ въ Мимнермѣ и въ его послѣдователяхъ.

Кто же первый далъ ей извѣстную

7) Opusc. mus.—8) Cic. de Leg. L. 2. (9 In phot.

форму? дабы разрѣшить сіе, надлежитъ вѣрно знать и творца Елегическаго стиха, и тотъ вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ; но сіе неизвѣстно, и самые Грамматики въ ономъ не были согласны, такъ что распри ихъ о семъ продолжались до временъ Горація:

Quis tamen exiguos elegos emiserat auctor,
Grammatici certant. et adhuc subjudice lis est

Horat. ars. poet. v. 77. 78.

т. е.

Грамматики до нынѣ спорятъ, кто былъ изобрѣтателемъ Елегическаго стиха (Елегіи), но распря ихъ еще не рѣшена.

Если повѣрить Свиду, то или безумный Феоклесъ, или извѣстный Мидасъ были изобрѣтателями стиха Елегическаго 10): Феоклесъ во время своего изступленія, а Мидасъ при оплакиваніи смерти матери своей. Еслиже послѣдовать Теренціану Мавру 11), то слава сего изобрѣтенія принадлежитъ Каллиною. Ахиллъ Стацій 12), приписавъ честь сію Архилоху, колеблется потомъ между Клонасомъ и Терпандромъ, и болѣе склоняется на сторону

10) Suidas in voce ἔλεγος. — 11) In arte metr. — 11) Achil. Stat. in poëtic. Horat.—

Клонаса. Гермезіанаксъ 13) полагаетъ наконецъ Мимнерма изобрѣтателемъ Елегическаго стиха. Но всѣ сіи догадки не могутъ быть удовлетворительны. Предположеніе Гермезіанакса должно быть нѣсколько основательнѣе, ибо онъ самъ упражнялся въ Елегіяхъ; но, можетъ быть, Мимнермъ только усовершенствовалъ сей родъ поэзіи; можетъ быть, онъ первый началъ описывать въ Елегіи любовь. Проперцій даетъ ему въ нѣжности преимущество предъ Гомеромъ:

Plus in amore valet Mimnermi versus Homero.

L. 1. El. 9.

т. е.

Въ любви Мимнермовъ стихъ Гомерова пріятнѣй.

Вотъ все, что можно узнать объ Елегіи древнихъ до того времени, какъ Тибуллъ, Овидій и Проперцій назначили ее для однѣхъ только несчастій любовниковъ.

Горацій показалъ намъ различныя употребленія сей поэмы 14), изображенныя еще подробнѣе у Буало:

13) Hermes. ap. Athen. L. l.

14) Versibus impariter junctis querimonia primum,
Post etiam inclusa est voti sententia compos.
v. 75. 76.

La plaintive Elégie en longs habits de deuil,
Sait, les cheveux épars, gémir sur un cercueil.
Elle peint des amans la joie et la tristesse,
Flatte, ménace, irrite, appaise une maîtresse.

L'art. p.

т. е.

Плачевная Елегія, въ длинномъ траурномъ одѣяніи, съ распущенными власами, умѣетъ стенать на гробѣ; она описываетъ радость и печаль любовниковъ; ласкаетъ, грозитъ, раздражаетъ, успокоиваетъ любовницу.

Впрочемъ и неудивительно, если Елегія, послѣ стенаній на могилахъ, стала оплакивать несчастія отъ любовной страсти: сей переходъ весьма естественъ. Безпрестанный плачъ и стонъ любовниковъ, не есть ли нѣкоторый родъ смерти? ибо, говоря ихъ языкомъ, они живутъ только обожаемымъ ими существомъ и лишаются жизни при несчастіяхъ, отъ онаго происходящихъ. И то также естественно, что они послѣ стенаній начали употреблять Елегію, какъ бы изъ благодарности,

т. е.

Елегія въ неравныхъ стихахъ своихъ служила прежде для стенаній, но послѣ включено въ нее и полученіе (исполненіе) желанія.

для изображенія радости и для воспѣванія своихъ побѣдъ.

Римляне, выключая Овидія, не знали другаго употребленія сей поэмы. Когда прославляли они удовольствія сельской жизни, или оплакивали несчастія, причиняемыя войною: всегда говорили объ ономъ въ отношеніи только къ любви своей. Описываетъ ли, на примѣръ, Тибуллъ прелестную долину, прохладную тѣнь дерева, защищающаго его отъ солнечнаго зноя, или чистый и прозрачный источникъ, онъ обращается къ Деліи и говоритъ ей: только бы мнѣ быть съ тобою, моя Делія, готовъ я сдѣлаться и земледѣльцемъ и пастухомъ.

Ipse boves, modo sim tecum, mea Delia, possim
Iungere, et in solo pascere monte pecus.

II. О свойствахъ Елегіи. Елегія, опредѣленная въ началѣ своего изобрѣтенія къ стенанію и слезамъ, занималась только однѣми несчастіями; она не выражала другихъ чувствій, не говорила другимъ языкомъ; сохраняя небрежность свою, столь свойственную людямъ огорченнымъ, она старалась болѣе трогать сердце, чѣмъ нравиться; искала болѣе сострадания, не-

жели удивленія. Она удержала сей характеръ и въ жалобахъ любовниковъ и въ радостныхъ ихъ пѣснопѣніяхъ; ея мысли были всегда живы, чувствія нѣжны, выраженія просты.

Обыкновенно думаютъ, что для сочиненія Елегіи довольно быть страстнымъ, и что съ одною любовію, безъ науки и дарованій, можно писать прекрасныя Елегіи!—И Сумароковъ сказалъ:

Коль хочешь ты писать, такъ прежде ты влюбись.

Такое мнѣніе на томъ только основывается, что сами стихотворцы въ Елегическихъ твореніяхъ своихъ не къ Аполлону и не къ Калліопѣ обращались, а единственно къ владычицамъ ихъ сердецъ 15); но если бы они не имѣли другой Музы, другаго Аполлона, кромѣ своихъ любимицъ, то безъ сомнѣнія не достигли бы до того совершенства, которое пріобрѣло имъ похвалу всѣхъ вѣковъ. Одна страсть произведетъ нѣсколько смѣлыхъ и натуральныхъ мыслей; но сіи мысли, будучи или не на своемъ мѣстѣ, или

15) Non haec Calliope, non haec mihi cantat Apollo;
Ingenium nobis ipsa puella facit.
Propert. L. 2. El. 1.

неприлично выражены, могутъ много потерять своей цѣны. Страсть раждаетъ чувствія; но искуству предоставлено объяснить ихъ и присовокупить красоты выраженія.

Сіе не то значитъ, чтобы искуство нужно было для приведенія въ порядокъ мыслей въ Елегіи, и чтобы она требовала рѣчи непрерывной; нѣтъ, ея свойство не принимаетъ методы Геометрической: постепенная точность въ изображеніи чувствованій не можетъ быть прилична людямъ, исполненнымъ скорби или радости (ибо сіи только страсти служатъ предметомъ Елегіи); но искуство нужно въ ней для содѣланія въ мысляхъ нѣкотораго беспорядка, столь сообразнаго съ натурою, и однимъ только славнымъ писателямъ извѣстнаго. Тибуллъ въ этомъ превосходенъ; его Елегіи исполнены замысловатыхъ отступленій; онъ принимается за свой предметъ, оставляетъ его и снова принимается. Ежели, на примѣръ, 16) изображаетъ онъ зло отъ войны происходящее; то, приписавъ всѣ ненавистныя имена изобрѣтшему кованіе мечей,

16) Lib. I. El. 10. —

непосредственно присовокупляетъ, что причиною войны и всѣхъ народныхъ раздоровъ есть скупость, любостяжаніе; потомъ завидуетъ счастію тѣхъ, кои жили въ спокойное царствованіе Сатурна; наконецъ, какъ бы увидѣвъ въ рукахъ врага обращенное на него смертоносное орудіе, онъ умоляетъ боговъ отвратить отъ него сію опасность. Послѣ новаго отступленія, гдѣ хвалитъ воздержаніе первобытныхъ человѣковъ, опять начинаетъ негодовать на войну, описываетъ адъ, низвергаетъ въ оный любителей раздоровъ, и оканчиваетъ прославленіемъ мира и спокойствія.—Иногда же сей поэтъ, жалуясь на болѣзнь 17), удерживающую его въ чужой землѣ и препятствующую сопутствовать Мессалѣ, начинаетъ вдругъ сожалѣть о златомъ вѣкѣ, въ которомъ никакое зло не было извѣстно, потомъ возвращается къ своей болѣзни и проситъ Юпитера объ излѣченіи; послѣ сего описываетъ Елисейскія поля, куда должна провождать его сама Венера, ежели Парка прерветъ нить жизни его; наконецъ, почувствовавъ въ сердцѣ надежду, утѣшаетъ себя тою мы-

17) Lib. I. El. 3.

слію, что боги, всегда милостивые къ любовникамъ, позволятъ ему еще увидѣть Делію, которая по разлукѣ съ нимъ не имѣетъ ни малѣйшаго спокойствія.

Могъ ли бы какой другой стихотворецъ, будучи въ описываемомъ Тибулломъ положеніи, изобрѣсти и соединить такъ удачно столь разнородныя между собою мысли, и наконецъ, такъ сказать, сосредоточить ихъ въ ощущеніи, наиболѣе занимающемъ его сердце?—При всемъ томъ у него видна только натура, а искуства, какого требовали показанныя отступленія, совсѣмъ непримѣтно.

Всякая принужденность противна свойствамъ Елегіи. Принужденность съ печалью не можетъ быть вмѣстѣ и способна только отвратить, а не возбудить состраданіе. — Сомнительно, чтобы нашъ извѣстный писатель Г. Николевъ могъ кого нибудь привести въ жалость слѣдующими стихами въ написанной имъ Елегіи:

Лишаюсь силъ моихъ отъ вздоховъ и тоски;
Ужъ смѣшанъ съ кровію токъ слезныя рѣки,
Котору извлекла изъ глазъ моихъ разлука. 18)

18) Твореній Николева часть V. стран. 28.

Рѣка, смѣшанная сб кровію и протекшая изб глазб отб разлуки, а далѣе въ томъ же сочиненіи уподобленіе *рока змію, который вселилб вб него адб, веселя любовь, который наполнилб кровь его горечью* и пр. не могутъ почтены быть мыслями, произшедшими прямо отъ чувствъ сердечныхъ. — Французъ Депортъ еще страннѣе написалъ въ одной своей Елегіи: „ *небо доставило мнѣ случай увидѣть тебя* (говоритъ онъ своей любовницѣ) *для того только, чтобы вдругб поразить меня всѣми своими стрѣлами; однакожб, казалося, что оно чувствовало приготовляемое мнѣ бѣдствіе, ибо вб тотб несчастный день, когда явилась ты столь прелестною, безпрестанно шелб дождь.*„ Потомъ присовокупляетъ сіе разсужденіе:

Soit qu'il le fist d'ennuy de ma perte prochaine,
Soit qu'il portast le deuil de ma mort inhumaine.

Desportes El. 2.

т: е.

Оно сдѣлало сіе или отъ горести, что приближается моя погибель, или надѣло трауръ по несчастной моей кончинѣ. — Жаль, что Депортъ не выдумалъ еще какой нибудь причины!

Сумарокъ справедливо сказалъ:
Противнѣе всего Елегіи притворство,

И хладно въ ней всегда безъ страсти стихотворство.

Разсужденія могутъ быть приличны Елегіи, но только тѣ, кои какъ будто сами отъ себя раждаются; чрезъ сію легкость онѣ болѣе кажутся чувствами, нежели разсужденіями. Такъ Тибуллъ, описывая прекрасную долину и сказавъ, что въ ней родился Амуръ и научился стрѣлять изъ лука, присовокупляетъ съ обыкновенною ему простотою:

Hei mihi! quam doctas nunc habet ille manus!

т. е.

Какую мѣткую Амуръ имѣетъ руку!

Lib. II. El. I.

Елегія не любитъ мыслей *изысканныхъ*, ни тѣхъ, кои только *замысловаты.* Сіи послѣднія могутъ быть приличны другому роду поэзіи; а тамъ, гдѣ требуется одного чувства, остроуміе не должно имѣть мѣста. Когда Проперцій призывалъ тѣни Каллимаха и Филетаса, то онъ не спрашивалъ у нихъ, какимъ образомъ внушили имъ Музы громкіе стихи, а требовалъ только, чтобъ они сказали ему, гдѣ нашли простоту, свойственную Елегіи. — Lib. III. El. I.

Изображенія похоронъ совершенно приличествуютъ свойству Елегіи. Древніе очень часто представляли собственную свою кончину и даже учреждали иногда обрядъ погребенія, а иногда оканчивали свои Елегіи надгробною себѣ надписью. Тибуллъ, сказавъ, что не можетъ пережить потери Нееры 19), которая была уже съ нимъ обручена, и которую похитилъ его соперникъ, тотчасъ устроиваетъ свои похороны. Онъ желаетъ, чтобы Неера, съ распущенными волосами плакала передъ его костромъ; чтобы непремѣнно она была вмѣстѣ съ своею матерью; чтобы обѣ, надѣвъ черныя платья, собрали его прахъ, оросили бы оный виномъ и молокомъ и сокрыли бы въ мраморной урнѣ съ драгоцѣннѣйшими благовоніями; онъ сочиняетъ еще надгробную надпись, показывающую, что причина смерти его послѣдовала отъ потери Нееры:

Ligdamus hic situs est, dolor huic et cura Neerae
Conjugis ereptae, causa perire fuit.

Предметы веселые имѣютъ въ Елегіи особенную свою пріятность, когда противо-

19) Lib. 3. El. 2.

полагаются состоянію поэта, или представляемыхъ имъ лицъ. — Петрарка, лишась Лауры своей, писалъ:

Zephiro torna: e'l bel tempo rimena
E i fiori, e l'herbe sua dolce famiglia.....
Ridono i prati, e'l ciel si rasserena;
L'aria e l'acqua e la terra è d'amor piena;
Ogni animal d'amar si riconsiglia.
Ma per me, lasso! tornano i più gravi
Sospiri.....

то есть:

Зефиръ возвращается! благодатное время приводитъ и цвѣты и траву, любезныхъ ему сотоварищей. Луга смѣются и небо яснѣетъ. Воздухъ, вода и земля исполнены любовію, къ которой стремится и всякое животное. Но для меня, увы! возвращаются мои мучительныя стенанія......

Какой натуральный и горестный переходъ!—Впрочемъ сей родъ описанія долженъ быть употребляемъ съ великою осторожностію: Елегія не столько требуетъ изображенія пріятныхъ предметовъ, сколько выраженія нѣжныхъ чувствъ.

И такъ, дабы собрать вмѣстѣ всѣ помѣщенныя здѣсь изслѣдованія, скажемъ,

что Елегія одолжена происхожденіемъ своимъ причитанію при похоронахъ, и что соединясь потомъ съ любовною страстію, стала быть употребляема любовниками для изображеній скорби и радости; что она требуетъ мыслей нѣжныхъ и натуральныхъ, выраженій простыхъ и непринужденныхъ, описаній плачевныхъ и удаленныхъ отъ всякой напыщенности.

Елегію раздѣляютъ на *Треническую* и *Еротическую* *). Треническая описываетъ печаль, болѣзнь, и всякое несчастливое приключеніе; Еротическая занимается одною только любовію, и всѣми отъ любви происходящими слѣдствіями.

Древніе употребляли въ Елегіяхъ стихъ Екзаметръ вмѣстѣ съ Пентаметромъ, что можно видѣть въ приведенныхъ выше Латинскихъ примѣрахъ, и таковыя двустишія назывались собственно *Елегическими* стихами. На Русскомъ языкѣ пишутся Елегіи по большей части шестистопными Ямбическими стихами, одна-

*) Аполлосъ, въ прав. піит.

кожъ сіе не должно быть правиломъ непремѣннымъ: въ Елегіи всякой размѣръ употребленъ быть можетъ.

Въ примѣръ Елегіи предлагаемъ читателямъ переводъ Г. Батюшкова Тибулловой Елегіи:

Напрасно осыпалъ я жертвенникъ цвѣтами,
Напрасно фиміамъ курилъ предъ алтарями;
Напрасно:—Деліи еще съ Тибулломъ нѣтъ.
Безсмертны! слышали вы скромный мой обѣтъ!
Молилъ ли васъ когда о почестяхъ и златѣ?
Желалъ ли обитать во мраморной палатѣ?
Къ чему мнѣ пажитей обширная земля,
Златыми класами вѣнчанныя поля,
И стадо кобылицъ, рабами охраненно?
О бѣдности молилъ, съ тобою раздѣленной!
Молилъ, чтобъ смерть меня застала, при тебѣ,
Хоть нища, но съ тобой!... къ чему желать себѣ
Богатства Азіи, или воловъ дебелыхъ?
Уже ли болѣе мы дней сочтемъ веселыхъ
Въ садахъ и въ храминахъ, гдѣ дивный рядъ столповъ
Изсѣченъ хитростью наемныхъ пришлецовъ;

Гдѣ все одинъ Порфиръ, Тенера и Кариста,
Помосты мраморны и урны злата чиста;
Луга пространные, гдѣ силою трудовъ,
Легла священна тѣнь отъ кедровыхъ лѣсовъ?
Къ чему Эритрскія жемчужины безцѣнны
И волны Тирскія, багрянцемъ напоенны?
Въ богатствѣ ль счастіе? въ немъ призракъ, тщетный видъ!
Мудрецъ отъ Ларъ своихъ за златомъ не бѣжитъ;
Колѣнъ предъ случаемъ во вѣкъ не преклоняетъ,
И въ хижинѣ своей съ фортуной обитаетъ!
И бѣдность, Делія, мнѣ дорога съ тобой!
Тотъ кровъ соломенной что крышей золотой,
Подъ коимъ сопряженъ любовію съ тобою,
Сто кратъ благословенъ!.... но если предо мною
Безсмертные вѣсовъ судьбы не преклонятъ:
Утѣшитъ ли тогда Тибулла пышный градъ?
Ахъ! нѣтъ!—и золото блестящаго Пактола,
И громкой славы шумъ, и самый блескъ престола
Безъ Деліи—ничто, а съ ней и куща—храмъ,
Безвѣстность, нищета завидны небесамъ!
О дочь Сатурнова! услышь мое моленье!

И ты, любови мать! когда же Паркъ сужденье,
Когда суровыхъ сестръ противно веретено,
И Деліей владѣть Тибуллу не дано;
Пускай теперь сойду во области Плутона,
Гдѣ блата топкія и воды Ахерона
Широкой цѣпію вкругъ ада облежатъ,
Гдѣ безпробуднымъ сномъ печальны тѣни
спятъ.

Вотъ еще два отрывка изъ подражаній Тибулловымъ Елегіямъ:

....Я о родительскомъ богатствѣ не тужу;
Безпечно дней моихъ остатокъ провожу;
Работаю, смѣюсь, иль съ Музами играю,
Или подъ тѣнію древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою даритъ,
Сквозь солнца иногда дождь мѣлкой чуть шу-
митъ:
Я слушаю его, по малу погружаюсь
Въ забвеніе, и сномъ пріятнымъ наслаждаюсь;
Иль въ мрачну, бурну ночь, въ объятіяхъ драгой,
Не слышу и грозы, гремящей надо мной.
Вотъ сердца моего желанья и утѣхи!
Пускай Месаллѣ льстятъ оружія успѣхи,
Одержанныя имъ побѣды на войнѣ;
Пускай, подъ лаврами, на гордомъ онъ конѣ,

Съ полками плѣнниковъ, при плескахъ въ Римъ
вступаетъ
И славы своея лучами поражаетъ!
А я... пускай отъ всѣхъ остануся забвенъ!
Пусть скажутъ обо мнѣ, что робкимъ я рожденъ;
Но Деліи во вѣкъ не огорчу разлукой;
Одна ея слеза была бъ мнѣ тяжкой мукой.
Прочь слава! не хочу жить въ будущихъ вѣкахъ;
Пребудь лишь ты въ моихъ, о Делія, глазахъ:
Съ тобой и дика степь Тибуллу будетъ раемъ!
Съ тобою онъ готовъ быть зноемъ пожигаемъ
И ночи на сырой землѣ препровождать.
Ахъ! можетъ ли покой и одръ богатый дать
Тому, кто одинокъ, а съ пламенной душою?
О Делія! я жизнь лишь чувствую тобою;
Одинъ твой на меня умильный, страстный взглядъ
Безцѣннѣй всѣхъ честей, тріумфовъ и наградъ!
Но все пройдетъ... увы! и Деліи не станетъ;
Быть можетъ.... нѣтъ! пускай твой прежде другъ увянетъ,
Пускай, когда чреда отжить ему придетъ,
Еще онъ на тебя взоръ томный возведетъ,

Еще, готовяся на вѣчную разлуку,
Дрожащею рукой сожметъ твою онъ руку,
Вздохнетъ и на твоей груди испуститъ
духъ.
О Делія! душа души моей и другъ!
Ужель на мой костеръ ни слезки не уронишь?
Нѣтъ! сердце у тебя не каменно: ты стонешь,
Рыдаешь, Делія! — и нѣжныя сердца
Желаютъ моему подобнаго конца . . . и проч.

Дмитріевъ.

Месалла! безъ меня ты мчиться по волнамъ
Съ орлами Римскими къ восточнымъ берегамъ;
А я, въ Феакіи оставленный друзьями,
Ихъ заклинаю всѣмъ, и дружбой и богами,
Тибулла не забыть въ далекой сторонѣ. —
Здѣсь Парка блѣдная конецъ готовитъ мнѣ,
Здѣсь жизнь мою прерветъ безжалостной
рукою
Неумолимая! Нѣтъ матери со мною!
Кто будетъ принимать мой пепелъ отъ
костра?
Кто будетъ безъ тебя, о милая сестра,
За гробомъ слѣдовать въ одеждѣ погребальной,
И мνро изливать надъ урною печальной?
Нѣтъ друга моего, нѣтъ Деліи со мной. —

Она, и въ самый часъ разлуки роковой,
Обряды тайные и чары совершала:
Въ священномъ ужасѣ безсмертныхъ вопрошала;
И жребій счастливый намъ отрокъ вынималъ.
Что пользы отъ того? часъ гибельный насталъ
И снова Делія печальна и уныла,
Слезами полный взоръ невольно обратила
На дальный путь. Я самъ лишенный скорбью силъ,
Утѣшься, Деліи сквозь слезы говорилъ;
Утѣшься! и еще съ невольнымъ трепетаньемъ
Печальную лобзалъ послѣднимъ лобызаньемъ.
Казалось, нѣкій богъ меня останoвлялъ:
То воронъ мнѣ бѣду внезапно предвѣщалъ,
То въ день, отцу боговъ, Сатурну посвященной,
Я слышалъ громъ глухой за рощей отдаленной.
О вы, которые умѣете любить,
Страшитеся любовь разлукой прогнѣвить!....
и пр.

Единственный мой богъ и сердца властелинъ
Я былъ твоимъ жрецомъ, Киприды милый сынъ!

До гроба я носилъ твои оковы нѣжны,
И ты, Амуръ, меня въ жилища безмятежны,
Въ Элизій приведешь таинственной стезей,
Туда, гдѣ вѣчный Май межь рощей и полей,
Гдѣ разцвѣтаетъ Нардъ и Киннамоны лозы
И воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы,
Тамъ слышно пѣнье птицъ и шумъ біющихъ водъ;
Тамъ дѣвы юныя сплетяся въ хороводъ
Мелькаютъ межь древесъ, какъ легки привидѣнья;
И тотъ, кого постигъ, въ минуту упоенья,
Въ объятіяхъ любви неумолимый рокъ,
Тотъ носитъ на челѣ изъ свѣжихъ миртъ вѣнокъ.
А тамъ, внутри земли, во пропастяхъ ужасныхъ,
Жилище вѣчное преступниковъ несчастныхъ,
Тамъ рѣки пламенны сверкаютъ по пескамъ,
Мегера страшная и Тизифона тамъ.... и пр.

Пусть тамъ страдаетъ тотъ, кто рушилъ нашъ покой
И разлучилъ меня, о Делія, съ тобой!... *и пр.*

Батюшковъ.

ЕЛЕГИЧЕСКІЙ. Относящійся къ Елегіи. Особенно такъ называется родъ стиховъ, который употребляли древніе въ Елегіяхъ: они мѣшали чрезъ строку Екзаметръ съ Пентаметромъ въ продолженіи всего сочиненія, какъ на примѣръ въ слѣдующихъ стихахъ:

Arma, gravi numero violentaque bella parabam
 Edere, materiâ conveniente modis.
Par erat inferior versus: risisse Cupido
 Dicitur, atque unum subripuisse pedem.
 Ov. L. 1. El. 1.

Г. Востоковъ употребилъ сей размѣръ въ Епитафіи художнику Козловскому:

Здѣсь Козловскаго гробъ, ваятеля—юный художникъ!
 Съ чувствомъ облобызай славнаго мастера ликъ,
И изъ урны къ себѣ вызывай Козловскаго Геній,
 Или же оный лови въ произведеньяхъ его.
 и пр.

Однакожъ стихи *Елегическіе* употребляемы были не въ однѣхъ только *Елегіяхъ*. Каллиной и Мимнермъ писали симъ размѣромъ исторію своего времени; мудре-

цы пользовались онымъ для сочиненія законовъ; Тиртей для воспѣванія доблести воинской; Бутасъ для объясненія служебныхъ обрядовъ; Каллимахъ для славословія боговъ; Ератосфенъ употреблялъ сей стихъ даже въ своихъ математическихъ твореніяхъ.—См. *Елегія.*

ЕМБЛЕММА. Символъ, Девизъ и Емблемма имѣютъ большое между собою сходство, а различаются въ нѣкоторыхъ только частяхъ.

Символъ есть знакъ, относящійся къ тому предмету, о которомъ хотятъ дать понятіе.—Вѣсы служатъ Символомъ правосудія. Символомъ невозможности можетъ быть умывающійся Арапъ:

Хотя рѣку воды на Ефіопа лей,
Не будетъ онъ бѣлѣй.

Девизъ есть изображеніе нрава человѣческаго и даже свойства цѣлаго народа. Девизы изобрѣтены были во времена Рыцарства. — У Принца Евгенія девизомъ былъ орелъ, смотрящій на солнце, съ сею надписью: *Natus ad sublimia.* — Требуется, чтобы надписи при девизахъ были кратки и значительны.

Емблемма есть аллегорическое изображеніе нравственной или политической мысли.—Женщина, стоящая одною ногою на колесѣ, и держащая въ рукахъ волнуемое вѣтромъ покрывало, изображаетъ фортуну: это Емблемма. Таковы же и сіи два древнія изображенія Амура: на кентаврѣ, котораго онъ усмирилъ; и на колесницѣ, везомой двумя львами.

Но когда изображеніе не можетъ быть для всякаго вразумительно, тогда прибавляется нѣсколько словъ и сіе называется *Леммою*.

Въ Словесности *Емблемма* есть Аллегорическое изображеніе, подъ какимъ либо существеннымъ видомъ, нравственной или политической мысли.

Въ стихахъ Державина *Изображеніе Фелицы* каждая почти строфа составляетъ Емблемму; между прочими и слѣдующая:

Содѣлай, чтобъ судебны храмы
Ея, лугами обросли,
Вѣсы бы въ нихъ стояли прямы,
И рѣдко къ нимъ бы люди шли;
Чтобъ совѣсть всюду предсѣдала
И обнимался съ ней законъ,

Чтобъ милость истину лобзала
И миру поставляла тронъ.

ЕМФАЗИСЪ. Тропъ предложеній.

Емфазисъ, *ἔμφασις*, происходитъ отъ *ἐν*, въ, и *φαίνω*, показываю. — Состоитъ въ томъ, когда дѣйствіе или состояніе вещи не прямо изображается, но разумѣется изъ другаго, и чрезъ то весьма много возвышается; что бываетъ:

1. *По обстоятельствамъ*, на примѣръ:

Сердца жалѣньемъ закипѣли,
Когда подъ дерзкимъ кораблемъ
Балтійски волны побѣлѣли.

Ломоносовъ.

Побѣлѣніе волнъ есть обстоятельство бѣгущаго по морю корабля, чрезъ которое здѣсь скорое онаго теченіе разумѣется.

2. *По жизненнымъ свойствамъ*. На пр. въ переведенной Г. Мерзляковымъ 5-й Виргиліевой Еклогѣ:

Блистательный Олимпъ чудесный храмъ открылъ
Тамъ Дафнисъ шествуетъ, одѣянный лучами,
И видитъ облака и звѣзды подъ стопами.

Т. е. Дафнисъ на небѣ.

3. *По мѣсту или времени*. На пр. Виргилій говоритъ о Церберѣ, что *онъ разтянулся по неизмѣримой пещерѣ*, и о выходѣ Грековъ изъ Коня въ Троѣ, что *спускались они по веревкѣ*, и чрезъ то показываетъ ужасную величину адскаго пса и вышину коня Греческаго.

4. *Когда предыдущее разумѣется чрезъ послѣдующее*. На пр.

Волы несутъ домой повѣшенные плуги

т. е. въ вечеру перестали пахать землю.

5. Когда тотъ, кто о какомъ дѣйствіи сказываетъ, представляется, какъ бы онъ самъ оное производилъ. Такъ Виргилій въ 6 Еклогѣ говоритъ о Силенѣ, что онъ

Зритъ скорби Геліадъ, обводитъ ихъ корой.

Пер. Мерзлякова.

т. е. поетъ о превращеніи сестеръ Фаетоновыхъ Геліадъ въ деревья.

ЕННЕГЕМИМЕРЪ. Seminovenarius, имѣющій половину девяти частей, или находящійся среди девяти частей. Слово Греческое, составленное изъ ἐννέα, девять, μέσυς половина и μέρος часть. Симъ именемъ означается цезура въ девятой *полу-*

стопѣ, т. е. дѣлающая первую половину пятой стопы. На пр.

Ille latus niveum molli ful*tus* hyacinto

слогъ *tus*, въ словѣ fultus, дѣлается долгимъ какъ цезура.—См: *Ептемимеръ*, Тригемимеръ.

ЕНТУЗІАСМЪ, возторгъ, изступленіе.—Ентузіасмъ въ писателѣ, говоритъ Мармонтель, бываетъ тогда, когда чрезъ вниманіе и напряженіе ума, онъ поражается мысленнымъ предметомъ такъ живо, какъ бы оный въ самомъ дѣлѣ существовалъ, какъ будто бы онъ видѣлъ его въ то самое время дѣйствительно передъ собою;—или когда вникая въ положеніе, въ чувствія лица, которое онъ заставляетъ дѣйствовать и говорить, достигаетъ наконецъ до того, что дѣлается самъ ему подобнымъ, и такъ сказать, принимаетъ въ себя душу его.

Во всѣ времена Ентузіасмъ предоставляемъ былъ поэзіи, и особливо поэзіи лирической; но развѣ ораторъ не можетъ имѣть такого очаровательнаго предмета, какъ поэтъ? когда, на примѣръ, взявъ сторону какого нибудь несчастливца, онъ возбуждаетъ въ его пользу негодованіе, со-

страданіе, одного судіи или цѣлаго народа: развѣ тогда естественно онъ бываетъ такимъ, какъ хочетъ казаться; развѣ не имѣетъ нужды, подобно поэту, преноситься мыслями на мѣсто обвиняемаго, и выражать чувства, какія несчастный долженъ имѣть въ то время? — на сіе можно отвѣтствовать, что въ такомъ случаѣ ораторъ дѣлается поэтомъ: разность состоитъ въ одномъ только способѣ ихъ объясненія.

Вольтеръ пишетъ, что *Ентузіасмъ съ разсудкомъ*, *обдуманный*, l'enthousiasme raisonable, *данъ въ удѣлъ только великимъ поэтамъ.*—Но какъ Ентузіасмъ можетъ быть управляемъ разсудкомъ? — Вотъ его отвѣтъ: поэтъ начертаваетъ прежде всего расположеніе своей картины; тогда кистію его управляетъ разумъ. Но пожелаетъ ли онъ одушевить свои лица и придать имъ страсти? тогда воображеніе воспламеняется и Ентузіасмъ дѣйствуетъ. Вольтеръ уподобляетъ такого поэта великому Конде, который дѣлалъ расположеніе сраженій хладнокровно, съ мудростію, и сражался съ изступленіемъ.—Изъ Енциклопедіи.—См. *Воображеніе*.

ЕОНИЧЕСКІЙ. Поэзія Еоническая есть та, которою по прошествіи вѣка, описываются знаменитыя приключенія, бывшія чрезъ все то время; приносится благодарность Богу и похвала защитникамъ и благодѣтелямъ отечества. Она бываетъ Лирическая и Героическая. — *Аполлосъ*, прав. піит.

ЕПЕНФЕЗИСЪ. Родъ Метапласма. См. сіе слово. Происходитъ отъ ἐπι, къ, при, ἐν въ и θέσις положеніе, какъ бы сказано было: приложеніе или вложеніе, вставка. Фигура перемѣняющая слово прибавленіемъ какой нибудь литеры въ срединѣ. Латинскіе стихотворцы часто пользовались такою вольностію. Лукрецію на примѣръ (Lib. 1.) нужно было, чтобы слова *Religio* первый слогъ былъ долгій, и онъ для сего удвоилъ букву l:

Tantum Relligio potuit suadere malorum.

Ювеналъ прибавилъ цѣлой слогъ *du* въ словѣ Imperator (Sat. IV. v. 29.)

Quales tunc epulas ipsum glutisse putemus
Induperatorem.

ЕПИБАТЕРИЧЕСКІЙ. Такъ называется поэма, которою возвратившіеся

изъ пути благодарятъ Бога, а отечество и друзей привѣтствуютъ.—*Аполлосъ.*

ЕПИГРАММА. Небольшое сочиненіе въ стихахъ, имѣющее одинъ только предметъ и оканчивающееся острою мыслію.

Другіе опредѣляютъ Епиграмму *пріятною мысліиу, изображенною въ немногихъ словахъ.* — Такое опредѣленіе заключаетъ въ себѣ разные роды Епиграммъ, бывшихъ въ употребленіи у древнихъ и новыхъ писателей.

О древнихъ Епиграммахъ и объ Антологіи.

Епиграммы были прежде не иное что, какъ *надписи* (что показываетъ и самое названіе, ибо ἐπι значитъ *надъ, γράμμα* письмя или письмо), высѣкаемыя на лицевой сторонѣ храмовъ, на подножіяхъ статуй, на могилахъ и другихъ народныхъ памятникахъ; наконецъ стали употреблять ихъ для преданія потомству *вкратцѣ* какого либо происшествія или для описанія чьего-либо нрава; и хотя предметъ ихъ перемѣнился, но имя свое онѣ сохранили.

„Мы (сказано въ книжкѣ подъ названіемъ *о Греческой Антологіи.* 1820.) Мы называемъ Епиграммою краткіе стихи са-

тирическаго содержанія, кончащіеся острымъ словомъ, укоризною или шуткою. Древніе давали сему слову другое значеніе. У нихъ каждая небольшая піеса, размѣромъ Елегическимъ писанная, т. е. Екзаметромъ и Пентаметромъ, называлась Епиграммою. Ей все служитъ предметомъ: она, то поучаетъ, то шутитъ, и почти всегда дышетъ любовію. Часто, она не что иное, какъ мгновенная мысль, или быстрое чувство, рожденное красотами природы или памятниками художества. Иногда Греческая Епиграмма полна и совершенна: иногда небрежна и некончена..... какъ звукъ, въ дали изчезающій. Она почти никогда не заключается разительною, острою мыслію, и, чѣмъ древнѣе, тѣмъ проще. Этотъ родъ поэзіи украшалъ и пиры и гробницы.„

Дабы при семъ случаѣ болѣе познакомить нашихъ читателей съ Греческою Антологіею, мы воспользуемся означенною книжкою, которая сверхъ подробнѣйшихъ о семъ предметѣ разсужденій, изобилуетъ прелестнѣйшими примѣрами. Вотъ нѣкоторыя выписки:

Подъ именемъ Греческой Антологіи разумѣемъ мы собраніе мѣлкихъ стихо-

творенiй, включая въ сiе число надписи и Лирическiе отрывки. Собранiе сiе содержитъ всѣ эпохи Греческой поэзiи Не мы одни, Русскiе, мало занимались Антологiею. Въ Германiи, въ сей колыбели Филологiи, прежде Гердера никто не помышлялъ о красотахъ и достоинствѣ оной. Здравая критика возникла не болѣе пятидесяти лѣтъ, и только съ сего времени сдѣлалась любимымъ предметомъ лучшихъ Нѣмецкикъ Филологовъ. Французскiе Литтераторы и ученые, выключая немногихъ, оставили Антологiю почти безъ вниманiя. Мы знаемъ нѣсколько подражанiй Вольтера (мастерски переведенныхъ Дмитрiевымъ); но вообще сей изобильный източникъ поэзiи и понынѣ въ неизвѣстности или въ небреженiи. Виною сего полагаю великое затрудненiе въ самомъ чтенiи Антологiи. Она требуетъ необыкновеннаго знанiя Греческаго языка. Разнообразность дiалектовъ, гибкость въ выраженiяхъ и оборотахъ — и самая неисправность печатнаго текста, — препятствовали узнать въ совершенствѣ сiе прекрасное произведенiе

Исторiя Антологiи извѣстна. Ученые знаютъ Мелеагра Сирiйскаго, Константи-

на Кефаласа и монаха Плануда. Между новѣйшими критиками никто не трудился надъ нею столь прилѣжно, какъ Г. Якобсъ въ Готѣ. Онъ издалъ лучшіе донынѣ комментаріи съ новымъ изданіемъ Аналектовъ Брунка, и сверхъ того напечаталъ вѣрный списокъ съ такъ называемой *Палатинской рукописи*, изъ Гейдельберга въ Римъ, изъ Рима въ Парижъ, а теперь изъ Парижа обратно въ Гейдельбергъ перенесенной. Печатныя изданія Антологіи многочисленны; первое явилось во Флоренціи въ 1494 году. Расположеніе Епиграммъ въ сихъ изданіяхъ неодинаково.

Писатели, составляющіе Греческую Антологію, сутъ: Мелеагръ Гадарскій, жившій во время послѣдняго изъ рода Селевкидовъ, вступившаго на престолъ въ 3 годъ 170 Олимпіады; — Асклепіадъ Самоскій, современникъ Феокрита; — Гедилъ, жившій въ царствованіе Птоломея Филадельфа, и родившійся въ Афинахъ, а по словамъ другихъ, въ Самосѣ; — Антипатеръ Сидонскій; — Антипатеръ Фессалоніійскій; — Павелъ Силенціарій, жившій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ седьмомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, — большей же части Епи-

граммъ, заключающихся въ Антологіи, имена сочинителей неизвѣстны. 1)

Теперь покажемъ нѣсколько Епиграммъ помѣщенныхъ въ той же книжкѣ:

1. Мелеагра Гадарскаго, на смерть любовницы:

Въ обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слезъ,
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ.
Ахъ! тщетно все! изъ вѣчной сѣни,
Ничѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни;
Добычи не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе; все хладно, все молчитъ;
Надгробный факелъ мой лишь мраки освѣщаетъ....
Что, что вы сдѣлали властители небесъ?
Скажите, что краса такъ рано погибаетъ!
Но ты, о мать—земля! съ сей данью горькихъ слезъ,

1) Сверхъ показанныхъ сочинителей писали еще у Грековъ Епиграммы: Каллимахъ, Агафій; Діогенъ Лаерцій написалъ Епиграммами портреты славныхъ мужей, а книгу сію назвалъ *Памметръ*, разномѣръ, потому что въ ней были стихи изъ разныхъ метровъ; Апулей—который не соблюдалъ нималѣйшей благопристойности.

Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими, и успокой въ гостепріимной сѣни!

2. Асклепіада Самосскаго:

Свидѣтели любви и горести моей,
О розы юныя, слезами омоченны!
Красуйтеся въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной;
Гдѣ милая таится отъ очей.
Помедлите вѣнки! еще не увядайте!
Но если явится: пролейте на нее
Все благовоніе свое,
И локоны ея слезами напитайте;
Пусть остановится въ раздумьѣ, и вздохнетъ
А вы цвѣты благоухайте,
И милой локоны слезами напитайте!

3. Антипатера Сидонскаго. — Яворъ къ прохожему:

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любитъ мой полуистлѣвшій пень!
Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь;
Завялъ: но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,

Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
И пепелъ твой любилъ оставшись на земли.

4. Павла Силенціарія къ постарѣлой красавицѣ:

Тебѣ ль оплакивать утрату юныхъ дней?
Ты въ красотѣ не измѣнилась,
И для любви моей
Отъ времени еще прелестнѣе явилась.
Твой другъ не дорожитъ неопытной красой,
Незрѣлой въ таинствахъ любовнаго искуства.
Безъ жизни взоръ ея стыдливой и нѣмой,
И робкой поцѣлуй безъ чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и въ мертвый камень;
И въ осень дней твоихъ не погасаетъ пламень,
Текущій съ жизнію въ крови.

Оканчивая сіе извлеченіе за необходимое почитаемъ присовокупить къ выписаннымъ изъ *разсужденія объ Антологіи* примѣрамъ, и двѣ Епиграммы, переведенныя изъ оной Дмитріевымъ.

1.

Къ Венериной статуѣ.

Парисъ и Марсъ — о томъ ни слова —
И Адонисъ, когда хотѣлъ,

Меня видали безъ покрова;
Но какъ увидѣлъ Праксишель?

2.

Леандръ, въ послѣдній разъ возникнувъ изъ
валовъ,
Молилъ взирающихъ сквозь зарево боговъ:
О боги! боги! допустите
Взглянуть мнѣ на нее, и послѣ потопите.

*

Лучшими изъ древнихъ на Латинскомъ языкѣ писателей Епиграммъ почитаются *Катуллъ*, родившійся въ Веронѣ за 86 лѣтъ до Р. Х. и *Марціалъ*, родившійся въ Испаніи около половины перваго столѣтія и проведшій большую часть жизни въ Римѣ. Первый отличается простотою, во второмъ болѣе остроты. Послѣ нихъ можно упомянуть *Авзонія*, но его Епиграммы, по словамъ Скалигера, не имѣютъ подобнаго достоинства, выключая весьма немногихъ.—Покажемъ нѣсколько Латинскихъ Епиграммъ.

I.

Semper pauper eris, si pauper es, Aemilianus,
Dantur opes nunc non nec nisi divitibus.

2.

Dimidium donare lino quam credere totum
 Qui mavult, mavult perdere dimidium.

Сіи принадлежатъ Марціалу, а послѣдующія Авзонію, изъ которыхъ однакожъ вторая приписывается и Іерониму Амальтею:

3.

Infelix *Dido* nulli benè nupta marito!
 Hoc pereunte, fugis: hoc fugiente, peris.

4.

Lumine *Acon* dextro, capta est *Leonida* sinistro:
 Et poterat forma vincere uterque deos:
Parve puer, lumen quod habes concede puellae,
 Sic tu coecus Amor, sic erit illa Venus.

Г. Востоковъ переложилъ послѣднюю Епиграмму съ сохраненіемъ размѣра подлинника:

Правымъ глазомъ *Ванюша*, *Надинька* лѣвымъ не можетъ;
 Впрочемъ плѣняютъ они оба пригожствомъ своимъ.
Ваня голубчикъ! отдай-ка сестрицѣ глазъ свой здоровый:

Будетъ Венерой она—будешь Амуромъ слѣпымъ.

О новѣйшихъ Епиграммахъ.

Двѣ части составляютъ Епиграмму, принимаемую въ нынѣшнемъ ея значенiи: одна заключаетъ *предложенiе* предмета или вещи произведшей мысль; другая самую мысль, или, такъ сказать, *острое слово*, что вмѣстѣ можно назвать, какъ и въ прочихъ творенiяхъ, *узломъ и развязкою.* Предложенiе должно быть просто, ясно и представлено съ легкостiю, должно возбудить вниманiе и любопытство читателя; а острая мысль чѣмъ кратче будетъ выражена, тѣмъ лучше.

Епиграмма болѣе нравится, когда принимаетъ видъ важный, желая быть шутливою; видъ простоты, желая быть замысловатою; видъ кротости, желая быть язвительною. Впрочемъ во всякомъ случаѣ она только можетъ осмѣивать странности или пороки, нимало не касаясь личности.

Епиграмма пишется стихами и вольными и одномѣрными. Слогъ ея долженъ быть выработанъ съ особливымъ раченiемъ, ибо погрѣшность, скрывающаяся

въ большомъ сочиненiи, въ Епиграммѣ дѣлается всякому примѣтною.

Слѣдующiе примѣры, взятые изъ разныхъ писателей, лучше покажутъ существо Епиграммы. Изъ нихъ можно увидѣть, что иногда *предложенiе* и *развязка* Епиграммы состоятъ просто *въ разсказѣ*, иногда предложенiе заключается *въ вопросѣ*, а развязка *въ отвѣтѣ*, которые авторъ дѣлаетъ, говоря самъ съ собою, или вводитъ лице постороннее; иногда же предложенiе бываетъ *въ разсказѣ*, а развязка въ *обращенiи* къ тому лицу, которое служитъ предметомъ насмѣшки и проч.

Мнѣ лѣкарь говорилъ: нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что не доволенъ мной!
Конечно, думалъ я, никто того не скажетъ;
Смерть всякому языкъ привяжетъ.

Дмитрiевъ.

Какъ страненъ Никодимъ!
Онъ вѣчно утверждаетъ
Противное другимъ,
И умникомъ себя для спора называетъ.

Карамзинъ.

Какой учтивецъ сталъ Дамонъ!
Что за диковинка? теперь въ отставкѣ онъ.

В. Пушкинъ.

Смѣяться вы властны, но я клянуся вамъ,
Что я въ моихъ стихахъ не краду, подражаю.
Безспорно, я и самъ съ тобою утверждаю,
Что подражаешь ты ворамъ.

Кн. Вяземскій.

Напрасно Лизу свѣтъ поноситъ,
Что нѣтъ у ней волосъ своихъ!
Я знаю, Лизанька чужихъ волосъ не носитъ;
У ней свои: она при мнѣ купила ихъ.

А. Измайловъ.

Ты нимфа Іо, нѣтъ сомнѣнья!
Но только . . . послѣ превращенья.

Батюшковъ.

Что женской родъ болтливъ, мнѣ Музы доказали;
До Музъ слылъ дуракомъ
Фирюлинъ подъ рукой; лишь Музамъ сталъ знакомъ,
Всѣ въ мигъ про то узнали.

Графъ Хвостовъ.

Чѣмъ въ басняхъ ты хорошъ? ста басенъ сочинитель!
Ты въ нихъ актеръ и зритель.

Лажечниковъ.

Одной сочинительницѣ.

Ты Сафо, я Фаонъ, объ этомъ и не спорю,
Но къ моему ты горю
Пути не знаешь къ морю.

Батюшковъ.

Поэтъ Оргонъ, хваля жену свою не въ мѣру,
Въ стихахъ своихъ ее съ Венерою сравнялъ—
Безъ умысла женѣ онъ сдѣлалъ Мадригалъ,
И Епиграмму на Венеру.

Дмитріевъ.

ЕПИГРАММАТИЧЕСКІЙ. Относящійся къ Епиграммѣ, или имѣющій ея свойства.—См. *Епиграмма.*—Имя сіе придается также писателю, упражняющемуся наиболѣе въ сочиненіи Епиграммъ.

ЕПИГРАФЪ. Одно слово, или изрѣченіе, въ прозѣ или стихахъ, взятое изъ какого либо извѣстнаго писателя, или свое собственное, которое помѣщаютъ авторы въ началѣ своихъ сочиненій, и тѣмъ даютъ понятіе о предметѣ оныхъ.--ἐπι надъ, γράφω, пишу.

ЕПИДИКТИЧЕСКІЙ. Тоже самое значитъ, что панегирическій.—*Аполлосъ.*

ЕПИЗОДИЧЕСКІЙ. Въ Поэзіи называютъ *Епизодическою* такую поэму, которая содержитъ излишнія приключенія, и въ которой *Епизоды* употреблены безъ всякой надобности, и не имѣютъ надлежащей связи. Аристотель въ своей Піитикѣ говоритъ, что трагедіи, въ коихъ Епизоды не связаны между собою, заслуживаютъ справедливое порицаніе; онъ называетъ ихъ *Епизодическими* Драмами, т. е. имѣющими слишкомъ много Епизодовъ: Superabundantes in episodis.

ЕПИЗОДЪ. Вводная рѣчь или повѣсть, вводный разсказъ. Епизодъ есть небольшое повѣствованіе, которое авторъ въ Епической или Дидактической поэмѣ, или въ какомъ либо другомъ твореніи, вводитъ для украшенія и для разнообразія. Содержаніе Епизода должно быть отлично отъ главнаго повѣствованія; но, не составляя сущности самой поэмы, Епизодъ долженъ присоединяться къ ней почти непримѣтною связью, то есть, авторъ долженъ показать, будто самая поэма подаетъ поводъ ко введенію Епизода.

Греки называли Епизодъ *πρᾶγμα πράγματι συναπτόμενον*, дѣйствіе присоединенное

къ дѣйствію, или у Свиды ἔξω ὑποθέσεων ὂν и также ἐξαγώνιον πρᾶγμα — названія, показывающія, что Епизодъ не принадлежитъ собственно къ содержанію поэмы, но есть нѣчто къ оному присовокупляемое. — Изъ Opere di T. Tasso. Vol. ottavo. p. 445.

О правилахъ, какихъ требуютъ Епизоды въ отношеніи къ поэмамъ, см. статьи: *Дидактическій* и *Епическій*.

Въ древней трагедіи называлось *Епизодомъ* все то, что не составляло *хора*; ибо хоры были тогда единственнымъ дѣйствіемъ трагедіи.—См. *Трагедія*.

ЕПИКЕДІОНЪ, epicedium, funebre. Слово Греческое. У древнихъ называлось симъ именемъ сочиненіе, написанное на кончину кого-либо. Они при погребеніи употребляли три рода сочиненій: произносимое на кострѣ называлось *Иенія*, говоренное при отправленіи похороннаго обряда именовалось *Епикедіонъ*, и надписываемое на гробницѣ *Епитафія*.

ЕПИЛОГЪ. Такъ называлась у древнихъ рѣчь, которую говорилъ къ зрителямъ одинъ изъ главныхъ актеровъ по окончаніи театральнаго представленія, и

которая обыкновенно содержала разсужденіе о самомъ сочиненіи. У новѣйшихъ Драматическихъ писателей *Епилоги* не въ употребленіи.—ἐπι, надъ и по, послѣ; λόγος рѣчь, слово. — См. *Прологъ*. — *Епилоги* могутъ быть помѣщаемы въ поэмахъ шуточныхъ.

ЕПИНИКИЧЕСКІЙ, Epinicium. Поэма, симъ именемъ называемая, есть та, которою поздравляютъ побѣдителя съ пораженіемъ непріятеля.—*Аполлосъ* и *Тредіаковскій*.

ЕПИСТОЛА или *Посланіе*. —Слово сіе, означавшее прежде всѣ роды писемъ, предоставлено въ послѣдствіи однѣмъ только письмамъ въ стихахъ.

Извѣстно, что каждый родъ поэзіи имѣетъ особенное свойство, какъ то: Ода — смѣлость, Пѣсня — нѣжность, Басня — простоту, Сатира — колкость, Елегія — унылость и пр. Но въ Епистолѣ, которая бываетъ и поучительною, и страстною, и печальною, и шутливою, и даже язвительною, всѣ роды смѣшиваются вмѣстѣ, почему и принимаетъ она тонъ, сообразный съ заключающимся въ ней содержаніемъ; а содержаніемъ ея можетъ быть

все то, что можетъ представиться воображенію писателя, или короче сказать, все, о чемъ можетъ одинъ человѣкъ писать къ другому. Надлежитъ замѣтить, что въ Епистолахъ, также какъ и въ простыхъ письмахъ, строго наблюдается приличіе, то есть, отношеніе между сочинителемъ и тѣмъ лицемъ, къ которому онъ пишетъ, какъ на примѣръ: молодой человѣкъ не долженъ писать къ почтенному старцу, или къ знаменитой особѣ, точно также, какъ можетъ писать къ своему ровестнику и пріятелю: Ломоносовъ, даже и въ преклонныхъ лѣтахъ, не называлъ Шувалова *мой другъ!* Вольтеръ въ шутливой и замысловатой перепискѣ съ ЕКАТЕРИНОЮ никогда не забывалъ неравенства состояній между нимъ и сею Государынею. Сверхъ того, ежели въ сочиненіи, посвящаемомъ знаменитой особѣ, стараемся облагороживать малозначащія вещи, то тѣмъ болѣе не должно въ такихъ Епистолахъ унижать величественныхъ предметовъ, не должно также смѣшивать высокаго съ низкимъ. Многіе обвиняютъ самаго Буало, что у него въ Епистолахъ часто находятъ Котеня вмѣстѣ съ великимъ Людовикомъ и съѣстные при-

пасы вмѣстѣ съ описаніемъ подвиговъ сего Монарха. Острое слово, украшающее дружеское письмо, равномѣрно бываетъ не у мѣста въ Епистолѣ важной.

Главнѣйшее же и отличительное свойство *Епистолы* отъ всѣхъ прочихъ родовъ Поэзіи, состоитъ въ томъ, что она въ продолженіи одного сочиненія свободно можетъ перемѣнять свои тоны; однакожъ и въ семъ случаѣ принято за правило, что переходы изъ тона шутливаго въ величественный бываютъ позволительнѣе, нежели изъ важнаго въ шутливый. Прилично ли бы, на примѣръ, показалось, если бы Муравьевъ въ нравоучительномъ, или можно сказать, философическомъ своемъ Посланіи къ Тургеневу, перешелъ изъ тона, имъ принятаго и сообразнаго съ самимъ содержаніемъ, въ такой тонъ, какимъ написалъ Княжнинъ Посланіе къ Рифмоскрыпу отъ его дяди?...

Епистола принимаетъ также *Епизоды*, но съ условіемъ, чтобъ они не превосходили ее въ пространствѣ.

Епистола раздѣляется на разные роды:

Нравоучительная — показываетъ обязанности людей вразсужденіи общества, прославляетъ добрые нравы и предста-

вляетъ примѣры, достойные подражанія; таковы: Карамзина *Посланіе къ Плещееву о счастіи*, Муравьева *Посланіе къ Тургеневу* и пр. Сей родъ поэзіи требуетъ для разнообразія піитическихъ вымысловъ, высокихъ изображеній, и вообще чистаго и правильнаго разсказа. Когда же таковыя *Епистолы* или *посланія* содержатъ критику противъ пороковъ и странностей, тогда могутъ быть причислены къ Сатирамъ. Примѣромъ служатъ: Княжнина *Посланіе отъ Рифмоскрыпова дяди*; фонъ Визина *Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ*; Милонова *къ Рубеллію* и *къ Луказію* и пр. Сюда можно еще присовокупить Епистолу *Философическую*, которая также показываетъ высокія истины нравственности, но съ бо́льшимъ глубокомысліемъ и порядкомъ; въ ней обыкновенно изслѣдываются сіи три вопроса: *когда, какъ и для чего?* Если же касается она учености, то принимаетъ видъ поэмы Дидактической, какъ на примѣръ писанная Ломоносовымъ къ Шувалову *О пользѣ стекла*.

Когда *Епистолы* изъясняютъ кроткія страсти, нѣжность, дружество и пр. тогда въ нихъ наиболѣе нравится простота

и легкость въ слогѣ. Примѣромъ служить могутъ: Карамзина *Посланіе къ женщинамъ*, Жуковскаго *Посланіе къ Батюшкову* и пр.

Еписмолы, описывающія любовь, печаль, отчаяніе, принадлежатъ къ Елегіямъ, либо къ Героидамъ, съ тою только разностію, что въ послѣднихъ, то есть въ Героидахъ (см. *Героида*) слогъ употребляется возвышеннѣе, и что упоминаемыя въ нихъ лица должны быть извѣстныя. Къ Елегіямъ можно причислить посланіе Карамзина *къ невѣрной*, ко вторымъ написанное Гнѣдичемъ подъ названіемъ *Перуанецъ къ Испанцу*.

Еписмолы *шуточныя* отличаются легкостію слога, остротою, веселостію и требуютъ оборотовъ и описаній замысловатыхъ; на пр: *Ты и вы* или *Посланіе къ Лизѣ*, написанное Княжнинымъ; Карамзина *къ бѣдному поэту* и пр.

Есть еще *Еписмолы* смѣшанныя съ прозою: сіи чаще бываютъ шуточныя, или по крайней мѣрѣ весьма рѣдко встрѣчаются въ нихъ матеріи важныя.

Еписмолы пишутся стихами всякаго размѣра, и даже вольными.

Здѣсь приводятся въ примѣръ нѣко-

шорые отрывки изъ упомянутыхъ Епистолъ или Посланій, по порядку:

Къ А. А. Плещееву.

. О счастьѣ слово. Удалимся
Подъ вѣтви сихъ зеленыхъ ивъ;
Прохладой чувства освѣживъ,
Мы тамъ бесѣдой насладимся
Въ любезной Музамъ тишинѣ.

Мой другъ! повѣришь ли ты мнѣ,
Чтобъ *десять тысячъ* было мнѣній,
Ученыхъ философскихъ прѣній
Въ архивахъ древности сѣдой
О средствахъ жить счастливо въ свѣтѣ,
О средствахъ обрѣсти покой?
Но точно такъ, мой другъ, въ семъ счетѣ
Ошибки нѣтъ. Фалесъ, Хилонъ,
Питтакъ, Эпименидъ, Критонъ —
Біоны, Симміи, Стильпоны,
Эсхины, Эмміи, Зеноны,
Въ лицеѣ, въ храмахъ и садахъ;
На бочкахъ, темныхъ чердакахъ,
О благѣ вышнемъ говорили,
И смертныхъ къ счастію манили

Своею нищенской клюкой,
Клянясь священной бородой,
Что плодъ земнаго совершенства
Въ саду ихъ мудрости растетъ

. . . . Добра не много на землѣ,
Но есть оно — и тѣмъ милѣе
Ему быть должно для сердецъ.
Кто малымъ можетъ быть доволенъ,
Не скованъ въ чувствахъ, духомъ воленъ,
Не есть чиновъ, богатства льстецъ;
Душою также прямъ, какъ станомъ,
Не ищетъ благъ за Океаномъ
И съ моря кораблей не ждетъ,
Шумящихъ вѣтровъ не робѣетъ,
Подъ солнцемъ домикъ *свой* имѣетъ,
Въ *сей день* для *дня сего* живетъ
И мысли въ даль не простираетъ;
Кто смотритъ прямо всѣмъ въ глаза;
Кому несчастнаго слеза
Отравы въ пищу не вливаетъ;
Кому работа не трудна,
Прогулка въ полѣ не скучна
И отдыхъ въ знойный часъ любезенъ,
Кто ближнимъ иногда полезенъ

Рукой своей или умомъ;
Кто можетъ быть пріятнымъ другомъ,
Любимымъ, счастливымъ супругомъ
И добрымъ милыхъ чадъ отцемъ;
Кто Музъ отъ скуки призываетъ
И нѣжныхъ Грацій, спутницъ ихъ;
Стихами, прозой забавляетъ
Себя, домашнихъ и чужихъ;
Отъ сердца чистаго смѣется
(Смѣяться, право, не грѣшно!)
Надъ всемъ, что кажется смѣшно:
Тотъ въ мирѣ съ міромъ уживется,
И дней своихъ не прекратитъ
Желѣзомъ острымъ или ядомъ;
Тому сей міръ не будетъ адомъ;
Тотъ путь свой розой оцвѣтитъ
Среди колючихъ жизни терній;
Отраду въ горестяхъ найдетъ,
Съ улыбкой встрѣтитъ часъ вечерній
И въ полночь тихимъ сномъ заснетъ.

Къ И. П. Тургеневу.

Не тотъ еще, мой другъ, свободный человѣкъ,
Кто, преданъ самъ себѣ, ведетъ безпечный вѣкъ,
Безъ пользы для другихъ, безъ плана и безъ дѣла,

Какъ мысль умомъ его внезапно овладѣла.
Я разныхъ зрю его невольникомъ страстей,
Подъ игомъ праздности стенящаго своей.
Напрасно въ свѣтѣ онъ разсѣянья желаетъ:
Свѣтъ, зримый всякой день, его не забавляетъ;
И между тѣмъ какъ все въ движеньи вкругъ его'
Онъ только осужденъ не дѣлать ничего.
Напрасно бы жезломъ какой всесильной феи
Онъ видѣлъ всѣ свои исполненны затѣи —
Онъ тысящи бы вновь желаній сплеталъ
И посреди воды былъ жажденъ какъ Танталъ.
Того лишь, кто владѣть умѣетъ самъ собою,
Зову свободнымъ я: не споритъ онъ съ судьбою,
Но всюду слѣдуетъ призванію ея,
И знаетъ, живучи, всю цѣну житія;
Безъ наслажденія минуты не проходятъ,
Раскаянья онѣ и скуки не приводятъ;
Любовью истины, любовью красоты
Исполненъ духъ его, украшены мечты:
Искуства! васъ къ себѣ онъ въ помощь призы-
ваетъ;
Отъ зависти себя онъ въ вашу сѣнь скрываетъ;
Безъ гордости великъ и важенъ безъ чиновъ,
На пользу общую всегда, вездѣ готовъ;
Онъ свято чтитъ родства священные союзы,

И чтобъ свободнымъ быть, пріемлетъ легки узы;
Внимательный супругъ и любящій отецъ,
Онъ властью облеченъ по выбору сердецъ;
Счастливъ, что можетъ быть семейства благодѣтель:
Что нужды, домъ тому, иль цѣлый міръ свидѣтель.
Таковъ Эмилій Павлъ.....
Ахъ! можетъ ли привесть ко счастію богатство?
Желанье собирать есть болѣе препятство,
Чѣмъ способъ къ счастію.....
И словомъ счастливъ тотъ и тотъ одинъ свободенъ,
Кто счастья въ крайностяхъ всегда съ собою сходенъ,
Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не унылъ,
Въ себѣ самомъ свое достоинство сокрылъ;
Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури усмиряетъ,
И скуку житія ученьемъ украшаетъ.....и пр.

Отъ Рифмоскрыпова дяди.

Хвалить и все и всѣхъ, то дѣло безопасно
И будетъ все съ тобой и дружно и согласно.

Всѣ стануть говорить: вотъ добрый человѣкъ!
Умно и смирно онъ проводитъ честный вѣкъ.
Водой не замутитъ. Душа его почтенна,
Что ей ни дай, ни чѣмъ не будетъ огорченна.
Онъ Ангелъ во плоти! прямой онъ философъ!
Хоть скучный *Рифмоскрыпъ*, навьюча возы
строфъ,
Его терпѣнію сто тысячъ одъ привозитъ,
Онъ плодородіе его хвалой навозитъ;
И сердцемъ дань платя препакостнымъ сти-
хамъ,
Хотя изъ подтишка въ кулакъ зѣваетъ самъ;
Но восхищается онъ явно каждой строчкой
И всѣмъ любуется и запятой и точкой.
,,Куда, онъ говоритъ, какъ это все умно!
Инымъ покажется запутано, темно;
Но то и хорошо. Одни лишь низки слоги
Понятны всякому; а кто, равно какъ боги
Высоко говоря, на крыліяхъ паритъ,
Тотъ долженъ не понять и самъ, что гово-
ритъ.... и пр.

Къ слугамъ моимъ и пр.

На вопросъ, сдѣланный сочинителемъ *на что сей созданъ свѣтъ*, Шумиловъ ска-

залъ, что онъ ничего о томъ не знаетъ, а Ванька говорилъ слѣдующее:

.....На всѣ твои затѣи
Не могутъ отвѣчать и сами граматѣи,
И мнѣль о томъ судить, когда мои глаза
Не могутъ различитъ отъ ижицы аза?
Съ утра до вечера держася на каретѣ,
Мнѣ тряско разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ;
Не ловко помышлять о томъ и во дворцѣ,
Гдѣ часто я стою смиренно на крыльцѣ,
Откуда каждый часъ друзей моихъ гоняютъ
И палочьемъ гостей къ каретамъ провожаютъ.
Но если на вопросъ мнѣ должно дать отвѣтъ,
Такъ слушайте, каковъ мнѣ кажется сей свѣтъ;
Москва и Петербургъ довольно мнѣ знакомы,
Я знаю въ нихъ почти всѣ улицы и домы;
Шатаясь по свѣту и вдоль и поперегъ;
Что могъ увидѣть я, того не простерегъ.
Видалъ и трусовъ я, видалъ я и нахаловъ,
Видалъ простыхъ господъ, видалъ и Генераловъ;
А чтобъ не завести напрасной съ вами споръ,
Такъ знайте, что весь свѣтъ считаю я за вздоръ.
Довольно на вѣку я свой животъ помучилъ,
И ѣздить на запяти я истинно наскучилъ.

Извощикъ, лошади, карета, хомуты,
И все, мнѣ кажется, на свѣтѣ суеты:
Здѣсь вижу мотовство, а тамъ я вижу ску-
чность,
Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость;
Да сверхъ того еще примѣтилъ я, что свѣтъ
Столь много времени неправдою живетъ,
Что нѣтъ уже такихъ кащеевъ на примѣтѣ,
Которыбъ истину запомнили на свѣтѣ.... и пр.

Я мысль мою скажу, вѣщаетъ мнѣ Петрушка,
Весь свѣтъ мнѣ кажется ребятская игрушка.
Лишь только надобно потверже то узнать,
Какъ лучше, живучи, игрушкой той играть.
Что нужды, что потомъ и возмутъ душу
черти,
Лишь толькобъ удалось получше жить до
смерти!
На что молиться намъ, чтобъ далъ Богъ ви-
дѣть рай,
Жить весело и здѣсь, лишь смертными играй;
Играй, хоть отъ игры и плакать ближній
будетъ,
Щечи его казну, твоя казна прибудетъ;
А чтобъ пріятнѣе еще казался свѣтъ
Бери, лови, хватай все, что ни попадетъ.

Всякъ долженъ своему послѣдовать разсудку,
Что ставишь въ дѣло ты, другой то ста-
вить въ шутку:
Не частоль отъ того родится всѣмъ бѣда,
Чѣмъ тѣшиться хотятъ большіе господа,
Которы нашими играютъ господами,
Такъ точно, какъ они играть изволятъ нами?
Создатель твари всей, себѣ на похвалу
По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу:
Иные рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, пла-
чутъ;
Вотъ какъ вертится свѣтъ! а для чего онъ
такъ,
Не вѣдаетъ того ни умной, ни дуракъ;
Однако ежели какими чудесами
Изволили спознать вы ту причину сами,
Скажите намъ ее„ *и пр.*

Къ Рубеллію.

(Изъ твореній Персія).

Царя коварный льстецъ, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблестью души, пронырствомъ вознесен-
ный,

Ты мещешь на меня съ презрѣніемъ твой
взглядъ!
Почтуль вниманіе твое ко мнѣ хвалою?
Унижуся ли тѣмъ, что униженъ тобою?
Одно достоинство и счастье для меня,
Что чувствами души съ тобой неравенъ я!
Что твой минутный блескъ? что санъ твой
горделивой?
Стыдъ смертнымъ — и укоръ судьбѣ неспра-
ведливой!
Стать лучше на ряду послѣднихъ Плебеянъ,
Чѣмъ выситься на смѣхъ, позоръ своихъ граж-
данъ; и пр.

Безславный тѣмъ подлѣй, чѣмъ больше
ищетъ славы!
Что въ томъ, что ты въ честяхъ, въ кругу
льстецовъ лукавыхъ,
Вельможи на себя пріемлешь гордый видъ,
Когда онъ ихъ самихъ украдкою смѣшитъ?
Рубеллій! титла лишь съ достоинствомъ
почтенны,
Не блескомъ собственнымъ, сіяя имъ однимъ,
Заставятъ ли меня дѣла твои презрѣнны
Неправо освящать хваленіемъ моимъ?

Лесть сыщешь, но хвалы не купишь справедли-
вой!...: и пр.

Наемная хвала—безславія вѣнецъ!....

....Когда презрѣніе питать къ тебѣ я смѣю—
Я силенъ—и ни въ чемъ еще не оскудѣю;
Въ изгнаньи отъ тебя пусть цѣлый вѣкъ
гублю,
Но честію твоихъ сокровищъ не куплю!
Мнѣ ль думать, мнѣ ль скрывать отъ обща
посмѣянья
Убожество души богатствомъ одѣянья?
Мнѣ ль ползать предъ тобой въ толпѣ тво-
ихъ льстецовъ?
Пусть Альбій, Арзелай—но Персій не таковъ!
Ты думаешь сокрыть дѣла свои отъ міра:
Въ мракъ гроба? но и тамъ потомство насъ
найдетъ;
Пусть цѣлый міръ рабомъ къ стопамъ тво-
имъ падетъ,
Рубеллій! трепещи: есть Персій и Сатира.

Къ Луказію.

Луказій! рѣшено: ты хочешь быть поэтомъ,
И требуешь, чтобъ я снабдилъ тебя совѣтомъ
Какъ славы достигать и имени пѣвца?—

Что легче, какъ найти невѣжду и льстеца?
Ищи ихъ и пиши: все будетъ совершенно!
Писателемъ прослыть весьма обыкновенно.
Стихи свои хвалой наполни гнусныхъ дѣлъ;
Будь дерзокъ, подлъ и льстецъ—и слава твой
удѣлъ!
Рубеллію тверди, что онъ рожденъ вельможей,
Женѣ его шепни, что всѣхъ она пригожѣй,
А *Балдусу*, вралю, что первый онъ поэтъ —
И одами зови его высокій бредъ;. . . . и пр.
Къ *Вралеву* забѣги съ пренизкимъ ты покло-
номъ:
Ему не въ первый разъ вступаться Цицерономъ
За скаредныхъ пѣвцовъ, уродство ихъ хвалить,
Дерзни его хоть разъ съ Гораціемъ сравнить—
И онъ, не устрашась, провозгласитъ предъ свѣ-
томъ
Тебя и Пиндаромъ и классикомъ—поэтомъ!....
и пр.
Но главный мой совѣтъ: будь твердъ въ своемъ
ты мнѣньѣ
И бранью защищай нелѣпое творенье;
На все за дѣтище любезное дерзай,
И умнымъ и глупцамъ ни въ чемъ не уступай.
Быть можетъ, иногда ты встрѣтишь, хоть
ихъ мало.

Людей, которые острятъ на глупость жало;
Тогда разсвирѣпѣвъ, и взявши грозный видъ,
Брани ихъ наповалъ, забывъ и честь и стыдъ;
Безбожникъ, закричи, злодѣй и извергъ свѣта,
Кто смѣетъ не почтитъ въ Луказіи поэта
и проч.

Къ Шувалову о пользѣ стекла.

Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ!
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Не рѣдко я для той съ Парнаскихъ горъ спускаюсь,
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь;
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, не злату—но стеклу.
И какъ я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживаго я счастья представляю!
Не можетъ тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель;
Стекло имъ рождено: огонь его родитель. —
Съ натурой нѣкогда онъ произвесть хотя

Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби затворилъ,
Въ которы Океанъ на брань къ нему входилъ,
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тягогу земли превыше облакъ вскинулъ....
и пр.
Но чтожъ отъ нѣдръ земныхъ родясь про-
изошло?
Любезное дитя, прекрасное стекло.

Ломоносовъ описываетъ потомъ слѣдую-
щую отъ стекла пользу:

1. Изъ чистаго стекла мы пьемъ вино и пиво,
И видимъ въ немъ примѣръ безхитрост-
ныхъ сердецъ:
Кого льзя видѣть сквозь, тотъ подлинно
не льстецъ.
Стекло въ напиткахъ намъ не можетъ
скрыть примѣсу....

2. Исполненъ слабостьми нашъ краткій въ мірѣ
вѣкъ;
Не рѣдко впадаетъ въ болѣзни человѣкъ!...
Лѣкарства, что въ стеклѣ хранятъ и со-
ставляютъ,

Въ стеклѣ одномъ онѣ безвредны пребываютъ.
Мы должны здравія и жизни честь стеклу...

3. Оно входъ жидкихъ тѣлъ отъ скважинъ отвращаетъ,
Вещей прекрасныхъ видъ на немъ изображаетъ;
Имѣетъ отъ стекла часть крѣпости фарфоръ;
Но тое, что на немъ увеселяетъ взоръ,
Сады, гульбы, пиры и все, что есть прекрасно,
Стекло являетъ намъ пріятно, чисто, ясно.

4. Искуство, коимъ былъ прославленъ Апеллесъ,
И коимъ нынѣ Римъ главу свою вознесъ,
Коль пользы отъ стекла пріобрѣло велики
Доказываютъ то финифти, мозаики....

5. Когда неистовый свирѣпствуя борей,
Стисняетъ мразомъ насъ въ упругости своей:
Великой не терпя и строгой перемѣны,
Скрываетъ человѣкъ себя въ толстыя стѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть,
Или съ дрожаніемъ несносный хладъ терпѣть;

Но солнечны лучи онъ сквозь стекло впу-
скаетъ
И лютость холода чрезъ то же отвра-
щаетъ....
Зимою за стекломъ цвѣты хранятся живы
Даютъ пріятный духъ, увеселяютъ взоръ,
И вамъ, красавицы, хранятъ себя въ уборъ...
Но было бъ ваше все старанье безъ успѣху,
Наряды ваши бы достойны были смѣху,
Когдабъ вы въ зеркалѣ не видѣли себя.
Вы вдвое пригожи, стекло употребя.

6. Во свѣтлыхъ зданіяхъ убранства таковы.
Но чѣмъ красуетесь, о сельски нимфы, вы?...
Когда лишась цвѣтовъ, поля у васъ блѣд-
нѣютъ,
Или снѣгами вкругъ глубокими бѣлѣютъ,
Безъ оныхъ чтобы вамъ въ нарядахъ по-
могло,
Когда бы бисеру вамъ не дало стекло?....
Такъ въ бисерѣ стекло, подобяся жемчугу,
Любимо по всему земному ходитъ кругу...

7. По долговременномъ теченьи нашихъ дней,
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей....
Тогда противенъ день, веселіе досада!

Одно лишь намъ стекло въ сей бѣдности
отрада.
Оно способствіемъ искусныя руки
Подать намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки....

8. Мы пламень солнечный стекломъ здѣсь получаемъ
И Промешею шѣмъ безбѣдно подражаемъ.
Ругаясь подлости нескладныхъ оныхъ вракъ,
Небеснымъ безъ грѣха огнемъ куримъ табакъ.....

9. Во зришельныхъ трубахъ стекло являетъ
намъ,
Колико далъ Творецъ пространство небесамъ.....
Чѣмъ меньше мы его щедротъ достойны
зримся,
Тѣмъ больше благости и милости чудимся!
Стекло приводитъ насъ чрезъ Оптику къ
сему,
Прогнавъ глубокаго невѣденія тьму!
Преломленныхъ лучей предѣлы въ немъ неложны
Поставлены Творцемъ.....

10. Коль много микроскопъ намъ тайностей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ.—
Но что еще? уже въ стеклѣ намъ барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры,
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль, облаки прогнавъ, ихъ солнце осушитъ.

11. Вертясь стеклянный шаръ даетъ удары съ блескомъ,
Съ громовымъ сходственны сверканіемъ и трескомъ;
Дивился сходству умъ; но видя малость силъ
(До лѣта прошлаго) сомнителенъ въ томъ былъ....
Внезапно чудный слухъ по всѣмъ странамъ течетъ,
Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ,
Что таже сила тучъ гремящихъ мракъ наводитъ,
Котора отъ стекла движеніемъ исходитъ;
Что зная правила изысканны стекломъ,

Мы можемъ отвратить отъ храминъ на-
шихъ громъ. . . . и пр.

Разсмотрите, съ какимъ порядкомъ, съ какою постепенностію показываетъ знаменитый авторъ всѣ выгоды, какія могло принести человѣческому роду изобрѣтеніе стекла! отъ сосуда, употребляемаго для напитковъ, доходитъ до тѣлъ небесныхъ, до средства отвращать громъ и до лучшаго чрезъ то познанія самаго Строителя вселенной! — Сіе посланіе по всей справедливости надлежитъ причислить къ твореніямъ *Дидактическимъ*.

Къ женщинамъ.

О вы, которыхъ мнѣ любезна благосклонность
Любезнѣе всего! которымъ съ юныхъ лѣтъ
Я въ жертву приносилъ, чего дороже нѣтъ:
Спокойствіе и вольность;—
Которыхъ милые глаза
Улыбка и слеза
Законъ въ душѣ моей писали
И мною такъ играли
Какъ рѣзвый вѣтерокъ перомъ,
Тогда еще, какъ я гонялся
За пестрымъ мотылькомъ,

Считалъ себя богатыремъ
Когда на дерево взбирался
За пташкинымъ гнѣздомъ.... и проч.

О вы, для коихъ я хотѣлъ враговъ рязить,
Не сдѣлавшихъ мнѣ зла! хотѣлъ воинской славой
Почтеніе людей, отличность заслужить,
Чтобъ съ лавромъ на главѣ предъ вашими очами
Явиться и сказать: для васъ, для васъ и вами!
Возьмите лавръ, а мнѣ въ награду—поцѣлуй!
Для коихъ послѣ я, въ войнѣ добра не видя,
Въ чиновныхъ гордецахъ чины возненавидя,
Вложилъ свой мечъ въ ножны (Россія торжествуй,
Сказалъ я, безъ меня)! — и, вмѣсто острой шпаги
Взялъ въ руки листъ бумаги,
Чернилицу съ перомъ,
Чтобъ быть писателемъ, творцомъ
Для васъ, красавицы, пріятнымъ;
Чтобъ слогомъ чистымъ, сердцу внятнымъ,
Оттѣнки вамъ изображать
Страстей счастливыхъ и несчастныхъ,

То кроткихъ, то ужасныхъ;
Чтобъ вы могли сказать:
Онъ право милъ, и вѣрно переводитъ
Все темное въ сердцахъ на ясный намъ языкъ;
Слова для тонкихъ чувствъ находитъ!—
О вы, въ которыхъ я привыкъ
Любить себя, природу
И все, что смертныхъ роду
Въ предметъ любви дано!
Я къ вамъ хочу писать посланіе стихами.
Дамъ волю сердцу: пусть оно
Съ своими милыми друзьями
Что хочетъ, говоритъ!
Не нужно думать мнѣ: слова текутъ рѣкою
Въ бесѣдѣ съ тѣмъ, кого мы любимъ всей душою.
Любовь стихи животворитъ,
И старому даетъ видъ новой.
Скажу вамъ, милыя—и чѣмъ другимъ начать?—
Что вы родитесь свѣтъ моральный укра-
шать..... и проч.

Къ Батюшкову.

Сынъ нѣги и веселья,
По Музѣ мнѣ родной,
Пріятность новоселья

Лечу вкусить съ тобой;
Отдамъ поклонъ Пенату,
А милому собрату
Въ подарокъ пукъ стиховъ.
Увѣй же скромну хату
Вѣнками изъ цвѣтовъ;
Узорнымъ покрываломъ
Свой шаткій столъ одѣнь;
Вооружись фіаломъ;
Шампанскаго напѣнь,
И стукнемъ въ чашу чашей
И выпьемъ все до дна:
Будь вѣрной Музѣ нашей
Дань перваго вина! . . . и проч.

Мой другъ, и ты пѣвецъ!
И твой участокъ лира;
И ты въ мечтахъ жилецъ
Незнаемаго міра! —
Въ мечтахъ? почтожъ въ мечтахъ?
Почто мы не съ крилами
И вольны лишь мечтами,
А на яву въ цѣпяхъ?
Почто сей тяжкій прахъ
Съ себя не можемъ сринуть,
И міръ совсѣмъ покинуть.

И намъ дороги нѣтъ
Изъ мрачнаго изгнанья
Въ страну очарованья?
Увы! мой другъ!—поэтъ,
Призраками богатый,
Безпечностью дитя —
Онъ могъ бы жить, шутя!
Но горькія утраты
Живутъ и для него.
Хотя передъ слѣпою
Богинею покою
Не тратитъ своего,
Хотя одной молвою,
Смотря на свѣтъ тайкомъ,
Въ своемъ углу знакомъ
Съ безславіемъ тщеславныхъ,
Съ печалями забавныхъ
Фигляровъ-остряковъ,
И съ мукою льстецовъ,
Предъ тронами ползущихъ
И съ бѣшенствомъ падущихъ
Въ изрытый ими ровъ —
Но тѣ живѣйши раны,
Которыя, какъ враны
Вгрызаясь въ глубь сердецъ,

Въ нихъ радость истребляютъ
И жизнь ихъ пожираютъ —
Ихъ знаетъ и пѣвецъ! и пр.

Пока, мой другъ, плѣняетъ
Добро и красота,
Пока огнемъ священнымъ
Душа еще полна,
И дверь растворена
Предъ взоромъ откровеннымъ
Въ святой природы храмъ,
Пока Хариты намъ
Веселыя послушны:
Дотоль еще къ бѣдамъ
Быть можемъ равнодушны! и пр.

Къ невѣрной.

Разсудокъ говоритъ: „все въ мірѣ есть мечта!„
Увы! несчастливъ тотъ, кому и сердце скажетъ:
„Все въ мірѣ есть мечта!„
Кому жестокой рокъ по опытамъ докажетъ.
Тогда увянетъ жизни цвѣтъ;
Тогда несносенъ свѣтъ;
Тогда нашъ взоръ унылый
На горестной землѣ не ищетъ ничего;
Онъ ищетъ лишь . . . могилы!

Я слышалъ страшный гласъ, гласъ сердца моего,
И съ прелестью души, съ надеждою простился;
Надежда умерла: и такъ могу ли жить?
Когда любви твоей я, милая, лишился,
Могу ли что нибудь, могуль себя любить?
Кто въ жизни испыталъ всю слабость нѣж-
ной страсти
И нравился тебѣ, тотъ.... жилъ, и долго
жилъ;
Мнѣ должно умереть: такъ рокъ опредѣлилъ....
и проч.

— Упреками тебѣ
Скучать я не хочу: упреки безполезны;
Насильно никогда не можемъ быть любезны;
Любви покорно все, любовь.... одной судьбѣ.
и проч.

Жестокая!.... увы! могло ли подозрѣнье
Мнѣ душу омрачить? ужасною виной
Почелъ бы я тогда малѣйшее сомнѣнье;
Оплакалъ бы его. Тебѣ невѣрной быть!
Скорѣе насъ Творецъ забудетъ,
Скорѣе извергъ здѣсь покоенъ духомъ будетъ,
Чѣмъ милая души мнѣ можетъ измѣнить!
Такъ думалъ я.... и что жь? на розѣ устъ не-
бесныхъ,

На тайной красотѣ твоихъ грудей прелестныхъ,
Еще горѣлъ, пылалъ мой страстный поцѣлуй,
Когда сказала ты другому: „торжествуй!
Люблю тебя!.... еще ты рукъ не опускала,
Которыми меня лаская обнимала,
Другой, другой ужъ былъ въ объятіяхъ твоихъ....
Иль въ сердцѣ.... все одно! безъ тучи громъ ужасный
Ударилъ надо мной. Въ волненьи чувствъ моихъ
Я вѣрить не хотѣлъ глазамъ своимъ, несчастный!
И думалъ на яву, что вижу все во снѣ;
Сомнѣніе тогда блаженствомъ было мнѣ —
Но ты, жестокая, холодною рукою
Завѣсу съ истины сняла!
Ни вздохомъ, ни одной слезою
Послѣдней дани мнѣ въ любви не принесла!
Какъ можно разлюбить, что намъ казалось мило,
Кѣмъ мы дышали здѣсь, кѣмъ наше сердце жило?

Однажды чувства истощивъ
Гдѣ новыхъ взять для новой страсти?

Тобой оставленъ я; но ахъ! въ моей ли власти
Невѣрную забыть? однажды полюбивъ,
Я долженъ вѣкъ любить; изчезну обожая.
Тебѣ судьба иная;
Иное сердце у тебя —
Блаженствуй!—самый гробъ меня не утѣшаетъ;
И въ вѣчности я зрю пустыню для себя;
Я буду тамъ одинъ! душа не умираетъ;
Душа моя и тамъ все будетъ тосковать
И тѣни милыя искать.

Перуанецъ къ Испанцу.

Рушитель моея отчизны и свободы,
О ты, что посмѣясь святымъ правамъ природы,
Злодѣйствъ неслыханныхъ землѣ примѣръ
явилъ,
Всего священнаго навѣкъ меня лишилъ!
Доколѣ въ варварствахъ не зная истощенья,
Ты будешь вымышлять мнѣ новыя мученья?
Властитель и тиранъ моихъ плачевныхъ дней!
Кто право далъ тебѣ надъ жизнію моей?....
и проч.

Иль мыслишь ты, злодѣй, составъ мой изнуряя,
Главу мою къ землѣ мученьями склоняя,

Что будутъ чувствія во мнѣ умерщвлены?
Ахъ, нѣтъ—тираны лишь одни ихъ лишены!
Хоть живъ на снѣдь звѣрей тобою я простpуся,
Что равенъ я тебѣ я равенъ? нѣтъ, стыжуся,
Когда съ тобой, злодѣй, хочу себя сравнить
И ужасаюся тебѣ подобнымъ быть и пр.
И ты, толпой рабовъ и громомъ окруженный,
Непрямо, какъ герой—какъ хищникъ въ ночь презрѣнный
На безоруженныхъ, на спящихъ насъ напалъ.
Не славы побѣдить, ты злата лишь алкалъ;
Но страсть грабителя личиной покрывая,
Лилъ кровь, намъ своего ты Бога прославляя,
Лилъ кровь, и какъ въ зубахъ твоихъ голодныхъ псовъ
Трупъ Инки трепеталъ—на грудахъ череповъ
Ликъ Бога твоего съ мечемъ ты водружаешь. . . .
И ликъ сей кровію невинныхъ окропляешь. *и пр.*

Коль хочетъ Богъ сего, немилосердъ твой Богъ;
Свирѣпъ онъ какъ и ты, когда желать возмогъ
Окровавленною, насильственной рукою
Отечества, дѣтей, свободы и покою,
Всего на свѣтѣ семъ за що меня лишить,

Что бога своего не могъ я позабыть,
Который, насъ создавъ и грѣетъ и питаетъ, *)
И мой унывшій духъ на мщенье укрѣпляетъ.
и проч.

Такъ! нѣкогда придетъ тотъ вожделѣнный часъ,
Какъ въ сердцѣ каждаго раздастся мести гласъ;
Когда рабы твои, тобою угнѣтенны,
Узря представшія минуты вожделѣнны
На все отважутся, восхощутъ предпринять,
Съ твоею жизнію неволю ихъ скончать,
И не толпы рабовъ, отъ страха ополченныхъ,
Или наемниковъ корыстью возбужденныхъ;
Но сонмы грозные увидишь ты мужей,
Вспылавшихъ мщеніемъ за бремя ихъ цѣпей.
Видалъ ли тигра ты, горящаго отъ гладу
И расторгающа желѣзную заграду?
Меня увидишь ты. Сей самою рукой,
Которой рабства цѣпь влачилъ въ неволѣ злой,
Я знамя вольности развѣю предъ друзьями,
Сражусь съ твоими я крылатыми громами,

*) Перуанцы боготворили солнце.

По грудамъ мертвыхъ тѣлъ къ тебѣ я притеку
И изъ души твоей свободу извлеку!
Тогда твой бывшій рабъ, нашъ каждый гнѣвный воинъ,
Попретъ тебя пятой—ты гроба не достоинъ!
Твой трупъ среди лѣсовъ, во глубину пещеръ
Рыкая будетъ влечь плотоядущій звѣрь;
Иль на пескѣ простертъ, предъ солнцемъ онъ истлѣетъ,
И прахъ, твой гнусный прахъ, вѣтръ по полю развѣетъ.

Но что я здѣсь вѣщалъ во слѣпотѣ моей!
Я слышу стонъ жены и вопль моихъ дѣтей!
Они въ цѣпяхъ!... а я о вольности мечтаю!
О братія мои! и вашъ я стонъ внимаю!
Гремятъ желѣзы ихъ, влачась отъ вый и рукъ;
Главы преклонены подъ игомъ рабскихъ мукъ.
Что вижу?.... очи ихъ какъ огнь во тьмѣ сверкаютъ,
Они въ безмолвіи другъ на друга взираютъ....
А! се языкъ ихъ душъ, предвѣстникъ тѣхъ часовъ,
Когда должна потечь тирановъ нашихъ кровь.

*

Ты и вы.

О ты, которую теперь звать должно вы
Съ почтеньемъ, съ важностью, съ уклонкой
головы;
О прежня Лиза, ты!....вы барыня ужъ нынѣ.
Скажите, такъ ли вы въ сей счастливы судь-
бинѣ,
Котора въ сорокъ лѣтъ вамъ пышности дала,
Въ алмазы, въ фижмы васъ, въ величье убрала,
Превосходительствомъ и знатью отягчила
И косо на меня смотрѣть васъ научила,
Когда на улицѣ, звуча по мостовой,
На быстрой шестернѣ встрѣчаяся со мной,
Гордяся новаго родства высокой связью,
Съ блистающихъ колесъ вы брыжжете мнѣ
грязью?.... и пр.

Воспомните, какъ вы—была лишь только ты,
Еще не знающа величія мечты,
На имя Лизаньки мнѣ нѣжно отвѣчала,
За пламень мой меня улыбкой награждала,
Во стройной кофточкѣ, которой бѣлизнѣ
Не уступала грудь твоя, открыта мнѣ
И только розою одною защищенна.....

Въ восторгахъ нашихъ я и ты, забывъ весь
свѣтъ,
Мы думали, что насъ счастливѣй въ свѣтѣ
нѣтъ.
И въ самомъ дѣлѣ такъ: кто могъ быть насъ
блаженнѣй
И чѣмъ же Генералъ въ веселіи отмѣннѣй?
Отмѣннѣй? . . . быть не льзя! безмѣрно ниже
насъ . . .
Не по природѣ онъ, по этикету васъ
Любя, нахмуряся, къ вамъ важно подступаетъ,
Пріятства, смѣхи прочь и игры отгоняетъ;
Боясь знатность онъ высоку уронить,
Онъ можетъ ли васъ такъ, какъ я тебя любить?
Превосходительствомъ природу задушая,
И въ сердцѣ гордость онъ съ любовію мѣшая,
Васъ любитъ, помня то, что онъ и Гене-
ралъ и проч.

Къ бѣдному поэту.

Престань, мой другъ, поэтъ унылый!
Роптать на скудный жребій свой,
И знай, что бѣдность и покой
Еще быть могутъ сердцу милы.
Фортуна-мачиха тебя,

За что-то очень не взлюбя,
Пустой сумою наградила
И въ міръ съ клюкою отпустила;
Но истинно-родная мать,
Природа любитъ награждать
Несчастныхъ пасынковъ фортуны:
Даетъ имъ умъ, сердечный жаръ.... и пр.

Не Крезъ съ мѣшками, сундуками,
Здѣсь можетъ веселѣе жить,
Но тотъ, кто въ бѣдности умѣетъ
Себя богатствомъ веселить;
Кто даръ воображать имѣетъ
Въ карманѣ тысячу рублей,
Копейки въ домѣ не имѣя.
Поэтъ есть хитрый чародѣй.... и проч.

Сіи шуточныя Епистолы очень часто похожи бываютъ на Сатирическія, ибо и въ послѣднихъ шутки также съ успѣхомъ употребляются, кромѣ того только, что въ называемыхъ просто шуточными слогъ *можетъ* быть нѣсколько ниже.

У иностранцевъ въ сочиненіи Епистолъ отличаются:

У Французовъ: Буало, Вольтеръ, Колардо, Делиль—и Фридерикъ второй, Прус-

скій Король, писавшій на Французскомъ языкѣ.

У Нѣмцовъ: Галлеръ.

У Англичанъ: *Попе*, прославившійся наиболѣе въ семъ родѣ посланіемъ Елоизы къ Абелярду, и другими содержащимися въ его *Опытѣ о человѣкѣ*.

У Италіанцевъ: *Альгаротти*.

Слово *Епистола* происходитъ отъ Греческаго Ἐπιστολή, что значитъ посланіе, писаніе, письмо, а сіе взято отъ глагола Ἐπιστέλλω, посылаю; (пишу).—ἐπι по, надъ: στέλλω, шлю.

ЕПИСТОЛЯРНЫЙ. Сіе слово употребляется для означенія слога, которымъ пишутся Епистолы или посланія.—Но какой же долженъ быть слогъ *Епистолярный*? приличный лицу, которое пишетъ; особѣ, къ которой пишется посланіе, и предмету, содержащемуся въ посланіи. — Кто лучше пишетъ въ родѣ *Епистолярномъ*? тотъ, кто имѣетъ болѣе живости въ воображеніи, болѣе оригинальности въ умѣ, болѣе легкости и вкуса въ выраженіи.—См. *Епистола*.

ЕПИТАЛАМА. Слово сіе происходитъ отъ Греческаго ἐπιθαλάμιον, что со словомъ

ἆσμα значитъ *брачная пѣснь*; *θάλαμος*, подклѣтъ, есть онаго коренное слово. И такъ *Епиталама* есть сочиненіе на случай бракосочетанія, брачная пѣснь, поздравленіе новобрачныхъ.

Предметъ Епиталамы: представить новобрачнымъ благополучное ихъ соединеніе и изъявить желаніе будущаго ихъ счастія.

Стезихоръ, родившійся въ Гимерахъ, городѣ Сицилійскомъ, около 612 лѣтъ до Р. Х., (изъ твореній котораго достигли до насъ одни малые отрывки) почитается у Грековъ изобрѣтателемъ Епиталамы; однакожъ и въ Феокритовыхъ Идилліяхъ находится Епиталама *Еленѣ*, почитаемая прекраснѣйшимъ въ семъ родѣ произведеніемъ. Гезіодъ и Сафо также писали Епиталамы.

Епиталама Латинская имѣла почти одинаковое происхожденіе съ Греческою; послѣдняя произошла отъ возклицанія *Гименѣ*, и *Гименій* (См. *Гименій*), а первая отъ возклицанія *Tallassius*—и вотъ по какой причинѣ:

Между Сабинками, которыхъ похитили Римляне, отличалась одна младостію и красотою; похитители, опасаясь, чтобъ

не отняли у нихъ столь драгоцѣнной добычи, кричали единогласно, что ведутъ ее къ *Таллассію*, прекрасному, храброму, и всѣми уважаемому юношѣ, и котораго одно имя произвело такое дѣйствіе, что народъ съ почестію провожалъ похитителей, произнося безпрестанно имя *Таллассія*. Бракъ совершенный по такому нечаянному случаю, былъ весьма счастливъ, и Римляне съ того времени приняли въ брачныхъ пѣсняхъ слово *Tallassius*, какъ будто для желанія всѣмъ новобрачнымъ подобной участи.—

Употребленіе сего возклицанія продолжалось до Катулла; онъ первый, взявши образцемъ Греческихъ писателей, началъ прикладывать и припѣвъ Греческій.

Какъ *Епиталама* имѣетъ предметомъ радость, восторги, то изъ сего слѣдуетъ, что она должна представлять однѣ веселыя и пріятныя изображенія, съ наблюденіемъ однакожъ, чтобы не было въ нихъ ничего неблагопристойнаго.

Сія поэма имѣетъ двѣ части: одна заключаетъ похвалу новобрачнымъ, другая —желаніе имъ благополучія. Сія похвала должна быть замысловата, выражена съ пріятностію и принаровлена къ породѣ и

ванію новобрачныхъ; желанія должны относиться наиболѣе къ послѣдствіямъ, могущимъ произойти отъ совершившагося ихъ союза.

Въ Епиталамѣ можно употреблять всякіе вымыслы: Мифологія служитъ неизчерпаемымъ для оныхъ источникомъ. Слогъ въ ней можетъ быть и возвышенный и простый, смотря по предмету и лицамъ. Пишется стихами всякаго размѣра.

Достаточнымъ примѣромъ послужатъ слѣдующія *Епиталамы* древнихъ:

1. Сочиненная Анакреономъ *Стратоклу* и *Мириллѣ;* переводъ Н. А. Львова.

Богинь Царица Афродита!
Могущій властелинъ Еротъ!
Гименъ, источникъ жизни нашей!
Я славлю васъ въ стихахъ моихъ!
Я васъ Амуръ, Гименъ, Венера
Пою.—О юноша! взгляни,
Взгляни ты на свою любезну;
Возстань, Стратоклъ, Венеры другъ!
Мириллы мужъ, Стратоклъ счастливый!
Зри юность милыя жены!
Какая красота, пріятность!
Царица роза межъ цвѣтовъ,

Мирилла роза межъ подружекъ.
Блаженствуй счастливый супругъ
Въ объятіяхъ Гимена чистыхъ,
Доколѣ не освѣтитъ Фивъ
И самыя мѣста тѣнисты.
Да кипарисъ въ саду твоемъ
Произрастетъ въ коротко время. *)

2. Сочиненная Сафою и переведенная Голенищевымъ-Кутузовымъ:

О вы, которые десницей и умомъ
Воздвигли славныя палаты со столбами!
Украсьте пышными вратами,
Возвысьте сей прекрасный домъ.

Уже супругъ въ чертогъ вступаетъ,
Въ немъ Марсовъ бодрый станъ, въ немъ огнь его горитъ,
Какія въ немъ черты!—и самый гордый видъ
Предъ нимъ чело свое смиряетъ.

Пѣвецъ Лесбійской помрачаетъ
Прелестнымъ голосомъ другихъ Парнасскихъ чадъ;

*) Кипарисъ употреблялся у Грековъ, какъ многіе думаютъ, Символомъ вѣчности и нетлѣнія.—Л.

Такъ ты, младый супругъ, прелестнѣй всѣхъ стократъ,
Все предъ тобою изчезаетъ.

Подъ счастливой звѣздой свершается твой бракъ
На всѣхъ твоихъ гостяхъ зришь радости ты знакъ;
Соединяются теперь желанья многи,
Чтобы тебѣ во всемъ способствовали боги!

ЕПИТАФІЯ. Надгробная надпись, надгробіе, нагробокъ.—Ἐπιτάφιον происходитъ отъ ἐπι надъ, и θάπτω погребаю.

Въ Спартѣ удостоивали Епитафіями только умершихъ въ сраженіи за отечество: тамъ доблесть воинская болѣе всего уважалась!

Въ *Епитафіи* всегда заключается или похвала усопшему, или нравоученіе, или то и другое вмѣстѣ.

Сочинитель надгробія долженъ въ немногихъ словахъ дать ясное понятіе объ усопшемъ, изображая отличнѣйшія качества его нравственности, или дѣяній. Когда онъ намѣренъ показать свой предметъ съ похвальной стороны, то сверхъ остроумія долженъ показать благородную

чувствительность и нѣжность души, а въ случаѣ великихъ дѣлъ усопшаго возвышенное чувствованіе: напротивъ сего въ надгробіи, изображающемъ свой предметъ со стороны пороковъ или недостатковъ, стихотворецъ соединяетъ остроту съ колкостью, въ которой однако не должны имѣть участія ни злость, ни пристрастіе.

Иногда въ Епитафіяхъ заставляютъ говорить умершую особу, въ видѣ риторической фигуры Прозопопеи (см. *Заимословіе*). Слѣдующіе два стиха, въ которыхъ умершая въ молодыхъ лѣтахъ женщина желаетъ супругу своему бо́льшаго счастія съ присовокупленіемъ такой мысли, чтобъ недожитыя ею лѣта присоединены были къ его жизни—достойны вѣка Августова.

Immatura peri; sed tu felicior annos
Vive tuos, conjux optime, vive meos.

„Говорятъ, что Виргилій написалъ самъ для себя сію Епитафію:

Mantua me genuit, Calabri rapuere, tenet nunc
Parthenope: cecini pascua, rura, duces.

т. е.

Я родился въ Мантуѣ, жилъ въ Калабріи,

шеперь въ Парфенопѣ: я воспѣвалъ стада, поля, оружія.„—*Изъ Истор. Словаря*

Такова же Епитафія Калифа Абдуль-Рамана, въ сочиненіяхъ Карамзина:

Богатство! слава! власть! я вами наслаждался,
Востокъ и западъ мнѣ со страхомъ поклонялся,
Съ престола я свергалъ сильнѣйшихъ изъ Царей,
Полвѣка богомъ слылъ; былъ счастливъ десять дней.

И сія напечатанная въ *Полезномъ Увеселеніи*:

Прохожій! обща всѣмъ живущимъ часть моя!
Что ты, и я то былъ; ты будешь то, что я.

Примѣч. Изрѣченіе *остановись прохожій* или просто *прохожій*, употребляемое въ новѣйшихъ Епитафіяхъ, происходитъ отъ древняго обычая Римлянъ, погребать умершихъ при большихъ дорогахъ. — Sta viator! heroem calcas. Остановись прохожій! героя попираешь.

Въ *Епитафіи* краткость составляетъ главнѣйшее достоинство: иногда одного слова достаточно для возбужденія внима-

нія людей посѣщающихъ могилы; такъ Англичане на могилѣ Драйдена вырѣзали одно только имя *Dryden*; Италіанцы на гробѣ Тасса начертали *здѣсь кости Тасса.*

На Русскомъ языкѣ много весьма хорошихъ Епитафій; для примѣра приведемъ слѣдующія:

Богдановичу, автору Душеньки.

На урну преклонясь вечернею порою,
Амуръ невидимо здѣсь часто слезы льетъ,
И мыслитъ, отягченъ тоскою,
Кто Душеньку теперь такъ мило воспоетъ?

Дмитріевъ.

Дубянскому, утонувшему въ Невѣ.

Любезнаго и прахъ останется ль безвѣстнымъ?
Дубянскаго былъ даръ: гармоніей прельщать;
Страсть: дружба и любовь; законъ: быть добрымъ, честнымъ;
А жребій: бурну жизнь въ пучинѣ окончать.

Его же.

В. А. В-чу.

Здѣсь тихая могила
Прахъ юноши взяла;

Любовь его сразила,
А дружба погребла.

Его же.

Младенцу.

Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра.

Карамзинъ.

Минину.

Россія! Мининъ здѣсь, спаситель твой, почилъ.
Когда стенала ты какъ сирая вдовица,
Онъ мечъ Пожарскому вручилъ:
И отданы тебѣ честь, слава и столица.
Благоговѣй! — здѣсь Петръ безсмертный твой
Склонился до земли великою главой.

Н. И. Писаревъ.

Пересвѣту.

Въ дни мира божій рабъ, въ дни брани нашъ герой,
Онъ *починальникомъ* былъ битвы незабвенной*);
Могучій Челубей сраженъ его рукой,
И самъ на полѣ палъ, гдѣ побѣдилъ Донской...

*) Смотрите братія починальника своего Пересвѣта. — Слова В. К. Димитрія Іоанновича.

Пылай ко славѣ, Россъ!—здѣсь прахъ его священный!

Его же.

Епитафіи, какъ сказано выше, бываютъ насмѣшливыя или шуточныя, т. е. когда Епиграммы принимаютъ видъ Епитафій.—Вотъ примѣры:

Ариста гробъ ты здѣсь, прохожій, видишь;
Не говори: Богъ съ нимъ! ты Бога тѣмъ обидишь.

Кн. Вяземскій.

Россійской Діогенъ лежитъ подъ сею кочкой;
Тотъ въ бочкѣ прожилъ вѣкъ, а нашъ свой прожилъ съ бочкой.

Его же.

Шарлатану.

Я пыль въ глаза пускалъ;
Теперь—я пылью сталъ.

Карамзинъ.

Здѣсь Бригадиръ лежитъ, умершій въ позднихъ лѣтахъ,
Вотъ жребій нашъ каковъ!

Живи, живи, умри — и только что въ газетахъ
Осталось: выѣхалъ въ Ростовъ.

Дмитріевъ.

Прохожій, стой! во фрунтъ! скинь шляпу и читай:
Я воинъ, грамоты не зналъ за недосугомъ.
На право кругомъ!
Ступай!

Его же.

Увы! здѣсь погребенъ мой милой попугай.
Гдѣ красота и гдѣ даръ слова?
Прохожій говорунъ! вздохни объ немъ и знай:
Онъ слишкомъ говорилъ, но не во вредъ другова.

Его же.

Въ надеждѣ будущихъ талантовъ
И вѣчныхъ за стихи наградъ
Родитель спитъ здѣсь фоліантовъ,
Умершій послѣ чадъ.

Его же.

Къ *Епитафіи* принадлежитъ *Кенотафія*. — См. сіе слово.

ЕПИТЕТЪ слово Греческое: ἐπίθετος, прибавочный, прилагательный; въ сред-

немъ родѣ ἐπίθετον, epithetum; тутъ подразумѣвается ὄνομα, имя.

Въ краснорѣчіи и поэзіи называется *Епитетомъ* такое прилагательное имя, которое, хотя бы главная мысль и достаточно была выражена, придаетъ ей еще болѣе силы и пріятности; а такое прилагательное имя, безъ коего мысль была бы неполная, темная, и которое служитъ непосредственно къ ея объясненію, не можетъ быть названо *Епитетомъ*.—Слѣдующіе примѣры объяснятъ сказанное:

Человѣкъ справедливый живетъ въ мирѣ съ самимъ собою и съ другими; человѣкъ умный свободенъ и въ оковахъ. — *Справедливый* и *умный* суть простыя прилагательныя имена, ибо безъ нихъ не составилось бы находящагося въ сихъ изрѣченіяхъ понятія.

Во все продолженіе бѣдственной жизни его никогда животворный лучъ утѣшительной надежды не касался его сердца.—Здѣсь *бѣдственной*, *животворный*, *утѣшительной*, суть Епитеты, ибо употреблены для сильнѣйшаго израженія мысли, и могли бы быть изъяты безъ потерянія смысла.

*

Тамъ кони *бурными* ногами
Взвиваютъ къ небу прахъ *густой* ;
Такъ смертъ межъ Готфскими полками
Бѣжитъ, ярясь, изъ строя въ строй,
И *алчну* челюсть отверзаетъ
И *хладны* руки простираетъ,
Ихъ *гордый* исторгая духъ.

Ломоносовъ.

Въ колетѣ *вохрянотъ* и въ *длинныхъ* сапогахъ.
За *круглымъ* столикомъ, *дрожащимъ* *съ чайной чашкой.*

Дмитріевъ.—Причудница.

У Пушкина въ поэмѣ *Русланъ* и *Людмила*:
. Полъ *ревнивой.*
Скрыпитъ подъ ножкой *торопливой.*

Въ сихъ стихахъ также можно видѣть разность между *Епитетомъ* и простымъ прилагательнымъ, и какое первый производитъ дѣйствіе.

Къ *Епитетамъ* принадлежатъ: 1) всѣ слова придаваемыя собственнымъ именамъ, на примѣръ: Іоаннъ *Грозный*, Филиппъ *Смѣлый*, Суворовъ *Римникскій*, Князь Кутузовъ *Смоленскій*; 2) всѣ прилагательныя взятыя въ отвлеченномъ смыслѣ, на пр.

блѣдная смерть, *маститая* старость; 3) имена отечественныя, т. е. произведенныя отъ имени отца или предка, на пр. *Telamonius* Ajax, Аяксъ сынъ Теламона; — либо отъ самой родины; такъ Пиндара часто называютъ Піитъ *Фивійскій*, по рожденію его въ Фивахъ; Діонъ *Сиракузскій* и пр.

Епитеты надлежитъ употреблять съ осторожностію, особливо въ тѣхъ сочиненіяхъ, гдѣ наиболѣе дѣйствуютъ страсти: принужденный наборъ *Епитетовъ* бываетъ тотчасъ примѣтенъ.

ЕПИТРИТЪ. Стопа Греческой и Латинской поэзіи, состоящая изъ четырехъ слоговъ: трехъ долгихъ и одного краткаго.

Епитритъ раздѣляется на четыре рода. Онъ бываетъ:

1. Изъ ямба и спондея.—Salutantes, *τριηραρχος* и вихрь, громъ, мракъ.

2. Изъ хорея и спондея.--Concitati, *μηχανουργου* горе намъ съ нимъ.

3. Изъ спондея и ямба. — Communicans, *δημηγορειν*, громъ Божій гласъ.

4. Изъ спондея и хорея.—Incantare, *πανταινουσα* громъ гласъ Божій.

Прим. Здѣсь Русскіе примѣры сами собою не образуютъ *Епитрита*, ибо состоятъ изъ нѣсколькихъ словъ; а помѣщаются для того только, чтобъ незнающіе ни по Гречески, ни по Латынѣ, могли имѣть о сей стопѣ нѣкоторое понятіе.

ЕПИЧЕСКІЙ. Поэма *Епическая*, *Героическая*, или *Епопея*, есть повѣствованіе въ стихахъ о какомъ либо знаменитомъ и достопамятномъ дѣяніи.

Примѣч: Батте называетъ поэму Епическую повѣствованіемъ чудеснаго дѣйствія. Ешембургъ — стихотворческимъ повѣствованіемъ причинъ, обстоятельствъ и слѣдствій важнаго дѣянія во всемъ его теченіи. Вольтеръ—повѣстію въ стихахъ о геройскихъ приключеніяхъ. Торквато Тассо нѣсколько распространяетъ сіе опредѣленіе. Поэма Героическая, говоритъ онъ, есть *подражаніе* дѣянія знаменитаго, величественнаго и полнаго (совершеннаго, цѣлаго, т. е. имѣющаго начало, средину и конецъ), повѣствуемое высокимъ слогомъ, служащее къ потрясенію души чудесностями и услаждающее оную пріятностями.

Безъ всякаго сомнѣнія *Епопея* произо-

шла отъ обыкновенной склонности нашей вспоминать о происшествіяхъ, наиболѣе обратившихъ на себя наше вниманіе и разсказывать объ оныхъ другимъ. Люди, исполнившіе вмѣстѣ какое либо великое предпріятіе, при всякой встрѣчѣ говорятъ между собою о тѣхъ случаяхъ, которые для каждаго изъ нихъ чѣмъ либо замѣчательны. Отъ сего у народовъ даже самыхъ необразованныхъ установлены всеобщія празднества, въ воспоминаніе такихъ происшествій, въ которыхъ берутъ они участіе. Въ сихъ празднествахъ исполнители знаменитаго предпріятія выходятъ на средину собранія, и исполненные одушевляющаго ихъ огня, дѣлаютъ повѣствованіе о своихъ подвигахъ подробное, живописное, возбуждающее чувствительность. По исторіи видно, что воспоминаніе о знаменитыхъ дѣяніяхъ продолжалось такимъ образомъ у нѣкоторыхъ народовъ цѣлые вѣки. Когда же послѣ одного или двухъ поколѣній, не оставалось уже очевидныхъ свидѣтелей, то люди, одаренные живѣйшимъ воображеніемъ, принимали на себя повѣствованіе о подвигахъ предковъ —и дабы имѣть честь говорить во всенародныхъ торжествахъ и говорить съ

бо́льшимъ успѣхомъ, уповательно, старались украшать свои сочиненія, и такимъ образомъ воспоминаніе о древнихъ происшествіяхъ нечувствительно сдѣлалось искуствомъ.—*Сульцеръ.*

Дѣйствіе поэмы Епической должно быть величественное, единственное, цѣлое, исполненное чудесностей.

1. *Величественное*—потому что приключенія простыя, обыкновенныя, не способны обратить на себя вниманія, не способны дать того поученія, какого требуется отъ поэмы Епической. Обратить же вниманіе читателя можно двумя способами: или чрезъ достоинство и важность лицъ, или чрезъ достоинство и важность самаго дѣйствія.

2. *Единственное*—то есть; Піитъ долженъ ограничить себя *единымъ* только славнымъ предпріятіемъ, которое герой его исполнилъ, а не долженъ описывать цѣлой жизни его, или смѣшивать разные знаменитые подвиги. Кто захотѣлъ бы описывать *человѣка*, тотъ составилъ бы странную картину, будучи принужденъ изображать взаимную противоположность страстей, не имѣющую ни связи, ни порядка. — *Епопея* не есть похвала самому

герою, но повѣствованіе о великомъ и славномъ его подвигѣ.—Сіе повѣствованіе можетъ быть прерываемо *Епизодами*, т. е. вводными повѣстями (см. ниже), которые совершенно зависятъ отъ главнаго дѣйствія, и которые должны быть связаны съ онымъ и соединены между собою такъ, чтобы читая ихъ, не можно было потерять изъ виду ни героя, ни подвига воспѣваемаго поэтомъ. — Когда же въ поэмѣ находятся многія происшествія, одно отъ другаго не зависящія, то каждое изъ нихъ можно будетъ назвать особенною поэмою, слѣдовательно изъ сего произойдетъ множество соединенныхъ поэмъ; а какъ сіи поэмы также требуютъ надлежащаго совершенства, въ которомъ заключается и нѣкоторая обширность, то отъ совокупленія нѣсколькихъ таковыхъ поэмъ произойдетъ нѣчто, имѣющее величину чрезмѣрную; если же таковыя составныя поэмы будутъ несовершенны, то гораздо лучше сдѣлать одну совершенную поэму, нежели множество несовершенныхъ.

3. *Цѣлое* — т. е. по словамъ Аристотеля, оно должно имѣть начало, средину и конецъ. Началомъ можно назвать *причины* побудившія къ подвигу и *намѣреніе*

кѣмъ-либо предпринимаемое исполнить сей подвигъ; срединою — дѣйствіе сихъ причинъ, и препятствія встрѣчающіяся къ исполненію, то есть, узелъ; а концемъ — развязку или преодолѣніе всѣхъ препятствій. *Начало* должно быть связано съ *концемъ* посредствомъ *средины*, и конецъ долженъ быть столь удовлетворителенъ, чтобъ читатель не имѣлъ нужды еще чего нибудь ожидать, и желать продолженія поэмы.—Надлежитъ замѣтить, что Епическая развязка имѣетъ великую разность съ развязкою Трагическою. Въ Трагическомъ произведеніи развязку составляетъ *несчастіе*, потому что трагедія предметомъ имѣетъ возбужденіе ужаса и состраданія, кои ощущаемъ при видѣ героя, болѣе злополучнаго нежели виновнаго, погибающимъ въ какомъ либо подвигѣ, имъ самимъ предпринимаемомъ, или противъ него умышляемомъ; но въ Епопеѣ, хотя герой и долженъ быть иногда въ такихъ положеніяхъ, кои возбуждаютъ ужасъ или состраданіе, но какъ главная цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы показать добродѣтель торжествующею, то по сему герой *Епопеи*, преодолѣвшій всѣ трудности, оканчиваетъ всегда свой под-

витъ *счастливо*. — Развязка требуетъ еще трехъ непремѣнныхъ достоинствъ: вѣроятности, естественности и нечаянности. — Узлы бываютъ: главный и зависимые. Главный узелъ Енеиды есть гнѣвъ Юноны, противящейся поселенію Енея въ Италіи; зависимые: буря, отдаляющая Енея отъ Италіи, — любовь Дидоны, удерживающей его въ Карфагенѣ, — мужество Турна, недопускающаго исполнить предпріятіе.

4. *Исполненное чрезвычайностей*, извѣстныхъ подъ именемъ *чудеснаго* — т. е. смѣлыхъ, но правдоподобныхъ вымысловъ, какъ то, въ древнихъ поэмахъ введеніе языческихъ божествъ, а въ новѣйшихъ представленіе лицъ *Аллегорическихъ*. — См. ниже и ст. *Аллегорическій*.

Г. Мерзляковъ, въ разборѣ Россіяды, помѣщенномъ въ 3 книжкѣ *Амфіона*, такъ говоритъ о *чудесномъ*:

„Положено, утверждено, образцами доказано, что *чудесное* есть необходимое свойство Епическаго дѣйствія; и натурально! — Всякое великое происшествіе, касающееся до цѣлаго народа или всего человѣчества, не можетъ быть совершено токмо силами смертныхъ безъ содѣйст-

вія сверхъестаственнаго, безъ содѣйствія судьбы или промысла, невидимо управляющаго всемъ порядкомъ и ходомъ природы вещественной и духовной:—отселѣ и достоинство, и вѣроятность, и плѣняющее, высокое очарованіе перваго рода стихотворныхъ сочиненій! — Всѣ народы согласно, сперва всепоучающею, назидательною нуждою, а послѣ разумомъ, убѣждены были во всемогущемъ вліяніи силы верховной, и любили сіе убѣжденіе, какъ подпору своей слабости въ превратныхъ обстоятельствахъ жизни; но каждый народъ слѣдовалъ мнѣнію о сей верховной силѣ наслѣдственному, дошедшему къ нему по преданію, или по ученію старѣйшихъ единоземцовъ; отселѣ особенныя системы *чудеснаго*, и непремѣнное правило для пѣснопѣвца, если онъ хочетъ быть вѣроятнымъ: *держаться одной той, которая существенно принадлежала народу и времени, изъ коего почерпнулъ онъ происшествіе.* — Мѣра благоговѣнія каждаго народа опредѣляла для пѣснопѣвца мѣру и правило *какимъ образомъ* и *когда* онъ могъ и долженъ былъ выводить ихъ на сцену. Это требованіе со стороны общаго мнѣнія, которое всегда было и будетъ

Arbitrium et jus, et norma loquendi;
другое отъ стороны искуства: сохранять характеръ каждаго лица отъ начала до конца творенія:
Reddere personae scit convenientia cuique;
третіе, также, и просвѣщеннымъ разумомъ оправдываемое, и опытомъ утвержденное правило: представлять лице высокое въ надлежащемъ достоинствѣ, и никогда не выводить его на сцену безъ крайней нужды, въ случаяхъ неважныхъ, неимѣющихъ значительныхъ послѣдствій

Nec deus interrit, nisi dignus vindice nodus
Inciderit „

И далѣе:

„Извѣстно, что есть три способа представлять силы чрезъестественныя: или онѣ дѣйствуютъ отдѣльно—на небесахъ, въ адѣ, на воздухѣ; или вмѣстѣ съ героями; или наконецъ являются въ сновидѣніяхъ, въ знаменіяхъ необыкновенныхъ. Первый способъ есть самый величественный и приличный богамъ; другой унижаетъ ихъ нѣсколько, сближая съ людьми; третій—изъ всѣхъ слабѣйшій „

„Конечно, Епическая поэзія очень много лишилась съ потерею древней Мифо-

логіи, въ которой боги, раздѣлявшіе по себѣ нравственный и физическій міръ, были дѣйствительно богами для народовъ, и привлекали къ себѣ весь благоговѣйный ужасъ и почитаніе, какъ подлинно существующіе. Стихотворцу довольно было представить ихъ. Новѣйшіе стихотворцы не имѣютъ сей выгоды; ибо по сію пору не всѣ еще согласны въ томъ, чтобы силы умственныя, взятыя изъ Христіанской религіи, были способны для поэзіи Епической. Въ такомъ случаѣ должно было прибѣгнуть: 1) къ способамъ, доставляемымъ намъ отъ господствующаго мнѣнія и суевѣрій народныхъ, которыя долго еще не изсякнутъ: человѣкъ всегда младенецъ. 2) Къ страстямъ, которыхъ владычество столь сильно, что мы сами не понимаемъ, какъ онѣ при всемъ противоборствѣ нашего разсудка обладаютъ и управляютъ нами. Таковы страсти: любовь, честолюбіе, мщеніе и пр. Первымъ способомъ удачно воспользовался Тассъ, употребивъ волшебства и духовъ, которымъ во время крестовыхъ походовъ, при слабо-распространившейся Религіи Христіанской, и при общемъ согласномъ мнѣніи того вѣка вѣрили, или могли вѣрить современники.

Этого довольно. Но чтобы поэму сію сдѣлать вѣроятною и для своего времени, въ которое уже предразсудки вѣка крестовыхъ походовъ не существовали, что сдѣлалъ Тассъ? — Ко временнымъ и мѣстнымъ очарованіямъ прибавилъ очарованія существенныя, которыя никогда не умираютъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ: — прелести красоты, молодости, ума, страсти, на пр. въ Армидѣ; — достоинства мудрости, глубокихъ познаній, политики, любви къ отечеству, ненавидящей всякое иноземное иго — въ Исменѣ, Гидрастѣ и другихъ. Наконецъ такъ расположилъ свои вымышленныя съ существенными происшествіями, что онѣ, будучи перемѣшаны всѣ вмѣстѣ, въ цѣломъ представляютъ одну натуральную картину; очарованный читатель не видитъ, гдѣ истина. — Вотъ Гомерово искуство! другой способъ: оживотвореніе страстей, или Аллегоріи. Онѣ должны быть выводимы въ поэмѣ, или также, какъ божества, и слѣдовательно дѣйствовать систематически, или представляемы, какъ риторическія фигуры, тамъ и здѣсь, безъ всякаго послѣдствія. Такъ поступали лучшіе новѣйшіе пѣснопѣвцы.,,

Къ сему присовокупимъ:

1.) Божества языческія не умѣстны въ поэмахъ новѣйшихъ, то есть въ такихъ, коихъ предметъ берется изъ исторіи народовъ Христіанскихъ; — въ сихъ послѣднихъ удобно могутъ быть вводимы тѣ силы небесныя и преисподнія, о коихъ говоритъ намъ Священное писаніе, съ тѣмъ только, чтобы дѣйствія ихъ не преходили границъ правдоподобія и не разрушали законовъ природы. Когда *Мильтонъ* представляетъ намъ Сына Божія, объявляющаго Богу Отцу желаніе искупить родъ человѣческій; когда мы слышимъ пророчества Рафаила о потомствѣ Адамовомъ, или смотримъ на хитрости злаго искусителя; когда видимъ у *Тасса* Ангела Гавріила, побуждающаго Годфрида на приступъ къ Іерусалиму, и въ другомъ мѣстѣ Михаила, низвергающаго страшнымъ своимъ копіемъ духовъ адскихъ, то —не находя въ томъ ничего противнаго порядку, установленному Всемогущимъ Творцемъ — плѣняемся такими вымыслами. Но когда въ томъже *Потерянномъ раѣ* смотримъ на величайшихъ демоновъ, дѣлающихся карликами для того, чтобы удобнѣе было помѣститься въ томъ про-

странствѣ, куда сатана собираетъ ихъ для выслушанія рѣчи его—на мечи, блистающіе въ рукахъ сихъ духовъ, которые не могутъ другъ друга ранить — на сего разрубленнаго демона, котораго части въ мгновеніе срастаются; или когда въ томъ же *Освобожденномъ Іерусалимѣ* находимъ волшебницу, превращающую рыцарей въ рыбы—Клоринду, заключенную въ деревѣ и поражаемую Танкредомъ—Армиду, выходящую къ Ринальду изъ мирты: сіи вымыслы, какія бы впрочемъ ни дѣйствовали въ повѣствуемыхъ обстоятельствахъ сверхъестественныя силы, кажутся намъ нелѣпыми, ибо совершенно разрушаютъ законы природы. Есть чудесное умное и чудесное смѣшное. — Въ Епической поэмѣ, говоритъ Батте, нужно не чудо, но только *чудесное*. Чудо, продолжаетъ онъ, есть разстройство естественнаго порядка, сдѣланное первою причиною безъ посредства второй, или когда употребляется другая, не назначенная самою природою вторая причина. Когда скажутъ, что островъ леталъ по воздуху, сіе называется чудомъ, потому что первая причина подняла его сама собою, или такою силою, которая не была приготовлена природою

для произведенія сего дѣйствія. *Чудесное* въ Епопеѣ довольствуется только открытіемъ таинствъ природы и средствъ, которыми дѣйствуетъ она при представленіи намъ вещей необыкновенныхъ.

2.) Не должно смѣшивать Мифологіи съ Христіанскою религіею. Противъ сего погрѣшали знаменитѣйшіе стихотворцы. — Тассъ давалъ своимъ демонамъ имена языческихъ фурій и духовъ адскихъ! у *Мильтона* встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэмы его Цербера, Тантала, Медузу и пр. А *Камоенсъ* въ своей Лузіадѣ поступилъ еще страннѣе: у него въ одно и то же время являются Іисусъ Христосъ, Сватая Дѣва, Венера и Бахусъ! герой его во время бури возсылаетъ молитву къ Іисусу Христу и Венера оказываетъ ему помощь; Венера же принимаетъ на себя успѣхъ въ предпріятіи Португальцевъ, которое состоитъ — въ распространеніи Христіанской религіи!

Олицетвореніе существъ нравственныхъ или Метафизическихъ, какъ сказано выше, служитъ вторымъ средствомъ ко введенію *чудеснаго* въ поэмѣ Епической. Сіи существа суть: Раздоръ, Миръ, Нѣга

Сонъ, Политика и пр. также страсти, добродѣтели, пороки, представляемыя подъ видимою формою. Всѣ таковыя лица въ поэмѣ называются *Аллегорическими*. Буало, разсуждая о Епопеѣ, сказалъ:

Là, pour nous enchanter tout est mis en usage;
Tout prend un corps, une âme, un esprit, un visage.

Т. е. по переводу Графа Хвостова:

Чтобъ наши поразить и мысли и сердца
Бездушнымъ жизнь даришъ, безплотнымъ видъ
лица.

Такимъ образомъ олицетворили Гомеръ *молитвы* и Виргилій *молву*.—См. *Аллегорическій*.

Г. Жуковскій въ стихахъ *Императору АЛЕКСАНДРУ* употребилъ сіе чудесное:

. . . . И безпощадною косою подсѣкало
Самовластительство прекрасный цвѣтъ людей;
Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей
Считало годы ихъ кровавыми перстами

И при сверканіи Кремлевскаго пожара,
Съ развалинъ вставшая, призракъ ужасный,
Кара
Пошла по трепетнымъ губителя полкамъ,

*

И ужась пригвоздивъ къ надменнымъ знаменамъ,
Надъ ними жалобно завыла: горе! горе!
И *Гладъ*, при крикѣ семъ, съ отчаяньемъ во взорѣ,
Свирѣпый, бросился на ратныхъ и вождей....

Примѣры чудеснаго въ Енеидѣ. Трояне оставляютъ Сицилію. Они находятся посреди моря. Разгнѣванная Юнона приготовляетъ ужасную бурю. Эолъ, по ея прозьбѣ, даетъ свободу вѣтрамъ: флотъ Енея разсѣянъ. Сей герой совершенно бы погибъ, если бы Нептунъ, недовольный тѣмъ, что возмущено его владычество безъ его повелѣнія, не усмирилъ вѣтры и не возстановилъ спокойствія. — Между тѣмъ какъ Трояне, утомленные отъ бури и отдыхающіе на берегу, представляютъ естественное слѣдствіе предыдущаго, Юпитеръ устремляетъ взоры свои на Енея: Венера упрашиваетъ его. Меркурій посылается приготовить Карфагенскую Царицу къ благосклонному принятію Енея. Сама Венера провождаетъ его къ Дидонѣ. Еней посылаетъ Ахата за сыномъ своимъ Асканіемъ, желая представить его Цари-

цѣ. Купидонъ принимаетъ на себя видъ Асканія и такимъ скрытнымъ образомъ поражаетъ сердце Дидоны жесточайшею страстію...... и проч.

О продолженіи дѣйствія Епическаго. Дѣйствіе поэмы Епической не должно продолжаться болѣе года, такъ какъ продолженіе дѣйствія Трагическаго не долженствуетъ превосходить однихъ сутокъ. Въ Епопеѣ и въ Трагедіи могутъ герои разсказывать о прежнихъ своихъ приключеніяхъ, чрезъ что авторъ можетъ воспользоваться нужнымъ для него временемъ; ибо сіи повѣствованія самихъ героевъ выключаются изъ времени, назначаемаго для продолженія главнаго дѣйствія. На примѣръ, въ Енеидѣ, главное дѣйствіе начинается съ того времени, какъ Еней пристаетъ къ берегамъ Карфагенскимъ, и считая отъ онаго до окончанія, дѣйствіе продолжается только лѣто и осень, а если бы включить все то, что разсказываетъ Еней у Дидоны, то бы дѣйствіе продолжилось около семи лѣтъ.

О лицахъ и нравахъ. Въ поэмѣ Епической, не такъ какъ въ Драматической, нѣтъ надобности извѣщать въ началѣ о всѣхъ долженствующихъ показаться лицахъ. Но обѣ сіи поэмы то имѣютъ общаго, что не терпятъ лицъ излишнихъ или бесполезныхъ. Въ Епопеѣ всѣ обязаны способствовать, либо препятствовать, болѣе или менѣе, совершенію предпріятія, слѣдовательно число ихъ зависитъ отъ потребности, какую имѣетъ въ нихъ самое дѣйствіе. Главное попеченіе поэта состоитъ въ томъ, чтобы придать имъ нравы ихъ вѣка и страны; въ противномъ случаѣ поступилъ бы онъ несогласно съ здравымъ разсудкомъ. По сему нѣкоторые критики несправедливо обвиняли Гомера въ томъ, что его герои не похожи на нынѣшнихъ: поэтъ Греческій описывалъ ихъ такими, какими были они въ свое время, и долженъ былъ сіе дѣлать по всей справедливости.

Нравы, или характеры лицъ Епическихъ должны быть, также какъ и въ поэмѣ Драматической, по словамъ Аристотеля: *добры*, *сходственны* и *равны* или *постоянны* (въ статьѣ, объясняющей слово *Драматическій* сказано, въ чемъ состоятъ сіи

свойства), — и также должны быть различны между собою. Сія разность, или противоположность въ характерахъ болѣе всего способствуетъ занимательности поэмы. Можно безпрестанно повторять, что Гомеръ есть совершеннѣйшій образецъ въ семъ родѣ. Тассъ иногда съ нимъ равняется.

Краснорѣчивыя описанія или изображенія живописныя не столь удобны къ показанію различныхъ характеровъ лицъ, какъ собственныя ихъ рѣчи и поступки. Когда въ поэмѣ Епической повѣствуется о подвигѣ многихъ людей, или даже цѣлаго народа, какъ сіе легко случиться можетъ, то при такомъ множествѣ дѣйствующихъ, одно лице должно быть отлично отъ прочихъ, должно быть главою предпріятія. Разумѣется, что ему надлежитъ быть добродѣтельнымъ, ибо подвигъ имъ предпринимаемый долженъ быть полезный, похвальный, достойный удивленія нашего; и по сему за излишнее почитаемъ говорить, что человѣкъ, исполнившій подвигъ злодѣйскій, сколько бы оный ни былъ *славенъ* (ежели только истинная слава можетъ соединена быть съ преступленіями) не могъ бы быть героемъ поэмы Епической. —Не требуется, чтобы главное лице пред-

ставлено было совершенно добродѣтельнымъ, каковъ на примѣръ Годфридъ: оно можетъ имѣть слабости, погрѣшности, даже сильную и вредную страсть, какъ Еней и Ахиллесъ; но слѣдуетъ наблюдать, чтобы слабости его были покрываемы поступками истинно добродѣтельными, чтобы онъ побѣдилъ наконецъ свою страсть, чтобы самыя погрѣшности его, какъ говоритъ Буало, казались Героическими:

Qu'en lui jusqu'aux défauts, tout se montre héroïque.

Сей герой необходимо долженъ имѣть и добродѣтель господствующую, особенно его отличающую, какъ на примѣръ видимъ въ Енеѣ благочестіе, въ Ахиллесѣ мужество и пр. Сія-то главная добродѣтель, которою онъ постоянно бываетъ одушевляемъ, побуждаетъ насъ удивляться ему во всѣхъ встрѣчаемыхъ имъ препятствіяхъ, въ неудачахъ, въ несчастіяхъ, въ опасностяхъ — и наконецъ доставляетъ намъ неизъяснимое удовольствіе, когда видимъ ее увѣнчанною желаемымъ успѣхомъ въ подвигѣ имъ совершенномъ.

О нравственности. Епопея должна быть поучительна. Какъ намѣреніе поэта не

въ томъ состоитъ, чтобы только увѣдомить насъ о прежде бывшихъ происшествіяхъ (см. ниже, разность между Исторіи и Епопеи), то разсказывая объ оныхъ, онъ обязанъ давать намъ полезныя наставленія, не въ видѣ моралиста или догматическаго философа, а въ видѣ поэта, то есть, поучать примѣрами, показывать, какимъ образомъ люди съ большимъ умомъ, съ высокимъ духомъ, дѣйствуютъ въ случаяхъ необыкновенныхъ; онъ не говоритъ, какъ должно думать и поступать: довольствуется тѣмъ только, что показываетъ, какъ отличные люди мыслятъ и поступаютъ.—*Сульцеръ.*

Нравственность составляетъ важную часть Епопеи. Въ семъ-то родѣ поэзіи, можетъ быть болѣе нежели въ какомъ-либо другомъ, поэтъ обязанъ дѣлать изъ своего искуства то благородное и почтенное употребленіе, которое оному свойственно. Замѣтимъ однакожъ, что онъ не долженъ самъ казаться моралистомъ. Читатель, надѣющійся слышать только вдохновеннаго повѣствователя, съ непріятностію изумился бы, увидѣвъ на его мѣстѣ важнаго философа, д ющаго ему уроки. Ему позволительно только упот-

ребляшь *мимоходомъ* крашкія и разишельныя разсужденія, кошорыя казались бы какъ будшо сами ошъ себя происшедшими. Нравоученіе нѣсколько продолжишельное не иначе должно бышь, какъ въ усшахъ героевъ, или существъ сверхъесшесшвенныхъ: впрочемъ самыя дѣйсшвія героевъ— добродѣшель всегда шоржесшвующая, и порокъ всегда презришельный, побѣжденный—могушъ служишь досшашочными поученіями. Въ шесшой книгѣ Енеиды находимъ прекраснѣйшій примѣръ Епическаго нравоученія. Какое сильное и ужасное изображеніе злодѣевъ, низверженныхъ въ шаршаръ! какое пріяшное, сладосшное описаніе блаженсшва праведниковъ, обишающихъ въ поляхъ Елисейскихъ!—

О разности между Исторіи и Епопеи. Исшорія даешъ намъ поняшіе о происшесшвіяхъ: исшорикъ долженъ предполагашь, чшо онѣ чишашелю неизвѣсшны; сшихошворецъ, напрошивъ шого, можешъ предполагашь, чшо чишашели знаюшъ уже основаніе повѣсши его; онъ обязываешся предсшавишь намъ въ занимашельнѣйшемъ видѣ шо, чшо мы знаемъ исшорически; на-

чинаетъ разсказъ, нимало не заботясь о предварительныхъ объясненіяхъ; входитъ въ бо́льшія противъ историка подробности и показываетъ ихъ въ картинахъ разительнѣйшихъ. Онъ не говоритъ о томъ, кто именно были вводимыя имъ лица: онъ выводитъ ихъ прямо предъ глаза наши; мы видимъ ихъ дѣйствующими, слышимъ рѣчи ихъ каждому особенно приличныя, слѣдуемъ за всѣми ихъ движеніями... Въ описаніяхъ употребляетъ краски живѣйшія, пользуется сравненіями, всѣми возможными украшеніями: онъ одушевляетъ всю природу. — Поэма Епическая сохраняетъ средину между повѣствованіемъ историческимъ и драмматическимъ представленіемъ.—*Сульцеръ.*

Исторія и поэма различны между собою какъ въ предметахъ, такъ и въ формахъ; поэма требуетъ подражанія; исторія повѣствованія. Поэмѣ принадлежитъ правдоподобіе, исторіи—настоящая истина. Въ первой употребляются стихи, во второй видимъ рѣчь обыкновенную. Поэма требуетъ единства, для исторіи оно не нужно. Аристотель говоритъ: повѣствовательная поэма не должна быть подобна исторіи, которая не заботится о един-

ствѣ дѣйствія, а имѣетъ въ предметѣ только единство времени, т. е. которая можетъ разсказывать о *разныхъ* происшествіяхъ, случившихся въ *одно* время.—*Гуаставини*.

О формѣ поэмы Епической. Въ наружномъ составѣ Епической поэмы надлежитъ наблюдать три части:

1. *Предложеніе.* Оно есть начало поэмы, въ которомъ стихотворецъ предлагаетъ *вкратцѣ*, о чемъ писать намѣренъ,—Мармонтель говоритъ, что предложеніе не иное что есть, какъ нѣсколько распространенное наименованіе поэмы.

2. *Призываніе* или *обращеніе*, которое полагается послѣ предложенія. Въ немъ поэтъ призываетъ Божество, или другое какое нибудь лице и проситъ помощи или наставленія къ продолженію своей поэмы.

3. *Изложеніе* или *повѣствованіе*. Оно сосодержитъ весь послѣдующій составъ поэмы; въ немъ со всѣми обстоятельствами описывается самое дѣло; оно должно имѣть основаніемъ истинное историческое происшествіе, должно описано быть слогомъ высокимъ и украшено *Епизодами* (см. ниже).

Сія часть поэмы раздѣляется еще на меньшія *пѣснями* называемыя, число которыхъ зависитъ отъ произволенія автора.

Вотъ нѣсколько примѣровъ начала Епическихъ твореній:

1. *Гомеровой Иліады.*—Переводъ Кострова. — Предложеніе съ Призываніемъ или Обращеніемъ соединено вмѣстѣ и Призываніе заключается только въ первомъ стихѣ:

Воспой Ахилловъ гнѣвъ божественная Муза!

Въ слѣдующихъ стихахъ продолжается Предложеніе:

Источникъ Грекамъ бѣдъ, разрывъ межъ нихъ союза,
Сей гнѣвъ, что много душъ геройскихъ въ адъ преслалъ,
Въ корысть тѣла ихъ псамъ и хищнымъ птицамъ далъ;
Когда Атридъ и съ нимъ Ахиллъ богоподобной
Разторгли межъ собой пріязнь враждой всезлобной.
Такъ бурна грома Царь свершалъ судьбу свою.

Послѣ сего изложеніе:

Но кто изъ горнихъ силъ возжегъ вражду сію?
Зевесовъ свѣтлый сынъ Латоною рожденный:

Онъ гнѣвомъ ярости къ Атриду воспаленный,
Тлетворной язвой рать Ахейску поразилъ,
Зане Атридъ жреца Хризиса не почтилъ....
и пр.

2. *Виргиліевой Енеиды.* — Переводъ Петрова:

Предложеніе.

Пою оружій звукъ и подвиги героя,
Что первый, какъ легла во прахъ отъ Грековъ Троя,
Судьбой гонимъ достигъ Италіи бреговъ;
Отъ ополченныхъ нань Юноною боговъ
По морю и земли былъ верженъ безпрестани,
И много пострадалъ во кроволитной брани,
Желанный дондеже въ Латіи градъ воздвигъ,
И въ оный внесъ боговъ по странствіи своихъ;
Отколь возникла мощь Латинъ необорима,
Албанскіе отцы и горды стѣны Рима.

Обращеніе.

Повѣждь, о Муза, мнѣ, чѣмъ тако горнихъ силъ
Великій праотецъ чадъ Римскихъ раздражилъ?
За что превыспреннихъ владычица всемочна
Возстала мщеніемъ на мужа непорочна

И столько бѣдъ его принудила понесть?
Толико ль, небеса, преклонны вы на месть!

Изложенie.

Противъ Италiи на брегѣ удаленномъ,
Отъ устiй Тибровыхъ пучиной отдѣленномъ,
Богатый древле цвѣлъ и бранноносный градъ...
и проч.

3. *Изъ поэмы Ломоносова:* ***ПЕТРЪ ВЕЛИКIЙ.***

Предложенie

Пою премудраго Россiйскаго героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ савергъ дерзостныхъ и льстивныхъ,
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ
И мiръ дѣлами весь и зависть удивилъ.

Обращенie.

Къ тебѣ я вопiю, премудрость безконечна!

Пролей свой лучь ко мнѣ, гдѣ искренность
сердечна,
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгѣ духъ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО гласить вселенной въ слухъ,
И показать какъ онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насъ неслыханны отъ вѣка....
и пр.

Изложеніе.

Уже освобожденъ отъ варваръ былъ Азовъ;
До Меотисскихъ Донъ свободно текъ валовъ
Нося ужасной флотъ въ струяхъ къ пучинѣ
черной.... и пр.

4. *Изъ Россіяды, поэмы Хераскова.*

Предложеніе.

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть Татаръ и гордость низло-
женну,
Движенье древнихъ силъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Отъ круга сихъ временъ спокойныхъ лѣтъ
начало
Какъ свѣтлая заря въ Россіи возсіяло.

Обращеніе.

О ты, лешающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,
Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ,
На слабое мое и темное творенье
Пролей твои лучи, искусство, озаренье! —
Отверзи, вѣчность! мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета,
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ,
Гдѣ гордости похвалъ льстецы не сплетаютъ
Передъ усыпаннымъ звѣздами олтаремъ.
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ Царемъ;
Гдѣ бѣдный нищету, гдѣ сильный власть забудетъ,
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся, вѣчность, мнѣ! да лирою моей
Вниманье привлеку народовъ и Царей.
Завѣса поднялась! . . . сіяютъ предъ очами
Герои, свѣтлыми увѣнчанны лучами.
Отъ нихъ кровавая Казанская луна
Низвергнута во мракъ и славы лишена.
О вы! ликующи теперь въ мѣстахъ небесныхъ!
Во прежнихъ видахъ мнѣ явитеся тѣлесныхъ.

Изложение.

Еще восточную Россіи древней часть
Заволжскихъ наглыхъ ордъ обременяла власть;
На нашихъ плѣнникахъ гремѣли тамъ оковы...
и пр.

О достоинствѣ поэмѣ и поэтовъ Епическихъ.—Епопея есть, безъ всякаго сомнѣнія, превосходнѣйшее произведеніе ума человѣческаго. Древніе почитали Иліаду и Одиссею двумя источниками, въ которыхъ военачальникъ, министръ, гражданинъ, отецъ семейства, витія, живописецъ, ваятель, могутъ почерпать нужныя для нихъ свѣденія и правила.—Сіе мнѣніе хотя и кажется слишкомъ пристрастнымъ, однакожъ въ самомъ дѣлѣ оно справедливо. Епопея соединяетъ въ себѣ все то, что различные роды поэзіи и прочія изящныя художества имѣютъ наилучшаго. Какой, на примѣръ, витія превосходилъ когда либо Гомера? картины и живопись, подражающія вымысламъ сего отца поэзіи, не заслужили ли всеобщаго удивленія? не ему ли обязанъ Фидіасъ прекраснѣйшимъ произведеніемъ своего искусства? наконецъ, какой страсти неудобна Епическая поэ-

зія возбудитъ въ душѣ нашей, и какой страсти укротитъ она не можетъ? — по сему дадимъ Епопеѣ первѣйшее мѣсто между всѣми твореніями изящныхъ художествъ, а хорошему поэту Епическому преимущество предъ всѣми прочими стихотворцами. — *Сульцеръ.*

О слогѣ и размѣрѣ. Поэма Епическая есть повѣствованіе — не историческое, въ которомъ говорится о всѣхъ случившихся происшествіяхъ безъ разбору, важныхъ и неважныхъ; не философское и неучебное, котораго вся цѣль научить истинѣ, или убѣдить въ ней; не романическое, ибо живописуетъ знаменитое происшествіе, общее, такое, которое имѣло вліяніе на цѣлые народы; наконецъ, если можно сказать, оно есть необыкновенное человѣческое; ибо пѣвецъ, открывающій тайныя связи происшествій, непостижимыя обыкновеннымъ смертнымъ, и будущія отдаленныя послѣдствія происшествій, слабыми очами ихъ непредвидимыя, непремѣнно долженъ быть исполненъ какимъ нибудь духомъ высшимъ, или божествомъ, или Музою, которая устами его пророчествуетъ.

И такъ, сей языкъ есть и долженъ быть высокій, божественный, производящій вмѣстѣ очарованіе и убѣдительность безпрекословную, быструю, едва постигаемую тѣми самими, которые убѣждаются.—*Непремѣнныя* качества слога Епическаго суть: ясность, точность, благородство, важность, сила, сладость, изящность, простота, легкость и гармонія. *Случайныя:* великолѣпіе, стремительность и внезапность движеній, разительность картинъ, страсти, быстрота повѣствованія, описательная поэзія или живописующая гармонія звуковъ. —

Подъ именемъ слога, свойственнаго Епической поэмѣ, заключается та часть стихотворческаго искуства, которая подобна тому, что въ живописи называется отдѣлкою. Правда, что сія отдѣлка у живописца болѣе всего состоитъ въ томъ смѣшеніи красокъ (coloris,) которое дѣлаетъ изображаемую вещь весьма похожею на истинную; однако сей искуственный подборъ цвѣтовъ несравненно болѣе произведетъ надъ ними дѣйствія, если художникъ прежде еще не только изберетъ со вкусомъ для своей исторической картины предметы, но и предназначитъ

положенія, въ какомъ каждый изъ нихъ долженъ быть представленъ. Подобнымъ образомъ должно судить о слогѣ Епической поэмы. Сильное или слабое надъ читателемъ ея дѣйствіе, что безъ сомнѣнія бываетъ слѣдствіемъ ея слога, зависитъ не столько отъ употребляемаго въ ней рода рѣчи, сколько отъ изображаемыхъ въ ней мыслей, а немало также и отъ особеннаго способа ихъ предлагать. По сему въ понятіи слога, о коемъ идетъ рѣчь, заключается троякаго рода искуство: 1) избирать достойныя мысли и чувствованія, 2) приличнымъ образомъ ихъ предлагать, и 3) особливымъ родомъ слова, то есть рѣченій, выраженій и словосочиненій, ихъ изображать.—

Размѣръ въ поэмахъ Епическихъ употребляется шестистопный, который можетъ быть всякаго рода. Ломоносовъ Херасковъ, Петровъ, Костровъ и Мерзляковъ (въ переводѣ Тассова Освобожденнаго Іерусалима) употребляли стихъ шестистопный Ямбическій; Гнѣдичь переводитъ Иліаду Екзаметромъ. — Екзаметръ, говоритъ Сульцеръ, не есть необходимъ для Епопеи, но изъ всѣхъ размѣровъ онъ кажется для нее приличнѣйшимъ.

Образцы Епическаго повѣствованія.

1. Изъ первой пѣсни Иліады.—Распря вождей. *)

Стекшимся рати вождямъ и возсѣдшимъ
Ахейскимъ народамъ,
Ставъ среди сонма, такъ началъ вѣщать
Ахиллесъ быстроногій:
„Ны.ѣ я вижу, Атридъ, что опять — по морямъ мы блуждая—
Вновь возвратимся въ дома, если можемъ отъ
смерти избѣгнуть.
Вдругъ и война, и погибельный моръ истребляетъ Ахеянъ.—
Но рѣшимся, Атридъ! и вопросимъ жреца,
иль пророка,
Или гадателя сновъ (и сны отъ Зевеса исходятъ);
Пусть онъ повѣдаетъ: чѣмъ прогнѣвленъ
Аполлонъ небожитель?
Должный не возданъ обѣтъ, Гекатомба ли
нами забыта?

*) Ахейская рать гибнетъ отъ язвы, которую ниспослалъ Аполлонъ, раздраженный на Царя Атрида за поруганіе жреца Хризеса. Ахиллесъ собираетъ Ахеянъ къ совѣту.

Иль отъ агнцевъ и козъ благовоннаго дыма
алкая,
Требуетъ жертвъ Аполлонъ, чтобъ спасти
насъ отъ гибельной язвы?,,
Рекъ и возсѣлъ Ахиллесъ; и возсталъ отъ на-
рода Ахеянъ
Жрецъ знаменитый Калхасъ, прорицателей
вождь вдохновенный.
Вѣдалъ онъ все, что прешло, и что есть, и
что скрыто въ грядущемъ,
И Ахейскую рать по морямъ предводилъ къ
Иліону
Даромъ пророчества, свыше ему вдохновен-
нымъ отъ Феба. —
Мудрый и ревностный мужъ сей такъ воз-
гласилъ совѣщая:
,,О Ахиллесъ! ты велишь возвѣстить мнѣ,
любимецъ Зевеса,
Гнѣвъ Аполлона Царя, стрѣловержца небе-
снаго Феба?
Я возвѣщу; но ты дай мнѣ обѣтъ и клянися
предъ сонмомъ
Всюду меня защитить и устами, и рукъ тво-
ихъ силой.
Прежде бо знаю, что я прогнѣвлю всемогущаго
мужа,

Воинствъ Ахейскихъ вождя и владыку Аргивскихъ народовъ.
Царь же и паче могущъ, озлобленный мужемъ подвластнымъ,
Если въ день гнѣва молчитъ, раздраженное сердце смиряя:
Въ персяхъ онъ носитъ вражду, пока утолитъ ее местью.
Зрижь, о герой, и вѣщай: ты можешь ли дать мнѣ защиту?,,

Ахиллесъ далъ клятву въ защитѣ его, и Калхасъ продолжаетъ:

,,Нѣтъ, не за должный обѣтъ, не за жертвы насъ Фебъ наказуетъ:
Но за старца жреца, котораго ты Агамѐмнонъ,
Здѣсь поругалъ, не отдавъ ему дщери и выкупъ отринувъ.
Фебъ насъ за то покаралъ, и бѣдами карать еще будетъ,
И не прежде отъ кары воздержитъ онъ грозныя руки,
Дѣвы доколь черноокой—ни мзды, ни даровъ не пріемля—
Въ домъ не отпустишь отца, и въ Хризъ не пошлешь Гекатомбы.

Симъ только, мыслю я, симъ раздраженнаго
Феба преклонимъ.„
Слово скончавши возсѣлъ; и отъ сонма Ахеянъ
воздвигся
Царь многовластный Атридъ, повелитель
мужей, Агаме́мнонъ,
Духомъ смятенъ; его перси, наполняся черною
злобой,
Страшно вздымались; какъ огненный пылъ,
его очи сверкали и пр.

Гнѣдичъ.

1. Изъ поэмы ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Уже бѣлѣя понтъ передъ ПЕТРОМЪ кипитъ,
И влага уступить, шумя, ему спѣшитъ.
Тамъ вмѣсто чаянныхъ Бореи флаговъ Швед-
скихъ
Россійскіе въ зыбяхъ взвѣвали Соловецкихъ.
Закрылись крайніе пучиною лѣса,
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліянны небеса.
Тутъ вѣтры сильные, имѣя флотъ во власти,
Со всѣхъ сторонъ смѣжась къ погибельной
напасти,
На западъ и на югъ, на сѣверъ и востокъ
Стремятся и вертятъ мглу, влагу и песокъ.

Перуны мракъ густой, сверкая, раздѣляютъ,
И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ.
Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ,
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ.
Въ сердцахъ великой страхъ сугубятъ скрыпомъ снасти.
Герой нашъ посредѣ великія напасти
И взоромъ и рѣчьми смутившихся крѣпитъ,
Сквозь грозный стонъ стихій къ блѣднѣющимъ гласитъ:
,,Мужайтесь! Промыслъ насъ небесный искушаетъ,
Къ трудамъ и къ крѣпости напредь Онъ ободряетъ;
Всякъ дѣлу своему со тщаніемъ внимай:
Опасности сея Богъ скоро пошлетъ край.,,
Отъ гласа въ грудь пловцамъ кровь теплая вліялась
И буря въ ярости кротчае показалась.
Я мышлю, что тогда сокрыта въ морѣ ночь,
Желая отвратить набѣгъ противныхъ прочь,
Толь страшну бурю имъ на пагубу воздвигла,
Что въ плаваньи ПЕТРА нечаянно постигла.

.

Какъ въ равныхъ разбѣжась свирѣпый конь
поляхъ,
Ржетъ, пышетъ, отъ копытъ восходитъ
вихремъ прахъ,
Однако доскакавъ до высоты крутыя,
Вздохнувъ, кончаетъ бѣгъ, льетъ токи по-
товыя:
Такъ сѣверъ, укротясь, впослѣдни возсте-
налъ;
По усталымъ валамъ понтъ пѣну разстилалъ;
Изчезли облака; сквозь воздухъ въ югѣ чистый
Открылись два холма и берега лѣсисты.
Межъ ними кораблямъ въ заливъ отверзся
входъ,
Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ,
Гдѣ въ мокрыхъ берегахъ крутясь печальна
Уна,
Медлительно течетъ въ объятія Нептуна,
Въ числѣ Россійскихъ рѣкъ безвѣстна и мала,
Но предковъ рокомъ злымъ ПЕТРОВЫХЪ
прослыла,
Когда коварнаго свирѣпствомъ Годунова
Кипѣла пролита невинныхъ кровь багрова,
Какъ праотцевъ его онъ въ сѣверъ заточилъ,
Во влажномъ мѣстѣ семъ, о злоба! уморилъ.

Сошелъ на берегъ ПЕТРЪ, и ободрилъ стопами
Мѣста, обмоченны Романовыхъ слезами
и пр.

Ломоносовъ.

3. *Изъ четвертой пѣсни Освобожденнаго Іерусалима.—Посланіе Армиды въ станъ Христіанскихъ воиновъ.*

Прелестная гордясь цвѣтущими красами,
И пола милаго и младости дарами,
Пріемлетъ сей совѣтъ; — полунощной порой
Она течетъ въ свой путь безвѣстною тропой,
Безъ латъ и безъ меча, въ одеждѣ дѣвы нѣжной,—
Непобѣдимымъ плѣнъ готовитъ неизбѣжной.
Чтобъ подлинну вину отшествія закрыть,
Обманъ умѣлъ молвы другія разгласить.

Уже окончивъ путь, она явилась въ станѣ,
Гдѣ укрѣплялися на приступъ Христіане.
При появленіи незапномъ красоты.
Разлился легкій шумъ къ ней взоры
къ ней мечты
Къ ней храбрые спѣшатъ такъ новая планета
Манитъ къ себѣ всѣхъ взоръ особымъ блескомъ свѣта.

Бѣгутъ, тѣснятся вкругъ.... вопросы безъ
числа....
„Кто странница? — отколь? — почто сюда
пришла?„
Кипръ, Делосъ и Аргосъ, — отчизна дѣвъ не-
бесныхъ,
Не зрѣли прелестей столь милыхъ, столь
чудесныхъ.
Какъ юная лоза, прямый и гибкій станъ;
Покрова бѣлаго сквозь зыблемый туманъ
То злато власъ сквозитъ, то вдругъ откры-
то блещетъ;
Такъ солнце, облакомъ одѣянное, мещетъ
На злачныя поля золотоцвѣтну тѣнь:
Но облако прошло.... свѣтъ новый, новый
день! —
Власы, природою завитые кудрями,
Влюбленный вѣтерокъ свиваетъ вновь волнами;
Коварный взглядъ ея, въ тѣни рѣсницъ густой,
Какъ бы стыдясь, таитъ — ни щедрой, ни
скупой —
Сокровища любви съ заразами сліянны.
Въ ланитахъ лиліи и розы сочетанны,
А на устахъ, гдѣ страсть.... гдѣ дышетъ,
жжетъ она,

Алѣетъ роза тамъ раскинувшись одна.
Блистаетъ бѣла грудь красою рання снѣга,
Здѣсь, здѣсь алтарь любви: желанье, томность, нѣга!
Открыта взорамъ часть двухъ дышущихъ холмовъ:
Другую часть сокрылъ завистливый покровъ.
Но тщетно..... жадный взоръ куда не досягаетъ,
Туда любовна мысль свободно проникаетъ:
Не зримымъ болѣе, чѣмъ зримымъ плѣнена,
Къ тайнѣйшимъ прелестямъ огнемъ течетъ она.
Какъ лучъ, ударяся въ прозрачный край фіала,
Проходитъ, не дѣля ни влаги, ни кристалла:
Такъ сладострастна мысль сквозь облакъ ризъ драгихъ
Къ нѣжнѣйшимъ красотамъ въ мечтамъ парипъ своихъ,
Играетъ, рѣзвится въ раю затѣй по волѣ;—
И тайны обозрѣвъ, роскошна, въ сладкой долѣ,
Живописуетъ ихъ алкающей любви,—
И гибельный пожаръ свирѣпствуетъ въ крови!
Красавица течетъ среди блестящихъ строевъ;
За ней, предъ ней хвала и шумный сонмъ героевъ.

Не смотритъ видитъ все и сердце,
рабъ суетъ,
Въ ней бьется радостнымъ предчувствіемъ
побѣдъ!
Остановилася къ ближайшимъ рѣчь скло-
няетъ,—
Представить сирую владыкѣ, умоляетъ. *и пр.*

Мерзляковъ.

4. *Изъ Россіяды.—Пѣснь XI. — Сраженіе. — Надмѣнный Гидромиръ дерзкими словами раздражилъ Россійскихъ героевъ.*

Отъ сей кичливости исполненные гнѣва,
Герои ждутъ на брань велѣнія Царева,
Да словомъ подтвердитъ ихъ клятвы онъ
печать.
На все рѣшился Царь и бой велѣлъ начать.
Все войско раздалось для важнаго предлога;
Герои, шлемы снявъ, зовутъ на помощь Бога.
Жестокій Гидромиръ безумства не скрывалъ,
Не Бога въ помощь онъ, Рамиду призывалъ,
И рекъ Россіянамъ: сраженія не длите!
Не о побѣдѣ вы, о жизни днесь молите;
Готовтесь смерть принять! съ симъ словомъ,
какъ орелъ,
На Палецкаго мечъ изторгнувъ полетѣлъ;

Съ Бразиномъ копьями Мстиславскій Князь
сразился;
Мечь Курбскаго-во щитъ Мирседу водрузился;
Весь воздухъ возшумѣлъ и битва началась...
Сражаются, но кровь не скоро полилась.
Мстиславскій на врага перунъ изъ рукъ кидаетъ,
То съ лѣвыя страны, то съ правой нападаетъ;
Но будто стѣну онъ орудіемъ біетъ,
Уже разить копьемъ Бразина устаетъ;
Онъ зрится каменнымъ, нечувственнымъ кумиромъ.
Схватился Палецкій съ свирѣпымъ Гидромиромъ:
Кони спошкнулися, упали шлемы съ нихъ,
Закрыли ихъ щиты главы у обоихъ;
Склоненные къ землѣ еще они біются,
Воспрянули, сдвигнулись, удары раздаются;
Спираясь три четы, изображаютъ кругъ;
То въ груду сложатся, то раздадутся вдругъ.
Отвсюду зрится смерть, отвсюду и побѣда.
Князь Курбскій копіемъ ударилъ въ грудь Мирседа;
Щитомъ себя Мирседъ закрыть не ускорилъ,
Взревѣлъ, и тыломъ онъ хребетъ коня покрылъ.... и пр.

Херасковъ.

Объ Аллегоріи поэмы. Торквато Тассъ, въ сочинении своемъ *Allegoria del poeta* пишетъ слѣдующее:,, Поэма Героическая составляется изъ подражанія и Аллегоріи. Первымъ плѣняетъ души и слухъ; вторая способствуетъ къ усовершенію въ добродѣтели и въ познаніяхъ, или въ обѣихъ вмѣстѣ. И поелику Епическое подражаніе не иное что есть, какъ изображеніе человѣческаго дѣянія, то Аллегорія Епическая должна быть изображеніемъ жизни человѣческой. Подражаніе содержитъ такія только дѣйствія человѣка, которыя подвержены однимъ наружнымъ чувствамъ, и которыя слѣдовательно можно представить очамъ тѣлеснымъ; Аллегорія имѣетъ предметомъ страсти, мнѣнія, обычаи, не въ томъ единственно видѣ, въ какомъ они сами показываются, но въ ихъ сущности внутренней, таинственной, могущей быть удобопонятною только людямъ, имѣющимъ достаточное познаніе натуры вещей. Она должна быть изображеніемъ *двойственной* жизни человѣка, ибо обыкновенно подъ словомъ *человѣкъ* мы разумѣемъ совокупность тѣла, души, разума—и тогда жизнь человѣческая принимается за то, что свойственно сему общему со-

ставу; иногда же, хотя и не такъ часто, *человѣкомъ* почитается не упомянутая совокупность, но благороднѣйшая часть его, разумъ, и по сему послѣднему значенію *жизнію человѣческою* можно почесть только упражненіе духовной части человѣка. —Тассъ, указавъ на нѣкоторыя Аллегоріи поэмъ Гомеровыхъ и Енеиды, продолжаетъ: по симъ образцамъ основалъ я Аллегорію моей поэмы, какъ ниже сего увидятъ.

Воинство, составленное изъ разныхъ Государей и другихъ ратоборцевъ Христіанскихъ, означаетъ человѣка мужественнаго, состоящаго изъ тѣла и души — и души непростой, но отличной по многимъ качествамъ. Іерусалимъ, градъ крѣпкій, основанный на мѣстѣ гористомъ и почти не приступномъ, къ которому, какъ послѣдней цѣли, устремлены всѣ предпріятія вѣрнаго воинства, служитъ символомъ блаженства, предопредѣляемаго доброму и ревностному Христіанину. Годфридъ, начальникъ всѣхъ воевъ, занимаетъ мѣсто разума, и особенно того, который предусматриваетъ не только случаи необходимо послѣдовать долженствующіе, но даже подверженные всякой въ событіи разнообразности. И онъ по изволенію Бо-

жіему и по согласію Государей есть глава сего предпріятія, потому что разумъ или разсудокъ есть владыка прочихъ свойствъ душевныхъ и самаго тѣла, коими управляетъ сообразно данной ему надъ ними власти. Ринальдъ, Танкредъ, и другіе Государи или Князья, означаютъ другія душевныя свойства, а тѣломъ представляются обыкновенные, низшіе воины. И какъ по несовершенству человѣческой природы и по соблазнамъ врага ея, человѣкъ не достигаетъ къ блаженству безъ великаго внутренняго боренія и безъ многочисленныхъ внѣшнихъ препятствій, то все сіе также изображено въ лицахъ піитическихъ. Смерть Свена и сотоварищей его, (которые лишились жизни не достигнувъ еще до стана) можетъ показать здѣсь огорченіе, какое терпитъ живущій въ обществѣ человѣкъ при утратѣ друзей, знакомыхъ, и другихъ благъ внѣшнихъ. Войска Африканскія и Азіатскія, и невыгодныя съ ними сраженія, не иное что суть, какъ враги и злоключенія, противопоставляемые неблагопріятствующею фортуною. — Примѣняя же Аллегорію ко внутреннимъ обстоятельствамъ, находимъ, что любовь, приводящая въ не-

истовство Танкреда и другихъ воиновъ, и удаляющая ихъ отъ Годфрида—и вражда, по которой отступаетъ Ринальдъ отъ общаго предпріятія—означаютъ всегдашнюю распрю сластолюбія и необузданнаго гнѣва съ благоразуміемъ и добродѣтелью. Демоны, совѣщающіе о средствѣ воспрепятствовать занятію Іерусалима, сами собою представляютъ (figura et figurato), что всегда возстаютъ они противъ нашего общественнаго благополучія, дабы оное не содѣлалось для насъ лѣствицею къ блаженству Христіанскому. Волшебникъ Исменъ и волшебница Армида, слуги діавола, доставляющіе Срацинамъ средства къ удержанію Христіанъ отъ войны, суть искушенія, которыя вкрадываясь въ души, пораждаютъ грѣхи наши. Исменъ означаетъ искушеніе, приводящее строгую добродѣтель къ суевѣрію; Армида изображаетъ искушеніе, отвлекающее душу отъ вождѣленія совершенства: первое производитъ заблужденія мнѣній, второе уменьшаетъ душевныя силы. Чародѣйство Исмена въ лѣсу, обольщающее привидѣніями, не иное что значитъ, какъ ложность умствованій, которая раждается въ лѣсу (то есть отъ множества) мнѣній

и рѣчей человѣческихъ. Огнь, вихрь, мракъ, чудовища, и другіе наводившіе ужасъ призраки, суть ложныя сужденія, показывающія *подъ видомъ зла* благородные труды и встрѣчаемыя при оныхъ опасности; цвѣты, ручьи, водометы, музыкальныя орудія, нимфы, и пр. суть тѣ очаровательныя прелести, которыя представляютъ угожденія чувствамъ *подъ личиною добра.*

Теперь покажемъ тѣ внутренныя и внѣшнія пособія, съ которыми общественный человѣкъ, побѣждая всякое препятствіе, шествуетъ къ желаемому блаженству. — Ангелы означаютъ и помощь Божію и Божественныя внушенія, кои также изображаются во сновидѣніи Годфрида и въ разсказахъ пустынника. Пустынникъ же, отправляющій за Ринальдомъ пословъ къ волхву (магу), означаетъ свехъестественное разумѣніе, получаемое по благодати Божіей, такъ какъ самый волхвъ значитъ разумѣніе человѣческое. Сей волхвъ рожденъ въ язычествѣ; но обращенный пустынникомъ къ истинной Вѣрѣ, сдѣлался Христіаниномъ, отложилъ прежнюю свою гордость и прилѣжно слѣдуетъ совѣтамъ своего наставника: сіе показываетъ, что философія родилась и образо-

валась въ мѣстахъ языческихъ (въ Египтѣ и въ Греціи) и перешедъ оттуда къ намъ, гордилась еще своимъ безвѣріемъ; но наконецъ попеченіемъ Святителей нашихъ сдѣлалась ученицею и сотрудницею Ѳеологіи. Не напрасно введено лице сего волхва, который, только по указанію пустынника, можетъ отыскать и возвратить Ринальда: оно служитъ доказательствомъ, что благодать Божія не всегда дѣйствуетъ непосредственно, или способами сверхъестественными; но весьма часто ея дѣйствія бываютъ чрезъ посредства естественныя, видимыя. — Отпадшій, такъ сказать, отъ Годфрида Ринальдъ, и предающійся неистовству и страстямъ, показываетъ, что всякая доблесть, отвергая законы разума, измѣняетъ своему величію и заслуживаетъ общее негодованіе. Возвращеніе же Ринальда и примиреніе съ Годфридомъ означаютъ, что всякая сила уступаетъ наконецъ силѣ разума. И такъ заключимъ окончаніемъ Поэмы. Поелику здѣшнее благополучіе не должно быть послѣднимъ предметомъ человѣка, стремящагося къ высочайшему блаженству Христіанскому, то согласно съ симъ, Годфридъ не желаетъ

имѣть надъ землею Іерусалимскою простаго владычества, но старается, чтобы въ ней отправляемо было Священное Богослуженіе, и чтобы гробъ Христовъ посѣщаемъ былъ благочестивыми путешественниками; онъ съ благоговеніемъ преклоняетъ главу предъ онымъ—такъ разумъ, послѣ трудовъ мірскихъ, долженъ обратиться къ молитвѣ и къ созерцанію благъ будущей безсмертной жизни. — См. *Delle opere di T. Tasso, Volume duodecimo.*

О Епизодахъ. Въ статьѣ подъ симъ заглавіемъ видѣли читатели опредѣленіе *Епизода*; здѣсь покажемъ нѣкоторыя разсужденія, почерпнутыя изъ рѣчи о Епизодахъ одного Италіанскаго Академика, содержащей: 1) какимъ образомъ отличать Епизодъ отъ главнаго дѣйствія поэмы, 2) о пространствѣ Епизодовъ, и 3) о правилахъ, какія при введеніи оныхъ наблюдать нужно.

Епизоды или вводныя повѣсти, разсказы, такъ искусно соединяются съ сущностію поэмы, и такимъ непримѣтнымъ образомъ происходятъ отъ главнаго оной дѣйствія, что съ трудомъ узнать можно, къ распространенію ли и украшенію поэ-

мы они служатъ, или составляютъ собственную часть ея; каково, на примѣръ, у Виргилія сошествіе Енея во адъ. Поелику сіе сошествіе есть одно изъ тѣхъ приключеній Енея, кои составляютъ сущность поэмы, то и можно сказать, что оное принадлежитъ къ содержанію поэмы, а съ другой стороны, когда разсмотримъ, что сіе путешествіе включено въ поэму единственно для объясненія происхожденія Римлянъ и особенно для похвалы Августа, (а сіе не составляетъ предмета поэмы) то по сему можно заключить, что все сіе повѣствованіе есть *вводное*, Епизодъ.

Какимъ же образомъ удобнѣе отличить Епизодъ отъ сущности поэмы?—Поэма не похожа на человѣка вооруженнаго, смотря на котораго тотчасъ можно узнать, какія вещи собственно ему принадлежатъ, на примѣръ, голова, руки, ноги, и какія приданы ему и суть какъ бы посторонныя, какъ то, броня, шишакъ, щитъ, оружіе и тому подобное; она болѣе похожа на обширной садъ, разсматривая который можно придти въ недоумѣніе, какія вещи составляютъ сущность или такъ сказать собственность сада, и ка-

кія служатъ только къ украшенію онаго, или къ наполненію пустыхъ мѣстъ. — Къ такому различенію едва ли не самымъ удобнѣйшимъ руководствомъ можетъ почесться правило: *не выпускать никогда изъ виду предложенія поэмы* — разумѣя, что предложеніе содержитъ не постороннія, но существенныя части, и что поэма всѣ оныя въ себѣ заключаетъ; ибо какъ бы оно кратко ни было, но всегда бываетъ зеркаломъ всего содержанія поэмы.

Аристотель, разсуждая о совершенствѣ Басни Епической, предлагаетъ другое правило для отличенія Епизодовъ. Онъ Епизодами почитаетъ такія части поэмы, или такія происшествія, кои будучи перенесены на другое мѣсто, или совсемъ изъяты изъ поэмы, не вредятъ *цѣлому*, также какъ щитъ и броня у человѣка, уборъ и вся сбруя у лошади, будучи совсемъ взяты, или испытавъ какую либо перемѣну, не вредятъ сущности ни лошади, ни человѣка; если же бы сіе сдѣлало въ сущности ихъ перемѣну, тогда бы, говоритъ онъ, это послужило знакомъ, что оныя вещи были истинныя ихъ части и принадлежности.—Сіе правило и объясняющій оное примѣръ принуждаютъ нѣсколь-

ко противорѣчить великому Аристотелю: ибо кто знаетъ человѣка и лошадь, тотъ можетъ разсуждать о собственно-принадлежащихъ имъ частяхъ, и также о вещахъ придаточныхъ; но не имѣя объ нихъ понятія, не можетъ дѣлать такого различія—и когда мы принимаемся читать Ироическую поэму, не имѣя предварительно истиннаго познанія о составляющихъ ее частяхъ, то не можемъ равномѣрно дѣлать при чтеніи ни переносовъ, ни изъятій, а по сему не замѣтимъ и Епизодовъ. Если же кто станетъ утверждать, что такая-то поэма дѣйствительно составлена изъ частей существенныхъ, и придаточныхъ, и что сіи части принадлежатъ къ дѣйствію, а сіи суть Епизоды, то можно отвѣчать, что прежде слѣдуетъ вникнуть и разсмотрѣть, почему именно называются однѣ части существенными, а другія придаточными или Епизодами — и въ семъ случаѣ правило и примѣръ Аристотелевы равно неудовлетворительны.

И такъ, по мнѣнію моему, нѣтъ другаго легчайшаго къ такому отличенію средства, какъ соображеніе съ *предложеніемъ* поэмы: въ семъ случаѣ оно можетъ

быть уподоблено звѣздѣ, показывающей путь во мракѣ ночи.

Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть, сколь велики могутъ быть Епизоды въ Ироической поэмѣ. — Аристотель о семъ ничего неупоминаетъ. Разсуждая о трагедіи, онъ говоритъ только, что трагедія не должна имѣть Епизодовъ (par. 56), по крайней мѣрѣ по видимому, ибо они скрываются въ хорахъ (par. 64); потомъ, что трагическіе и вообще драматическіе писатели должны быть кратки, а *продолжительность* есть свойство Епопеи (par. 64. 90); и наконецъ, разсматривая въ особенности Епопею, утверждаетъ, что она долженствуетъ превосходить трагедію въ продолжительности или обширности (par. 128), и что сія обширность можетъ производима быть разными Епизодами (129)—однако ничего не говоритъ болѣе ни о величинѣ Епизодовъ, ни о количествѣ ихъ.

Можно утвердительно сказать, что обширность басни или сущности поэмы должна превосходить всю сложную обширность Епизодовъ. Примѣры сему видимъ не только въ произведеніяхъ разныхъ искуствъ, даже въ самой натурѣ: при

строеніи дома или корабля бóльшая оказывается обширность въ тѣхъ частяхъ, кои составляютъ ихъ сущность, и меньшая въ тѣхъ, кои служатъ украшеніемъ и распространеніемъ; такъ и натура, въ твореніяхъ поэта весьма часто подражаемая, произведенія свои болѣе надѣляетъ частями нужными, сущкость составляющими, нежели придаточными или служащими къ украшенію, а иныя ея произвенія, простыя или менѣе сложныя, и совсѣмъ не имѣютъ частей посторонних. Взгляните на величайшее животное, разсмотрите, что составляетъ существо его, и сообразите сіе съ тѣмъ, что служитъ ему къ украшенію, либо къ защитѣ —вы удостовѣритесь, что какъ въ семъ животномъ, такъ и во всѣхъ другихъ твореніяхъ, части собственныя, или сущность тѣлъ составляющія, бываютъ всегда пространнѣе тѣхъ, кои можно назвать придаточными или посторонними. Изъ сего заключить можно, что сущность дѣйствія, или басня Епопеи, должна быть пространнѣе украшеній, или частей придаточныхъ. Слѣдовательно Епизоды должны быть менѣе самой басни; въ противномъ случаѣ они утомляли бы и память

и вниманіе, особливо когда встрѣчались бы во многихъ пѣсняхъ или отдѣленіяхъ.

Все сказанное выше можно принаровить къ слѣдующимъ тремъ правиламъ: *первое*, чтобы стихотворецъ, тѣ разсказы, въ коихъ отступаетъ отъ главнаго дѣйствія, не дѣлалъ слишкомъ продолжительными, дабы читатель не могъ потерять изъ виду главнаго дѣйствія, или, что все равно, стихотворецъ долженъ наблюдать, чтобы сіи придаточныя части несталь были велики и значительны, какъ главное дѣйствіе; чтобы казались они болѣе приправами, нежели существенною пищею (condimenti e non vivande). *Второе*, не должно раздѣлять Епизода на многія части и мѣшать оныя часто между главнымъ дѣйствіемъ:—тогда онъ будетъ казаться особенною поэмою; если же не возможно кончить его въ одномъ мѣстѣ, то покрайней мѣрѣ раздѣлить не болѣе какъ на двѣ части. Ибо если случится въ поэмѣ много Епизодовъ, то они, безъ сего правила, такъ бы между собою переплелися, что изъ всего не иное что вышло бы, какъ уродливая громада разнородныхъ дѣйствій. *Третье* и послѣднее правило состоитъ въ томъ, что Епизоды (какъ разсказы о та-

кихъ дѣйствіяхъ, которыя, хотя чувствительно соединяются съ главнымъ повѣствованіемъ, но могутъ почтены быть придаточными, ибо объ нихъ не упомянуто *въ предложеніи* поэмы), должны быть устроены такимъ образомъ, что будучи изъяты изъ поэмы, не могли бы способствовать ни къ какой перемѣнѣ въ главномъ дѣйствіи, то есть, чтобы поэма, какъ съ ними такъ и безъ нихъ, удерживала настоящую свою сущность, и имѣла бы надлежащіе начало, средину и конецъ.—*Сокращ. изъ Discorso d'un'academico traviato, di quanti e quali episodj debba fornirsi l'eroico poeta.*

*

Древняя трагедія состояла изъ четырехъ частей, кои были: прологъ, Епизодъ, Екзодъ и хоръ. *Прологомъ* называлось все то, что предшествовало хору; *Епизодомъ*, помѣщаемое между аріями хора; *Екзодомъ*, все продолжавшееся послѣ окончательной аріи хора, и *хоромъ* пѣніе тѣхъ актеровъ, которые именовались собственно хоромъ.—

Англійскій писатель *Попе* уподобляетъ поэму Епическую саду, въ которомъ находится одна главная аллея, широкая и продолжительная, и въ которомъ

есть также и небольшія аллеи, служащія къ распространенію сада, къ разнообразности, либо къ отдохновенію, но всегда примыкающіяся къ главной. Сіе уподобленіе кажется справедливымъ: только бы сіи небольшія аллеи не были слишкомъ многочисленны; въ противномъ случаѣ онѣ составили бы лавиринфъ, въ которомъ легко заблудиться. — Такъ и съ Епизодами: они излишествомъ своимъ могутъ запутать главное дѣйствіе. — Также сравниваютъ поэму съ широкою рѣкою, которая раздѣляется на разные рукава, образуетъ многіе острова, и принимаетъ въ себя источники и рѣчки. Но должно наблюдать, чтобы это была одна и та же рѣка, которая стремилась бы болѣе и болѣе къ Океану и соединялась бы съ онымъ однимъ только устьемъ.—Иные сравниваютъ поэму Епическую съ картиною, на которой находится одинъ только предметъ, поражающій своею величественностію и красотою; но гдѣ представляются также многія другія изображенія въ прекраснѣйшемъ расположеніи и въ совершенной соразмѣрности.

Сіи сравненія могутъ дать достаточное понятіе о томъ, что суть Епизоды

въ поэмѣ Епической. Но дабы показать и дѣйствіе, какое должны они производить, и мѣсто, какое занимать должны, за нужное почитаемъ раздѣлить Епизоды на два рода: на *случайные* и на *необходимые*. Перваго рода Епизоды служатъ единственно къ украшенію, къ увеселенію, или, такъ сказать, къ успокоенію вниманія читателя. Объяснимъ сіе примѣромъ:

Еней проситъ помощи у Царя Евандра противъ народовъ Италіи, препятствующихъ ему поселиться въ сей странѣ. Онъ приходитъ къ нему во время его жертвоприношенія, и сей Государь разсказываетъ Енею о происхожденіи онаго. —Сей разсказъ, приведенный весьма натурально, не былъ однакожъ *необходимъ*. Ежели обстоятельства требовали, чтобъ Евандръ непремѣнно увѣдомилъ Енея, по какому случаю установлено сіе жертвоприношеніе, то могъ бы сказать въ четырехъ стихахъ, что причиною онаго была побѣда, одержанная Геркулесомъ надъ Какомъ, разбойникомъ, опустошавшимъ сію землю. Блестящее описаніе сего сраженія неиначе можно почесть какъ *случайнымъ* —и если бы изъять его изъ поэмы, то

она лишилась бы только одного украшенія, а самое дѣйствіе отъ того нисколько бы не потерпѣло.

Въ *необходимыхъ* Епизодахъ слѣдуетъ отличать: 1) главный Епизодъ, входящій въ составъ поэмы, 2) Епизоды, служащія къ умноженію или разрушенію препятствій, удерживающихъ окончаніе дѣйствія, 3) Епизоды, способствующіе къ большей занимательности частей главнаго дѣйствія, и 4) Епизоды, употребляемые для крѣпчайшей связи дѣйствія и производящіе ускореніе развязки. — Слѣдующіе примѣры покажутъ сіе различіе:

1. Еней, принужденный отъ бури пристать къ берегамъ Карфагенскимъ, принимается благосклонно Царицею сей страны Дидоною; онъ разсказываетъ ей о взятіи Трои, и несчастіяхъ, претерпѣнныхъ имъ со времени отшествія изъ сего опустошеннаго града. — Вотъ главный Епизодъ Енеиды! онъ *необходимъ*, потому что посредствомъ его мы познаемъ о приключеніяхъ важныхъ, происходившихъ до начала дѣйствія поэмы.

2. Глава Троянъ, кончивъ Дидонѣ повѣствованіе о разрушеніи отечества его, исполняется къ ней любовію, отъ кото-

рой остается у сей младой Царицы, и забываетъ Италію, куда слѣдуетъ по назначенію судьбы, для основанія новой Трои. — Сей Епизодъ служитъ препятствіемъ къ совершенію дѣйствія. Наконецъ герой побѣждаетъ сіе препятствіе: увѣдомленный Меркуріемъ о изволеніи Юпитера, съ мужествомъ разрываетъ узы свои и оставляетъ Карфагену.

3. Въ той же поэмѣ, Троянцы, во время отсутствія Енея, находясь по его приказанію въ станѣ, претерпѣваютъ разныя оскорбленія отъ войска Турнова, который хочетъ даже предать огню укрѣпленія ихъ. При такой крайности они совѣщаютъ между собою и выдумываютъ средство, какъ увѣдомить начальника ихъ о такомъ горестномъ положеніи. Два младые воина, Низусъ и Евріалъ, соединенные дружбою, берутъ на себя сіе увѣдомленіе, тѣмъ опаснѣйшее, что надлежало имъ проходить чрезъ станъ непріятельскій: они погибаютъ, оказавъ храбрость свою во многихъ случаяхъ. Худой успѣхъ въ семъ предпріятіи привелъ Троянъ въ бо́льшее беспокойство, отнявъ у нихъ всякую надежду къ полученію скорой помощи и новыхъ повелѣній отъ Енея.—Ежели исклю-

чить сей Епизодъ, ежели предположить, что Низусъ и Евріалъ благополучно прошли чрезъ непріятельское войско, и прибыли къ Енею, то положеніе Троянъ было бы тогда не такъ горестно, и слѣдовательно не имѣло бы такой занимательности. И такъ сей Епизодъ способствуетъ къ *занимательности* дѣйствія.

4. Въ *Освобожденномъ Іерусалимѣ* влюбленная въ Танкреда Ерминія, надѣваетъ на себя доспѣхи подруги своей Клоринды, и выходитъ изъ Іерусалима ночью для поданія помощи сему раненому Христіанскому герою. Она посылаетъ въ палатку Танкреда своего конюшаго, который, скрывая имя своей Государыни, объявляетъ, что нѣкоторая благородная женщина хочетъ возвратить ему жизнь. Между тѣмъ начальникъ передовой стражи замѣчаетъ ложную Клоринду и даетъ ей сильный ударъ копьемъ. Испуганная Ерминія обращается въ бѣгство; ретивый конь заноситъ ее въ лѣсъ. Въ то же время распространяется по стану Христіанскому слухъ, что видѣли Клоринду, и достигаетъ до Танкреда, обожающаго сію воинственную дѣву. Ахъ! говоритъ, это она—она хотѣла подать мнѣ помощь. Исполненный люб-

ви и радости, беретъ нѣкоторыя оружія, садится на коня и летитъ по мнимымъ слѣдамъ ея; но сбившись съ дороги, пріѣзжаетъ въ за́мокъ волшебницы Армиды. Въ сіе время Христіане, лишась въ Танкредѣ храбрѣйшаго воина, претерпѣваютъ великія несчастія, удерживающіе исполненіе ихъ предпріятія. Сія самая Ерминія, находясь въ станѣ Египтянъ, узнаѐтъ Вафрина, Танкредова конюшаго и Лазутчика Кресшоносцевъ. Она объявляетъ ему тайный заговоръ противъ Годфрида: что восемь воиновъ, переодѣтыхъ во Французскую одежду и вооруженныхъ по образцу стражи Христіанскаго полководца, должны во время сраженія броситься на него и вонзить ему въ грудь кинжалъ, ядомъ напитанный. Узнавъ сіе Годфридъ, перемѣняетъ одежду и вооруженіе своей стражи, и чрезъ сіе въ послѣднемъ сраженіи, рѣшившемъ судьбу Азіи (и служившемъ поводомъ къ совершенному окончанію поэмы), избѣгаетъ угрожавшей ему опасности. — Вотъ Епизодъ, который сначала служитъ средствомъ къ усиленію узла поэмы, и потомъ способствуетъ къ развязкѣ!

Таковы почти всѣ различные роды

Епизодовъ, употребляемыхъ въ поэмѣ Епической. Сіе объясненіе, безъ сомнѣнія, достаточно для показанія, какимъ образомъ должно ихъ помѣщать и связывать съ главнымъ дѣйствіемъ, какъ для украшенія онаго, такъ для усугубленія занимательности. Надлежитъ однакожъ замѣтить, что Епизоды, служащіе только къ украшенію, не будучи необходимо нужными для дѣйствія, должны быть болѣе или менѣе кратки, судя по содержанію болѣе или менѣе уклоняющемуся отъ главнаго предмета.—

Слово *Епизодъ* первоначально означало повѣствованіе вводимое въ лирическія пѣснопѣнія, въ честь боговъ. Сіи повѣствованія сначала выбираемы были изъ исторіи самаго прославляемаго божества; потомъ изъ всякихъ другихъ басней, съ такою вольностію, что часто не имѣли никакой связи между собою. Скоро послѣ, вздумали содинить ихъ вмѣстѣ такимъ образомъ, чтобы, по соединеніи различныхъ частей, они составляли связное повѣствованіе. Сіе-то, говоря мимоходомъ, произвело трагедію. Тогда сіи повѣствованія показались пріятнѣе пѣнія имновъ, и Епизодическое (вводное) повѣствованіе

сдѣлалось главною матеріею; а взаимно и пѣніе имновъ, составлявшее сначала главный предметъ, сдѣлалось Епизодическимъ. Однако сіи двѣ части удержали первое свое названіе, по крайней мѣрѣ въ зрѣлищахъ смѣшанныхъ съ пѣснопѣніями. Тамъ Епизодами всегда назывались повѣствованія по своему происхожденію. Пѣніе имновъ удержало названіе хора. Сіе-то производитъ замѣшательство, которое мы находимъ въ извѣстіяхъ Древнихъ о хорѣ и Епизодахъ.—

Епизодъ въ поэмѣ Епической долженъ представлять предметы, различествующіе отъ предыдущихъ и послѣдующихъ. Причина сему ощутительна: онъ употребляется только для разнообразія. Если бы послѣ описанія сраженій представили Епизодъ, въ которомъ говорилось бы о войнѣ, то это было бы противно его цѣли.—

О поэтахъ и поэмахъ Епическихъ. Гомеръ, жившій около 980 лѣтъ до Р. Х. и около 300 лѣтъ послѣ войны Троянской, есть древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ Епическихъ поэтовъ. О мѣстѣ рожденія его спорили между собою многіе города

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Греческіе. Онъ написалъ двѣ Епическія поэмы: Иліаду и Одиссею.—Нѣсколько первыхъ пѣсней Иліады переведено на Руской языкъ Костровымъ стихами шестистопными ямбическими; Гнѣдичь переводитъ Екзаметромъ и продолжаетъ по нынѣ съ большимъ успѣхомъ.

Виргилій, написавшій Енеиду, многими уважается не менѣе Гомера, хотя и подражалъ сему послѣднему во многихъ мѣстахъ. Онъ родился близь Мантуи за 70 лѣтъ до Р. Х.—Петровъ перевелъ на Руской языкъ Енеиду шестистопными Ямбическими стихами.

Луканъ, родившійся въ Кордовѣ, Испанскомъ городѣ, около 39 лѣтъ по Р. Х. сочинилъ на Латинскомъ языкѣ Фарсалу, почитаемую вообще за высокопарныя вѣдомости о войнѣ Цезаря противу Помпея.

Стацій, родившійся въ Неаполѣ около 30 года по Р. Х. написалъ Фиваиду. Содержаніе: вражда двухъ братьевъ, Етеокла и Полиника, сыновей извѣстнаго Едипа. Въ ней находится нѣсколько удачныхъ описаній, обезображенныхъ однакожъ порывами необузданнаго разсудкомъ воображенія.

Силій, Silius Jtalicus, бывшій Консуломъ въ послѣдній годъ царствованія Нерона и

умершій въ правленіе Траяна, родился въ Римѣ около 55 года по Р. Х.—Онъ описалъ вторую Пуническую войну. Сія поэма содержитъ нѣсколько занимательныхъ подробностей, но не имѣетъ піитическаго жара.

Италія, по возрожденіи наукъ, произвела первыя Епическія поэмы: Влюбленный Роландъ Боярда былъ, такъ сказать, виновникомъ Роланда неистоваго (Orlando furioso) поэмы Аріоста, родившагося въ Реггіи въ 1474 году. Въ сей послѣдней не сохранены правила, но слогъ и описанія очаровательны. Вся поэма писана осмистрочными строфами съ рифмами. — Въ прозаическомъ переводѣ ея на Русскій языкъ съ Французскаго не видно Аріоста.

Триссинъ, современникъ Аріоста, избралъ содержаніемъ своей поэмы освобожденіе Италіи отъ Готовъ Велизаріемъ при Императорѣ Іустиніанѣ. Сія поэма написана правильно, но въ ней нѣтъ поэзіи: ее можно только почесть зарею хорошаго вкуса.

Торквато Тассъ родился въ Соррентѣ въ 1544 году. Поэма его Освобожденный Іерусалимъ заслуживаетъ всеобщее уваженіе. — Г. Мерзляковъ съ успѣхомъ перево-

дипъ сію поэму (шестистопными ямбическими) стихами. Сверхъ того имѣемъ въ прозѣ: полный переводъ Г. Москотильникова съ Французскаго языка, и десять пѣсней, преложенныхъ А. С. Шишковымъ съ подлинника.

Камоенсъ, родившійся въ Лиссабонѣ въ 1517 году и прозванный соотечественниками Виргиліемъ Португальскимъ, предупредилъ Тасса на поприщѣ Епопеи. Тассъ начиналъ еще свою поэму, когда поэтъ Португальскій издалъ *Лузіаду*, содержащую повѣствованіе объ открытіи восточной Индіи. Поэма сія исполнена новыхъ вымысловъ, живописныхъ подробностей и написана слогомъ пріятнымъ; но не должно брать ее за образецъ въ употребленіи *чудеснаго*, которое во многихъ мѣстахъ кажется чудовищнымъ.

Донъ Алонзо д'Ерсилла, Испанецъ, выдалъ свою Араукану въ 1597 году. Названіе сіе дано отъ имени одного мѣстечка на границахъ Хили, которое послѣ всѣхъ прочихъ взято было Испанцами въ Америкѣ. Алонзо покорилъ сіе мѣстечко и воспѣлъ свою побѣду.—Въ сей поэмѣ можно найти нѣсколько отрывковъ, принадлежащихъ къ изящной поэзіи; осталь-

ное написано слогомъ слабымъ и часто весьма низкимъ.

Мильтонъ родившійся въ Лондонѣ въ 1608 году, началъ поэму свою Потерянный Рай на 52 году отъ рожденія. Сіе твореніе отличается многими превосходными мѣстами, но къ сожалѣнію весьма нерѣдко пылкое воображеніе увлекаетъ поэта за предѣлы правдоподобія.

Въ Германіи извѣстны двѣ поэмы: *Клопштокова* Мессіяда и *Мортгенова* Сусанна. Особенно первая отличается величественными описаніями и превосходнымъ во всѣхъ отношеніяхъ слогомъ.

Вольтеръ написалъ Генріаду, которая обращала на себя и похвалы и порицанія. Иные почитали ее превыше Иліады и Енеиды, другіе не хотѣли даже включить ее въ число Епическихъ твореній. Не входя въ такой споръ, можно утвердительно сказать, что Генріада во многихъ мѣстахъ, особенно по части описательной, заслуживаетъ похвалу безпристрастную. — Марія-Францискъ-Аруэтъ де Вольтеръ родился въ Шатене близь Парижа 20 Февраля 1694 года; умеръ въ Парижѣ 30 Мая 1778 года.

Мы имѣемъ двѣ Епическія поэмы, написанныя *Херасковымъ:* Владиміръ и Россіяда. Разборъ послѣдней, сдѣланный Мерзляковымъ, помѣщенъ въ изданномъ имъ въ 1815 году Журналѣ подъ названіемъ *Амфіонъ.*—Ломоносовъ не кончилъ своей Петріяды. — Херасковъ род. 25 Октября 1733 года, скончал. 27 Сентября 1807 года. Ломоносовъ род. въ 1711 года; скончал. Апрѣля 4 дня 1765 года.

ЕПОДЪ. Такъ называлось у Грековъ и Римлянъ собраніе Лирическихъ стиховъ; иногда же придавалось сіе имя послѣднему Стансу, который въ одахъ непосредственно слѣдовалъ за двумя другими стансами, называемыми *строфа* и *антистрофа.*—См. *Ода.*

Еподомъ называли еще Лирическія пѣсни, состоящія изъ двустишій; первой стихъ такой поэмы былъ ямбъ триметръ, а послѣдній ямбъ диметръ (см. сіи слова). Таковы были *Еподы* Архилоховы.

Грамматикъ Викторіанъ пишетъ, что собственно *Еподомъ* назывался кратчайшій предъ другими стихъ, какъ на примѣръ въ Сафической строфѣ стихъ *Адоническій* (см. сіе слово); а Грамматикъ и

поэтъ Теренціанъ приписываетъ названіе *Епода* только второму стиху *Елегическому*. —См. *Елегическій*.

Пятая книга Гораціевыхъ одъ названа *Liber Epodon* отъ показаннаго неравенства стиховъ.

Слово *Еподъ* происходитъ отъ ἐπί надъ, по, и ωδη пѣснь, т. е. стихъ поющійся послѣ или наконцѣ.—См. *Проодическій*.

ЕПОПЕЯ. Тоже, что поэма Епическая. — См. *Епическій*. — Слово *Епопея* происходитъ отъ Греческаго Επος, рѣчь (разсказъ); иные же производятъ оное отъ двухъ словъ: отъ Επος и ποιεῖω, дѣлаю, изобрѣтаю, творю.

ЕПТЕМИМЕРЪ, semiseptemarius, имѣющій семь частей или находящійся посреди семи частей. Слово Греческое, происходящее отъ ἑπτα, семь ημισυς половина и μερος, часть. Въ Греческой и Латинской поэзіи различаютъ *стихъ* Ептемимеръ и *Цезуру* сего имени.

Стихъ Ептемимеръ имѣетъ половину семи стопъ, или три стопы и одинъ слогъ, на пр:

Habet om|nis hoc|volup|tas.

Цезура Ептемимеръ начинаетъ четвертую стопу и слѣдовательно есть седь-

мая полустопа, и хотя бы сей слогъ по свойству своему былъ краткій, но чрезъ сіе положеніе дѣлается долгимъ, какъ въ семъ Виргиліевомъ стихѣ:

Et furi|is agi|tatus a|*mor et*| conscia| virtus.

См. Еннегемимеръ, Тригемимеръ.

ЕРОТИЧЕСКІЙ. Сіе названіе даютъ обыкновенно мѣлочнымъ стихотвореніямъ, въ которыхъ описываетса что нибудь любовное, и въ которыя вводится иногда *Еротъ*.

Еротическими называютъ также Греческихъ авторовъ позднѣйшихъ временъ, кои писали вымышленныя и романическія повѣсти. Къ числу ихъ принадлежатъ: 1.) *Геліодоръ*, родомъ изъ Финикіи, жилъ въ концѣ IV вѣка послѣ Р. Х.—Его Aethiopica въ десяти книгахъ, коей главный предметъ составляетъ любовь Феогена и Харикліеи, переведена на Русскій языкъ Иваномъ Мошковымъ. 1769. 1779. С. П. Б.—2.) *Ахилессъ Тацій*, жившій въ III *или* IV вѣкѣ, написалъ романъ въ осми книгахъ: любовь Клитофона и Левкиппы.—3.) *Лонгусъ*, Софистъ, жившій въ IV или V вѣкѣ, написалъ четыре книги о любви Дафниса и

Хлои.—4.) *Ксенофонтъ Ефесскій*, коего время жизни неизвѣстно, написалъ любовь Анфеи и Аброкомаса. — 5.) *Харитонъ*, изъ Афродиса, коего время жизни также неизвѣстно, написалъ повѣсть о Хереѣ и Каллироѣ, которая переведена на Русскій съ Нѣмецкаго Иваномъ Акимовымъ. С. П. Б. 1766.—6.) *Феодоръ Продромъ*, жилъ въ Константинополѣ, въ первой половинѣ XII вѣка, сочинилъ въ двенадцати книгахъ: любовь Роданта и Досиклеи.—7.) *Евстахій*, жившій въ концѣ XII вѣка, бывшій Епископомъ Фессалонійскимъ. Онъ пріобрѣлъ великую славу своимъ комментаріемъ на Гомера. Ему же приписываютъ: любовь Исменіи и Исменія въ одиннадцати книгахъ; сіе сочиненіе переведено на Русскій съ Французскаго. Москва. 1769.

Еротическою называется Елегія въ нѣкоторомъ видѣ.—См. *Елегія*.

ЕТЕОСТИХЪ. Eteostichon. Стихотворческая игрушка. Такъ у древнихъ назывался стихъ, составляющіе который слова начальными буквами образовали какой либо годъ.—Буквы сіи суть: I. V. X. L. C. D. M.

ЕТОПЕЯ см. Описаніе; и *Ифопія.*

ЕХО. Родъ стиховъ. Также, какъ и Етеостихъ, можно назвать стихотворческою игрушкою. Состоитъ въ томъ, когда послѣдніе слоги оканчивающаго стихъ слова образуютъ другое слово, соотвѣтствующее въ рифмѣ и производящее согласный или противный смыслъ. Предполагается, что сіи краткія слова или отвѣты произноситъ *Ехо*, (отголосокъ) отъ чего и сочиненіе сіе получило такое названіе.

Примѣръ можно видѣть въ сихъ Французскихъ стихахъ:

Qui est l'auteur de ces maux avenus?
— Venus.
Qu'étais-je avant d'entrer en ce passage?
— Sage.
Qu'est ce qu'aimer et se plaindre souvent?
— Vent.
Dis moi quelle est celle pour qui j'endure?
— Dure.
Sent elle bien la douleur qui me point?
— Point.

или

Nos yeux par ton éclat sont si fort éblouis,
Louis,
Que, Lorsque ton canon, qui toul le monde étonne,
Tonne *и пр.*

На Русскомъ языкѣ нѣтъ такихъ удачныхъ примѣровъ, однакожъ покажемъ и то, что имѣемъ:

Кто сдѣлалъ, что хромлю? вѣдь я совсѣмъ не
хромъ! — Ромъ.
Мнѣ очень совѣстно! какъ совѣсть усыпить?
— Пить.

Вотъ еще нѣсколько стиховъ изъ сочиненія *Бонапарте и Ехо*, помѣщеннаго въ N. 4. Восточныхъ извѣстій:

Отъ Русскихъ раненъ кто среди протекшихъ
дней? — Ней.
Уже ль бѣжалъ отъ нихъ и самъ Наполеонъ?
— Онъ.
Гдѣ полчища его съ оружіемъ въ рукахъ?
— Ахъ!

Бонапарте говоритъ:

Кого бояться мнѣ, коль нѣтъ ужъ Прусаковъ?
— Русаковъ.

Какъ? Русскихъ? но мой мечь всѣ войска ихъ по-
жнетъ. — Нѣтъ.
Уже ли не побью я Русскихъ никогда?
— Да.
Такъ, чѣмъ же отъ стыда сего мнѣ избѣжать?
— Бѣжать.
Что будетъ съ Франціей, какъ мой падетъ ку-
миръ? — Миръ
И такъ не получу я никакихъ наградъ?
— Адъ.

У Г. Боброва, въ поэмѣ его *Херсонида*, между прочими рѣдкостями, показывается и *Exo*, говорящее съ пастухами, такимъ образомъ:

Пастухъ.

Ты внидешь въ млечный вертоградъ.

Exo.

Въ вѣчный градъ.

Пастухъ.

. . . Наперстницей пророка будешь.

Exo.

Забудешь.

Пастухъ.

. . . . Вотъ лѣствица! — уже ли жаръ

Exo.

Доселѣ яръ. *и пр.*

Изъ сего отрывка можно видѣть, что *Ехо* Г-на Боброва умѣло даже прибирать рифмы—хотя сіе и несообразно съ принятыми правилами. Оно обязано только, какъ то бываетъ и въ самой природѣ, повторять одни окончательные слоги. Ежели допустить подобную вольность, то услышимъ наконецъ и такое *Ехо*, которое на вопросъ *здоровъ ли?* будетъ отвѣчать *къ вашимъ услугамъ*.

Ж

ЖЕЛАНІЕ. Въ Риторикѣ фигура предложеній: есть изъявленіе сильнаго хотѣнія добра (optatio) или зла (execratio, imprecatio) себѣ или кому другому.

Примѣры:

Да препояшетъ радость холмы!
Да процвѣтетъ лице морей!
Да водворится счастье въ домы
Тобой, избранный изъ Царей!
Да отдадутъ скалы кремнисты
Обратно пѣсни голосисты и пр.

Державинъ.

У Сумарокова въ Трагедіи *Димитрій самозванецъ*:

О градъ, которымъ я ужъ больше не владѣю!
Достанься ты по мнѣ такому же злодѣю!

или

Ступай душа во адъ и буди вѣчно плѣнна!
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!

У Озерова въ трагедіи *Фингалъ* Старнъ говоритъ Коллѣ:

Померкни блескъ вѣнца и честь моей державы,
Погибни вся страна, пускай погибну самъ,
Лишь бы мой врагъ погибъ, палъ мертвъ къ моимъ ногамъ,
Лишь на челѣ бъ его я зрѣлъ погаслу смѣлость,
Глубокихъ язвъ болѣзнь и смерти цѣпенѣлость,
И къ радости моей чтобы услышать могъ
Изъ устъ трепещущихъ тотъ тяжкій, томный вздохъ,
За коимъ для него придетъ молчанье вѣчно.

ЖЕНСКІЙ, Женская рифма--См. *Рифма.*

КОНЕЦЪ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стран.	строк.	*напечатано*	*читай.*
2	24	оканчивается	оканчивается.
33	16	зависишъ	зависитъ
35	19	пробыть	пробыть на всегда.
425	4	рязить	разить.

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Ostolopov, Nikolaj .

Slovar' drevnej i novoj poėzii

Bd.: 1. A - Z

S. Peterburg 1821

L.eleg.g. 578 t-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10575477-7